

# СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК  
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



◆  
БАКУ - 1979

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

---

# С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ*

*Выходит 6 раз в год*

*№ 5*

*СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,  
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. ҚОРОГЛЫ,  
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,  
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,  
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

---

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

---

Сдано в набор 1/X-1979 г. Подписано к печати 20/XII-1979 г. ФГ 31444. Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.  
Заказ 6180. Тираж 2960. Цена 1 руб.

---

*Адрес редакции:* 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок  
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, Н. И. ИСАНБАЕВ

## ВОСТОЧНЫЕ ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ

Восточные финно-угорские языки — удмуртский, марийский и мордовский — заимствовали значительное количество слов из тюркских языков Поволжья, главным образом из татарского. В марийском языке немало также чувашских слов, причем сохранивших те ступени развития вокализма тюркских языков Поволжья, которые в настоящее время для этих языков уже не характерны. Поэтому изучение облика заимствованных тюркских слов в восточных финно-угорских языках может оказаться полезным для изучения истории татарского, башкирского и чувашского языков.

Пратюркское *ə* в татарском, башкирском и отчасти в чувашском языках через промежуточную ступень *e* превратилось в *i*, ср. пратюрк. *kəl-* 'приходить', ор. *kəl-*, ст.-уйг. *kəl-*, азерб. *gəl-*, тат. *kil-*, башк. *kil-*, чув. *kil-*; пратюрк. *kəs-* 'резать', ст.-уйг. *kəs-*, азерб. *kəs-*, тат. *kis-*, башк. *kif-*; пратюрк. *kə:ç* 'вечер', позднее *kəç*, тат. *kiç*, башк. *kis* и т. д.

В чувашском языке чаще всего праязыковое *ə* превращалось в *a*, ср. пратюрк. *təŋ* 'равный', азерб. *təp*, тат. *tiŋ*, но чув. *tan*. Во многих тюркских языках *ə* превращалось в *e* и лишь в немногих из них оно сохранялось.

Финно-угорские языки Поволжья примечательны тем, что в них татарские заимствования сохраняют промежуточную ступень *e*, если считать, что *ə* в татарском и башкирском языках изменялось в направлении  $ə > e > i$ .

Промежуточная ступень *e* встречается в марийских словах, заимствованных в период предшествовавший отделению восточных марийцев от луговых, то есть до XVI—XVII веков.

Мар. *eɪ* 'страна', тат., башк. *il*, чаг., тел. *əl* 'народ', 'общество', кум., каз. *eɪ* 'народ'.

Мар. *eɪ* 'лекарство', тат., башк. *im*, уйг. *əɪ*, кум. *eɪ*.

Мар. *eŋ* 'очень', тат., башк. *iŋ* 'самый', чаг. *əŋ*.

Мар. *eɣuk* 'воля', 'свобода', тат., башк. *iɣek*, уйг. *əɣk* 'сила', 'мощь', чаг. *əɣik*, каз. *eɣik*.

Мар. *esep* 'здоровый', 'благополучный', тат. *isəp*, уйг. *əsəp*.

Мар. *eɣ* 'утро', 'рано', тат. *iɣtə beləp* 'утром', чув. *iɣ* 'утро', чаг. *əɣ*.

Мар. *jemyš*, *jemyž* 'плод', 'фрукт', тат. *žimeš*, чаг. *jəmiš*.

Мар. *kevut* 'магазин', тат., башк. *kibet* 'магазин', 'лавка', ср. др.-тюрк. *kəbit*.

Мар. *kegek* 'нужно' в выражениях *kegek mō*, *kegek kō* 'что угодно', тат. *kiɣək* 'нужно', чаг. *kəɣək*.

Мар. keşyğ 'морковь', тат., башк. kişer, чаг. kəşir.

Мар. neyuz 'основание', тат. pigez.

Мар. teñuz 'море', тат. diñez, чаг. təñiz, кирг. deñiz.

Мар. çeber 'красивый', горно-мар. sever, тат. çibəg, башк. sibəg.

Мар. çek 'граница', горно-мар. sek, тат. çik, башк. sik.

Мар. çeg 'болезнь', горно-мар. seg, тат. çig, башк. sig, ср. др.-тюрк. çəg.

Та же промежуточная ступень *e* сохраняется и в восточномарийских говорах, в словах, заимствованных уже после разделения лугового и восточного наречий.

Калт. emgak 'несчастье', тат., башк. imgak, уйг. эмгək, др.-тюрк. эмгək 'страдание'.

Кунг. eškak 'весло', 'руль', тат. iškək, чаг., азерб. əş- 'грести'.

Балт., менз., белеб. bezaš- 'украшать', тат. biz-, чаг. bəzə-.

Белеб. jel 'ветер', тат. žil, чаг. jəl 'ветер'.

Бирск., калт. кем 'меньше', 'мало', тат. kim, азерб. kəm.

Балт. кемугаš 'грызть', тат., башк. kimeg-, чаг. kəmiğ- 'глодать', 'грызть'.

Белеб. кеп 'много', тат., башк. kiŋ 'широкий', 'обширный', чаг. kəŋ 'широкий'.

Балт. kənaš 'совет', тат. kiŋəš, уйг. kəŋəš.

Белеб. teyuz 'ровный', тат., башк. tigez, др.-тюрк. təkis 'плоский', 'ровный'.

Ступень *e* также хорошо отражена в татарских заимствованиях современного удмуртского языка, ср. удм. kebit 'лавка', 'магазин', тат. kibət; удм. keşyğ 'морковь', тат. kişer; удм. keneš 'совет', тат. kiŋəš; удм. peguz 'основание', тат. pigez; удм. teguz 'ровный', тат. tigez; удм. çeber 'красивый', тат. çibəg; удм. çeg 'болезнь', тат. çig; удм. çeryk 'четверть', тат. çigək; удм. çetlyk 'клетка для птиц', тат. çitlek; удм. el 'страна', (фолькл.), тат. il 'страна'; удм. erik 'свобода', тат. irek; удм. erki 'неженка', тат. iğkə; удм. kesek 'кусочек', тат. kisək и т. д.

В мордовских языках заимствованных тюркских слов значительно меньше, но и в этих языках можно найти слова, отражающие ступень *e*, ср. мокша-морд. sebāg 'хороший', 'приятный', тат. çibəg 'красивый'; эрзя-морд. рек 'очень', 'сильно', мокша-морд. р'āk (из rek); эрзя-морд. jemež 'плод', 'ягода', мокша-морд. jemyš, тат. žimeš и т. д.

Следует заметить, что фонетический закон перехода *e* в *i* в башкирском языке не всегда соблюдается, на что указывает наличие башкирских слов с *e*, ср. чаг. jəmiš 'плод', 'фрукт', тат. žimeš, башк. jemeš, чаг. jəl 'ветер', тат. žil, башк. jel и т. д.

Пратюркское *o* в татарском, башкирском, а также отчасти в чувашском языках сужалось в *u*; ср. пратюрк. toyuz 'девять', тат. tuyuz, башк. tuyuđ, кирг. toyuz и т. д.; пратюрк. ot 'трава', тат. ut, башк. ut, чув. udu, тур. ot, каз. ot и т. д.; пратюрк. toq 'сытый', тур. tok, азерб. tox, тат. tuq, башк. tuq и т. д.

В татарских заимствованиях восточных финно-угорских языков сохраняется старое *o*.

В марийском языке в словах, заимствованных из татарского дс XVI—XVII веков, сохраняется *o*, еще не подвергшееся сужению.

Мар. osal 'злой', 'плохой', тат. usal, уйг. osol 'неряшливый', кирг. osol.

Мар. rog 'мел', тат., башк. buğ, каз. bog, кирг. bog.

Мар. soyaп 'лук' (растение), тат. suyaп, тур. so(γ)an, кирг. soyoп.

Мар. sokyг 'слепой', тат. suqyг, кирг. soqyг.

Мар. sonaг 'охота', тат. sunaг, кирг. sonoг.

Мар. tok 'сытый', тат., башк. tuq, кирг. toq, ст.-тюрк. toq.

Мар. top 'мяч', тат., башк. tur, кирг. top, чар. top.

Мар. tolкуп 'волна', тат., башк. dulqun, кирг. tolqun, кар. tolyun.

Мар. çortan 'шука', тат. çirtan, алт. çortan, кирг. çorton.

Гласный *o* сохраняется также в татарских заимствованиях восточно-марийских говоров.

В.-мар. ojtak 'наперсток', тат. ujtaq, кирг. ojtоq, чар. ojtоq.

В.-мар. ogundyk 'стул', тат. ugundyq, кирг. ogunduq.

В.-мар. bojau 'краска', тат. bujau, каз. bojau 'краска'.

В.-мар. joγan 'одеяло', тат., башк. juγan, тур., азерб. joγan.

В.-мар. mojynsa 'ожерелье', тат. miγynsa, якут. mojyn 'шея'.

В.-мар. soγuš 'война', тат. suγuš, кирг. soγuš.

В.-мар. toγaj 'залив', 'излучина', тат. tuγaj 'излучина', чар., др.-тюрк. toγaj 'лес в низине на излучине реки'.

В.-мар. tozan 'пыль', тат. tuzan, кирг. tozon 'мелкая пыль в воздухе'; др.-тюрк., тур., туркм. tozan.

Старое *o* сохраняется в заимствованных татарских словах в удмуртском языке, ср. удм. çoktop 'дубина', тат. çiqtap; удм. сев. top 'прямо', тат. tury.

Имеется старое *o* и в заимствованных из татарского словах мордовских языков, ср. мокша-морд. osal 'исхудалый', 'плохой', тат. usal; эрзя-морд. обл. togkaj 'жаворонок', тат. tuγaj; эрзя-морд. sokor 'слепой', тат. suqur; эрзя-морд. rog 'мел', тат. bur; эрзя-морд. olak 'желоб', тат. ulaq; эрзя-морд. tolкуп 'волна', тат. dulqun и т. д.

Пратюркское *ø* в татарском и башкирском языках сужалось в *y*, ср. көz 'глаз', тат. күz, башк. күд, көр 'много', тат. күр, башк. күр, sөz 'слово', тат. сүz, башк. сүд и т. д.

В заимствованиях из татарского языка, проникших в марийский язык до XVI века, *ø* еще сохраняется.

Мар. kök 'синий', 'серый', тат., башк. күк 'синий', 'голубой', 'синий'.

Мар. kögä 'соответственно', тат. күгә 'смотря', 'сообразно', 'вследствие того', кирг. көгө, тур. gөгө.

Мар. pöläš 'делить', тат. бүl-, кирг. бөл-, туркм. бөл-, чар. бөл-.

Древнее *ø* также сохраняется в заимствованиях из татарского языка, вошедших в восточномарийские говоры после XVI века.

В.-мар. ökygäš 'выть', 'реветь', тат., башк. үкэг-, кирг. öкyг- 'реветь' (о быке).

В.-мар. ötäč 'долг', тат. үтеч, башк. үtes, др.-тюрк. et- 'платить долг'.

В.-мар. közläk 'очки', тат. күzlek, тур. gөzlyk.

В.-мар. kömäš 'заваливать землей', 'хоронить', тат. күт-, кирг. көт-, уйг. көт-, чар. көт-, туркм., тур. gөт-.

В.-мар. көп 'кожа', 'кожанный', тат. күп, кирг., каз. көп, туркм. көп, тур. gөп.

В.-мар. köřšö 'сосед', тат., башк. күрše, бараб. көрšy.

Старое *ö* представлено также в татарских заимствованных словах в удмуртском языке, ср. удм. öč 'злоба', тат. үч; удм. köгyк 'кузнечный мех', тат. күгек; удм. köсyпу 'переселяться', тат. күсеп- и т. д. Следует, однако, заметить, что в современном удмуртском языке *ö* звучит так же, как и в языке коми, то есть представляет собой среднерядный гласный, произносимый при пассивных губах и языке, но когда-то произношение этого звука было подобным произношению современного немецкого *ö*.

В мордовских языках аналогичного рода заимствований из татарского языка, по-видимому, очень мало. Кроме того, их весьма трудно выявить из-за отсутствия в мордовских языках звука *ö*. Тем не менее имеются некоторые языковые данные, позволяющие судить о том, что в

мордовских языках в словах, заимствованных из татарского языка, также было представлено старое *ö*, ср. эрзя-морд. kog'as 'по' и тат. күгә 'по'.

Старое праязыковое *u* в татарском, башкирском и чувашском языках превращалось в редуцированный гласный заднего ряда. Мы его обозначаем через *o*, ср. uzaq 'длинный', тат. ozaq, башк. oбаq, тур. uzak, кирг. uzaq и т. д.; tut- 'держать', тат. tot-, башк. tot-, кум. tut-, туркм. tut- и т. д.

Однако в марийском языке имеются заимствования из татарского и чувашского языков, сохраняющие старое *u*, ср. мар. tukum 'род', тат. toqum; мар. pursa 'горох', чув. pors'a, тат. borçaq; мар. surt 'дом с надворными постройками', 'жилище', 'хозяйство', чув. s'urt 'дом', тат. jort; мар. sug 'серый', тат. согу 'серый' и т. д. Сходный по звучанию редуцированный гласный имеется в марийском языке. Графически он изображается как *ы*. Поэтому чувашское pors'a 'горох' могло бы быть передано в марийском как pурса. Наличие в заимствованных словах гласного *u* свидетельствует о том, что в древности *u* в них действительно существовало.

Старое праязыковое *ï* в татарском и башкирском языках превращается в редуцированное *ö*, ср. tüş- 'падать', тат. и башк. төш-, тур. düş-, кум. түш-, кирг. түш- и т. д.; кү:n 'день', позднее күп, тат. көп, башк. көп, кум. күп, кирг. күп и т. д.

В заимствованных из татарского языка словах в марийском языке старое *ï* сохраняется, ср. мар. tūs 'цвет', тат. төс, башк. төф, тур. tус, кум. түс и т. д.

Эрзя-мордовское t'us 'цвет' также отражает старое tūs. Ср. также мар. рütyn' 'весь', 'целый', тат. бөтен, тур. бүтүн.

На основе этого можно сделать вывод, что заимствования из татарского языка, представленные в современных восточных финно-угорских языках, убедительно показывают, что характерное для татарского, башкирского и отчасти чувашского языков сужение гласных  $e > i$ ,  $o > u$  и  $ö > ï$  произошло относительно поздно, в период между XVI и XVII веками. Татарскому языку времен Золотой Орды не было присуще сужение гласных.

Вместе с тем следует иметь в виду, что сужение гласных было связано с другими явлениями. «Сужение *o* в группе тюркских языков Поволжья, — замечает А. М. Щербак, — по мнению большинства тюркологов, происходило в сравнительно недавнее время и было тесно связано с общим процессом передвижения гласных в указанных языках, т. е. с расширением *y, ü, î, i* (соответственно *o, ö, î, i*) и сужением *ä (> i)*. В. В. Радлов относил его к XIV в., некоторые тюркологи относят этот процесс к более позднему времени»<sup>1</sup>. И далее «Вследствие сокращения количества узкие гласные расширились, т. е. стали полуузкими, приблизившись в качественном отношении к широким гласным. Опасность смешения тех и других вызвала изменение уровня подъема последних: широкие лабиализованные гласные сузились»<sup>2</sup>.

Таким образом, основной причиной сужения гласных в татарском, башкирском и отчасти чувашском языках явилось образование редуцированных гласных на месте пратюркских *u, ï* и *i*.

Следовательно, в период сохранения старых *e, o* и *ï* в тюркских языках Поволжья редуцированных гласных не было.

В марийском языке встречаются слова, заимствованные из старочувашского языка, представляющие определенный интерес для изучения

<sup>1</sup> А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 149—150.

<sup>2</sup> Там же, стр. 150.

истории чувашского языка. Ср. горномарийское слово *tāŋ* 'равный' и современное чувашское *tap* 'равный'. Горномарийское *tāŋ* сохраняет гласный *ā* и носовой согласный *ŋ*, исчезнувшие в современном чувашском языке. Марийское *tūs* 'цвет' по сравнению с чувашским *tēs* 'цвет', сохраняет старое *ū*. В чувашском языке из *ū*, вероятно, сначала получилось *ō*, а затем уже оно делабиализовалось в *ö*.

Все эти данные подтверждают положение о том, что восточные финно-угорские языки могут дать интересный материал для изучения истории тюркских языков Поволжья.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- В.мар.* — восточномарийский диалект,  
*Балт.* — балтасинский говор марийского языка,  
*Белеб.* — белебейский говор марийского языка,  
*Бирск.* — бирский говор марийского языка,  
*Калт.* — калтасинский говор марийского языка,  
*Кар.* — каранский язык,  
*Кум.* — кумыкский язык,  
*Кунг.* — кунгурский говор марийского языка,  
*Менз.* — мензелинский говор марийского языка,  
*Тел.* — телеутский язык.
-



## ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРОДОМОВ

### АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУЛГАРИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В популярных пособиях по русской лексикологии утвердилась точка зрения, согласно которой во всех тюркизмах русского языка ударение приходится на последний слог. Эта характеристика в основном правильна, но она не учитывает того обстоятельства, что ударение в косвенных падежах может отличаться от ударения в именительном падеже, а также изменяться в процессе эволюции этого слова в заимствующем языке.

Дифференцированно о месте ударения в тюркизмах писал В. А. Богородицкий, отмечавший, «что в словах муж. рода в И. ед. оно падает на конечный (суффиксальный) слог, а в косвенных падежах обычно переходит на окончание, кроме слов с суффиксом *ан*, где оно обычно сохраняется на суффиксальном слоге, срв. башлык—башлыкá, но аркан—арканá»<sup>1</sup>.

Это положение В. А. Богородицкого было уточнено и конкретизировано Н. К. Дмитриевым<sup>2</sup>. Н. К. Дмитриев сделал интересную попытку связать перенос ударения на окончание в косвенных падежах у существительных мужского рода с хронологией заимствования этих слов: перенос якобы наблюдается в более старых заимствованиях, глубже вросших в русский словарный фонд под влиянием и по аналогии с русскими словами. Н. К. Дмитриев главное внимание уделил характеристике ударения в тюркизмах в соответствии с нормами русского языка 1940—1941 годов, нашедшими отражение в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, оговорив местные отклонения в ударении в отдельных словах.

А. В. Суперанская рассмотрела вопросы ударения с точки зрения культуры речи<sup>3</sup>. Ее книга-справочник базируется на акцентологической картотеке Института русского языка Академии наук СССР, материалы которой комментируются А. В. Суперанской без учета ударения в языке-источнике. Автор основной упор делает на так называемые финали (почему-то названные ею «морфонологическими») — конечные звуковые комплексы, играющие определенную роль в изменении ударения по аналогии. В книге использован текстовый материал XIX—XX веков, до-

<sup>1</sup> В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 3-е. Казань, 1911, стр. 491; изд. 5-е. М.—Л., 1935, стр. 352 (ср. однако *кабан—кабанá, чабан—чабанá*).

<sup>2</sup> См.: Н. К. Дмитриев. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — «Сборник статей по языкознанию, посвященный памяти М. В. Сергиевского». М., 1961, стр. 96—104.

<sup>3</sup> А. В. Суперанская. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968.

полненный сведениями об ударениях, взятыми из русских словарей XVIII века (вернее из справочной части семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», хотя ссылки сделаны непосредственно на источники этого словаря). Из-за малой хронологической глубины и довольствования только одними литературными примерами, а также в связи с неучетом акцентной парадигмы (автор рассматривает лишь ударение именительного падежа) книга А. В. Супранской не представляет большого интереса для историка языка.

В статье В. В. Колесова «Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики)»<sup>4</sup> тюркизмы вместе с другими заимствованными словами разбираются с точки зрения их акцентуации. Статья содержит ценный фактический материал, соотносимый с современным русским языком. Однако автор также исходит из распространенной точки зрения об обязательности в тюркских по происхождению словах конечного ударения.

Вопрос об ударении в тюркских языках довольно сложен, ему посвящена обширная литература, обстоятельный обзор которой сделан М. Рясняном и А. М. Щербаком<sup>5</sup>. Поэтому останавливаться на характеристике тюркского ударения мы здесь не будем. В данной статье рассматриваются просодические особенности древних болгарских заимствований в русском и в других славянских языках, позволяющие выявить некоторые черты акцентологии болгарских диалектов средневековья.

Подавляющее большинство болгарских заимствований в тех славянских языках, где сохранилось старое нефиксированное славянское ударение, имеет, как и в русском языке, ударение на последнем слоге слова, что считается типичным и для тюркских языков. Для доказательства этого положения достаточно сослаться на литературу, содержащую более или менее обширные перечни слов, сопоставляемых по различным признакам с чувашско-болгарскими словами: в большинстве своем эти слова имеют ударение на последнем слоге<sup>6</sup>.

Таково, например, ударение в русском чувашизме *чигйт* 'круто посоленный творог, залитый впрок коровьим маслом', выявленном уже В. И. Далем (чувашск. *чăкăт* 'крестьянский сыр' представляет собой явный кыпчакизм).

Уже давно была отмечена одна любопытная особенность акцентуации чувашского языка (вошедшая в литературный язык из верхового наречия): при общем тяготении ударения к концу слова оно обычно не может падать на конечный или срединный редуцированный гласный и перемещается к началу слова на гласный полного образования, а в случае наличия в составе слова исключительно редуцированных гласных — ударение падает на первый (начальный) слог слова. Аналогичная кар-

<sup>4</sup> «Русская историческая лексикология и лексикография», I. Л., 1972, стр. 28—45.

<sup>5</sup> См.: М. Ряснян. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 33—46; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 110—120; ср. также: У. Ш. Байчура. Характер ударения в мишарско-татарском диалекте. — «Вопросы языкознания», 1959, № 2, стр. 113—116.

<sup>6</sup> Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 111—114 (первичный материал для дальнейшего изучения); И. Г. Добродомов. Некоторые соображения о болгарском вкладе в славянских языках. — В сб.: «Проблемы русского языкознания» («Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 403). М., 1970, стр. 41—53; И. Т. Сергеев. Чувашизмы в русских говорах Поволжья. — «Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения)», вып. 1. Чебоксары, 1972, стр. 63—69.

Отсутствие литературы при этимологиях означает, что автор приводит мнения, отраженные в русских этимологических словарях (в первую очередь у М. Р. Фасмера).

тина наблюдается и в ареально связанном с чувашским марийском языке<sup>7</sup>. Исторически чувашские редуцированные гласные *ё, ё* восходят к старым тюркским узким гласным *i, ü, y, u*. В других тюркских языках аналогичные акцентологические явления не отмечены, так что перенос ударения с узкого (редуцированного) гласного на предшествующий слог можно даже считать признаком болгарско-чувашского происхождения соответствующего тюркизма.

Особенно показательным в этом отношении слово *войлок* (в др.-русс. также *воилукъ* 'чепрак' с XVI века), восходящее к болгарскому *\*вайлук* в соответствии с татарским *\*ойлык* (нигде в татарских словарях, однако, не отмеченным), однокорневым с древнетюркским дериватом от глагола *уй-* 'трамбовать, укладывать' (существительное *ойма, уйма* 'войлок, из которого делают обувь') (ДТС). Более древний облик русского слова сохранился в некоторых прибалтийскофинских языках, куда слово попало из русского языка: восточнофинск. *voiluke, voilukka* 'войлочная подушка под хомутом', карельск. *voilukka*, олонецк. *voilukku* 'войлок', эстонск. *voilok* (корень *voiloki*), *voilokas* 'грубый войлок', хотя это и сравнительно позднее заимствование<sup>8</sup>. Ср. также литовское *vailōkas* 'подушка, чепрак'. Начальный согласный русского *войлок* в соответствии с вокалическим началом древнетюркского глагола *уй-* вместе с ударением на первом слоге свидетельствуют о болгарском происхождении слова.

Таково же ударение в другом болгаризме русского языка *бисер* (из более древнего *бисерьъ*, как указывают на то данные старославянского языка). М. Р. Фасмер считает это слово в русском языке старославянизмом, что справедливо только по отношению к значению «жемчуг»<sup>9</sup>, в котором оно употреблялось в древнерусской письменности, а сейчас входит в состав библейского фразеологизма «метать бисер пред свиньями», однако по отношению к другому значению «стеклянные мелкие бусинки» требуются дополнительные разыскания. Источником для славянского *бисерьъ* послужила болгарская форма *\*бѹ:сѹр, \*бѹ:сир* (она восходит к арабскому *بِسْر* — *busr*), из которой также выводится *мѹсор, бѹсорь, бѹсыр, бѹсырь* 'хлам, барахло, старье'<sup>10</sup>. Отнесение огласовки то к переднему (*бисер*), то к заднему (*мѹсор*) ряду объясняется различной интерпретацией тюркского гласного *й*, чуждого славянам. Сюда же примыкает и слово *бусы*, в котором конечный *-р* отпал еще на тюркской почве, возможно, уже при заимствовании арабского *بِسْر* — *busr*, ибо сочетание двух согласных в конце слова тюркским языкам несвойственно. Конечный *-р* мог отпасть и позже, о чем свидетельствуют варианты слова *бусинка* в русских говорах: *бѹсерка, бусирѹнка*<sup>11</sup>. Ср. также с метатезой *бѹрсы* 'бусы'<sup>12</sup>. Выпадение звука *-р* отмечается также в южно-

<sup>7</sup> Б. А. Серебrenников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 14—15. Впрочем, низовому наречию чувашского языка такая особенность ударения несвойственна: там ударение прочно закреплено за конечным слогом слова, независимо от качества гласного.

<sup>8</sup> J. J. Makkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen. Helsingfors, 1894 (-MSFOu, VIII), стр. 37, 102.

<sup>9</sup> Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 170.

<sup>10</sup> М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, стр. 252; т. III. М., 1971, стр. 17 (дополнение О. Н. Трубачева); ср.: А. С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — «Славянское языкознание», VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, стр. 212—214; М. Рачева. К этимологии слова *бисер*. — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 78—84.

<sup>11</sup> См.: «Словарь русских народных говоров», вып. 3. Л., 1968, стр. 304.

<sup>12</sup> Там же, стр. 298.

славянском болгаризме *ковчег*, сопоставляемом с венгерским *kovorsó* 'гроб', выводимым из болгарского источника, соотносимого с древнетюркским *қабырчақ* 'ящик, сундук, гроб'. Ср. также форму *бузы* с непонятным озвончением в калужских и московских говорах, а также брянское *бузочек* 'бусы'<sup>13</sup>.

Своеобразие ударения слова *товарищ* (русск.), белорусск. *таварыш*, укр. *товариш*, др.-русск. *товариш* (ср. XIV в.), позже также *товариш*; с.-хорв. устар. *товариш* (чак.), *товаруш* (кайк.) *socius*; словенск. *tovâriš*, устар. *tovâguš*, чешск. *tovaryš*, стар. *tovariš*; словацк. *tovariš*, польск. *towarzysz*, в.-луж. *towarŕ*, н.-луж. *towariš* позволяет видеть в этом слове отражение болгарского источника, где ударение с конечного узкого гласного оттянулось к началу слова<sup>14</sup>. Правда, наличие конечного согласного *-ш*, *-щ* (последний только в русском языке) в славянских словах, как и в венгерском *társ* 'товариш, одноклассник, партнер', вместо ожидаемого болгарского *-л*, заставляет пока оставить вопрос о происхождении этого слова открытым, несмотря на чув. *йыш* 'численность, совокупность; хозяин подобный, близкий'<sup>15</sup>. Ср. также рум. *tovăgăș*.

Впрочем, особенности ударения этого слова можно объяснить спордически наблюдающимся в русских тюркизмах (сложных словах) переносом ударения с конечного компонента. Ср. *каракуль*.

В связи с болгарским переносом ударения с конечного узкого гласного не вызывает удивления существование постоянного ударения на первом слоге в слове *кумиръ* в старорусских акцентированных памятниках<sup>16</sup>, совпадающее с сербско-хорватским *кѹмѣр*, но отличающееся от болгарского *кумѣр*, которое, вероятно, восходит к одному из болгарских диалектов, где ударение с конечного узкого гласного не переносилось. Болгарское происхождение слова *кумиръ* убедительно аргументировано А. С. Львовым<sup>17</sup>, и начальное ударение в этом слове еще не говорит в пользу единодушно отвергаемой учеными финно-угорской этимологии. Правда, при анализе акцентологии слова *кумир* следует учитывать, что в русский язык оно попало через старославянский язык, и ударение в нем связано поочередно с сербской и болгарской традицией.

Сложные колебания ударения обнаруживаются в истории слова *книгоцѣй* (форма, фактически употребительная в современном русском языке, при рекомендуемой орфографическим словарем искусственной книжной форме *книгоцѣй*), которое зафиксировано также с ударением, перенесенным с редуцированных гласных на гласный полного образования — *кнѣгчѣй*, а также в книжной по своему употреблению форме

<sup>13</sup> «Словарь русских народных говоров», стр. 258—259.

<sup>14</sup> Ср.: *Є. С. Отин*. До етимології слова *товариш*. — Журн. «Мовознавство», Київ, 1969, № 5, стр. 58—62.

<sup>15</sup> См.: *В. Г. Егоров*. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 83—84.

<sup>16</sup> *В. В. Колесов*. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. — «Русская историческая лексикология и лексикография», I. Л., 1972, стр. 31.

<sup>17</sup> *А. С. Львов*. Значение чувашского языка в определении этимологии некоторых слов старославянского языка. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», выг. XXVIII. Чебоксары, 1965, стр. 51—53; *его же*. Из лексикологических наблюдений. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 189—193. Написание *кумѣр* в Коломенской Палее 1406 было объяснено уже *А. И. Соболевским* («Лекции по истории русского языка», 4-е изд. М., 1907, стр. 85) как гиперизм в говорах, смешивающих *ѣ* и *и*. Ср.: *А. И. Попов*. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 54; *его же*. Названия народов СССР. Введение в этнонимы. Л., 1973, стр. 11. Ср. теперь: *Вяч. Вс. Иванов*. Урартск. *mar*, хуррит. *marianne*, хайасск. *Marija*. — «Переднеазиатский сборник, III. История и филология стран Древнего Востока». М., 1979, стр. 111. Легший в основу славянского *кумиръ* этноним *киммерийцы* связывается здесь с хеттским *gimra* 'степь', лувийским *imtar*.

книго́чий (ударение перенесено с конечного редуцированного слога на предпоследний). История ударения в этом слове требует дополнительных разысканий, учета особенностей его фонетической структуры в языке-источнике и в русском языке<sup>18</sup>.

Казанское русское *тоярымка* 'чувашская пляска, собственно сваха', выводимое М. Рясняном, вслед за В. И. Далем, из чувашского языка, по характеру ударения основы (если отбросить русский словообразовательный аффикс *-ка*) должно быть причислено к заимствованиям из верхового наречия. В пользу этого говорит также огласовка *о* в соответствии с *у* низового диалекта. То же можно сказать и о словах *сюкур*, *сюкуры* симбирск. 'мордовские лепешки, сверху с кашей и с творогом; шаньги, ватрушки', *сюкур* казанск. (из чувашск.) 'хлеб', отмеченных у В. И. Даля (IV, 382—383). О происхождении русских и мордовских слов от слов верховых чувашских говоров свидетельствует не только перенос ударения к началу слова с редуцированных гласных, но и лабиализация редуцированных, характерная для верхового наречия чувашского языка. Но казанское *сюва́* (мн. число *сюва́и*) 'кладбище инородцев, мазарки', которое и в чувашском первоисточнике *çává* 'кладбище', сохраняет устойчивое ударение на конечном гласном полного образования, может быть отнесено к верховому наречию лишь в связи с лабиализованностью редуцированного гласного, что низовому наречию чувашского языка несвойственно<sup>19</sup>.

Волжский русский диалектизм *чыбык* 'удилище на блесну, долгое и крепкое' В. И. Даль выводил из татарского *чубукъ*, а М. Р. Фасмер из турецкого, крымско-татарского, уйгурского, алтайского и казанско-татарского *чыбык* 'прут, тонкая палочка', из которых по географическим соображениям подходит лишь казанско-татарское многозначное *чыбык*. Однако акцентуация русского слова заставляет в поисках источника обратиться к верховому наречию чувашского языка, где имеется слово *чӑпӑк* 'чубук, прут', представляющее собой в свою очередь заимствование из татарского (в связи с *ч-*, в соответствии с которым в чувашском ожидался бы \**ç-*). Более архаичный облик тюркского слова представлен в русском *чубу́к* 'полый стержень курительной трубки; черенок винограда для посадки', где русский язык усилил слабую лабиализацию гласного *ы* в соседстве с губным *б* и сохранил типичное тюркское ударение на конечном слоге.

На основании акцентологических данных следует признать болгаризмом название растения *таво́лга* при гетерогенности его акцентологического варианта *таво́лга*, *таво́лга*<sup>20</sup>. Причем это заимствование из-за огласовки *-а-* в первом слоге следует считать довольно древним, ибо прилагательное *туво́лжаныи*, отмеченное у И. И. Срезневского с конца XVI века, уже отражает переход болгарского *а* в первом слоге в *у*; следовательно, заимствование формы *таво́лга* имело место ранее. Необходимо учесть, что русское *таво́лга* восходит к иному болгарскому диалекту, нежели чувашское *тупӑ́лха*, вытеснившее из употребления исконные татарскую и башкирскую формы, замененные теперь чувашизмом *тубы́лгы* при форме *табы́лқу*, *тавы́лқу*, *тавы́лғуч* в древнетюркской письменности (ДТС).

<sup>18</sup> Об истории этого слова см.: В. В. Лопатин и Б. С. Шварцкопф. Книго́чий — книго́чей. — «Русская речь». М., 1968, № 2, стр. 86—91.

<sup>19</sup> M. Räsänen. Der Wolga-bo'garische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte. — «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXIX, 1966, стр. 199

<sup>20</sup> А. В. Суперанская в работе «Ударение в заимствованных словах в современном русском языке» (стр. 171) отсылает к русским диалектам, но материала диалектов не приводит.

Любопытно «сокращенное» слово *волжѧнка* от *таволжѧнка*, образованное, вероятно, от небулгарской формы *таволгѧ*.

Высказанное М. Рясененом предположение о чувашско-булгарском посредстве в заимствовании из иранского (персидского) источника названия бахчевой культуры *арбуз*<sup>21</sup> не нашло поддержки у составителей этимологических словарей русского языка, хотя возможность такой этимологии подтверждает просторечный акцентологический дублет *арбуз*, ударение которого не получает иного объяснения. В свою очередь современное чувашское слово *арбуз*, как показывает его орфография, обязано своей формой обратному влиянию русского языка. Форма *арбуз* удачно объяснена Н. К. Дмитриевым как заимствование из диалекта типа касимовско-татарского, где заднеязычные согласные заменяются гортанной смычкой<sup>22</sup>.

Расхождение в ударении между русским *атаман* и украинским *отѧман* (устар. также *атѧман*), а также колебание в старорусском *атѧманъ* и русском диалектном *ватѧманъ*<sup>23</sup> — очень старое явление и обусловлено проникновением разных форм из различных тюркских источников: в их основу легли болгарское *\*ватѧман* (< *\*ватагман*) и форма *\*отѧман* (< *\*отагман*) прочих тюркских языков, где внутри слова имелась заместительная долгота гласного, воспринимаемая как ударение. Русские формы с обычным для тюркизма конечным ударением, возможно, отражают сокращение долготы. Форма *атаман* (из более старой *ватаманъ*) возникла в результате переразложения и отнесения начального согласного *в-* к предлогу<sup>24</sup>.

Генуинная этимология почти общеславянского названия творага [русск. *тварог*, *твѧрѧг*, укр. *тваріг* (есть у Фасмера, отсутствует у Гринченка), белорусск. *твѧраг*, *тварѧг*; болг. *тварѧг*, чешск., словацк. *tvagoh*, польск. *twagŏg*, в.-луж. *twagoh*, н.-луж. *twagog*] от корня *твор-ити* с помощью сомнительного славянского суффикса *-огъ*, который не может быть охарактеризован как живой и ясный словообразовательный элемент (В. Махек), весьма уязвима, и поэтому предположение о тюркском происхождении славянского слова гораздо лучше объясняет неустойчивость огласовки, столь характерную для заимствований, особенно если за основу сравнения брать не чагатайскую форму *тураѧ* (? *тораѧ*), обычно привлекаемую этимологами, а ее болгарско-чувашское соответствие *\*тѧвѧраг* со следами дифтонгической передачи долготы гласного в первом слоге, отраженной в венгерском болгаризме *túrŏ* как обычная долгота<sup>25</sup>. Колебания ударения *твѧрѧг* аналогичны колебаниям ударения в восточнославянском *атѧман*, где с конечного слога ударение оттягивалось на долгий гласный внутри слога: *\*ватагман* > *\*ватѧман*, но есть также и случаи закономерного тюркского ударения на конечном кратком слоге. Ср. *батѧг*, *сапѧг*.

Рефлекс тюркского *j-* в виде непалатализованного *s-* отражается в общеславянском болгаризме — славянском названии сыворотки: русск. *сыворотка*, белорусск. *сырѧватка*, укр. *сирѧватка*, болг. *сурѧватка*,

<sup>21</sup> М. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss., стр. 195.

<sup>22</sup> Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 16.

<sup>23</sup> В. В. Колесов. Указ. раб., стр. 39.

<sup>24</sup> И. Г. Добродомов. Атаман и гетман. — «Русская речь», 1972, № 5, стр. 110—114. Вторичность русской формы *атаман* (из *ватаманъ*) не учел Э. В. Севортян, см.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 202.

<sup>25</sup> G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 210—211, считает тюркское слово индоевропейским заимствованием, а славянское — генуинным.

с.-хорв. *сўрутка*, словенск. *sirotka*, чешск. *syrovátka*, словацк. *srvátka*, польск. *serwatka*, в.-луж. *syg(o)watka*, н.-луж. *s(e)gowatka*, *s(e)gowizń* — причем для всех этих форм невозможно установить общую праформу. Зато все эти слова объяснимы как народноэтимологические переосмысления болгарской формы \**сѹварат*, соотносимой с тюркскими названиями кислого молока типа: якутск. *суорат*, киргизск. *жуурат* и т. п.<sup>26</sup> Русский сибирский диалектизм *сорá* 'якутское кислое коровье масло' отражает якутскую фонетику, а в кавказском диалектизме *чурт* (у ногаев) 'род варенца, кипяченое молоко с закваской', возможно, скрывается форма другого болгарского диалекта, откуда попало во многие языки название верхней одежды *чуха*, если здесь нет субституции *дж->ч-* в силу отсутствия звонкой аффрикаты *дж-* в русском языке. Ср. также *югурт*, *яурт* и т. п. с тюркским *ј-* в анлауте.

Предположение о болгарском источнике славянского названия *сыворотки* также помогает объяснить чрезвычайно разнообразную акцентуацию этого слова в современных славянских языках. Русская форма *сыворотка* отражает ударение на первой части дифтонга в соответствии со словенским *sirotka*. В преобразованных под влиянием народноэтимологического сближения со словом *сыр* белорусской форме *сырóватка* и украинской *сирóватка* (из \**сывóротка*) отражено ударение на второй части дифтонга, аналогичное ударению в уже рассмотренном слове *твóрог*. Также подвергшееся народноэтимологическому преобразованию сближение с прилагательным *сурóв* 'сырой, суровый' болгарское *сурóватка* сохранило, однако, типичное для тюркских языков конечное ударение в производящей основе. Сербскохорватское *сўрутка* своей формой и акцентуацией воспроизводит венгерский первоисточник *szurútyka* (диал.), восходящий к другому болгарскому прототипу, аналичному *югурт*, *югурт*.

Не вполне ясно происхождение областного (?) акцентологического варианта *чáкан*, отмеченного в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) и у В. И. Даля, в противоположность считающемуся литературным варианту *чакáн*, который, по данным семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (т. 17, столб. 752), фиксируется, начиная с «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858 г.), даже нормативными словарями. В связи с этим непонятно игнорирование нормативной акцентовки этого слова В. А. Меркуловой<sup>27</sup>, хотя автор использовала также источники, приводящие это слово с ударением *чáкан*. Вполне возможно, что ударение *чáкан* связано с долготой первого слога в болгарском источнике, на которую указывают алтайское *дьеекен* 'камыш' и венгерское *gyékény* 'рогожа, диновка' (долгота второго слога в венгерском слове обусловлена его позицией перед *-ny*, в которой продлеваются и другие гласные).

Долготой гласного в первом слоге болгарского топонима *Сурóжь* в Крыму (<\**Сўрáг+ѣь*, соотносимого с *Суғдаг*> *Судак*) хорошо объясняется наличие ударения на начальном слоге слова, что обычно ускользало от внимания исследователей. *Сурáж* Брянской области, преобразованный в город из деревни *Сурáжичи*, имеет другое происхождение.

<sup>26</sup> Иные тюркские формы и их этимология рассмотрены в статье: И. Г. Добродомов. Новая одежда старых слов. — «Русская речь», 1972, № 2, стр. 67—70; здесь же в отражении этих слов на русской почве. Ср. также: И. Г. Добродомов. К вопросу о венгерском *sz-*, соответствующем тюркскому *ј-*, в старых болгаризмах. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 112—125.

<sup>27</sup> См.: В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 54.

убедительно раскрытое О. Н. Трубачевым как восходящее к личному имени \**Сурадъ*<sup>28</sup>. Возможна также праформа \**Суразъ*.

В довольно многочисленной группе тюркизмов ударение изменило свое место из-за присоединения к ним безударного славянского окончания -а, характерного для существительных женского рода, причем это окончание, как и окончания других падежей, обычно остается безударным: постоянное ударение падает на последний слог основы. Исключение представлено двумя словами — болгаризмом *дрофа́* (форма *дрѳа*, впрочем, тоже известна, но литературные нормативные справочники ее осуждают) и также не стабилизовавшим окончательно место ударения и родовую принадлежность тюркизмом *кобу́ра*, *кубу́ра*, *кобу́р*.

Устойчивое ударение перед окончанием сохраняется у болгаризмов *бра́га*, *вата́га*<sup>29</sup> (по этому же образцу оформилось семантически близкое кавказское *кача́га* 'шайка разбойников; разбойничий набег, наезд'), *юра́га*<sup>30</sup>. В случае признания тюркской этимологии для слова *корчага* (из более старой формы *кърчага*; наряду с *кърчагъ*, как показывают южнославянские формы), его следует зачислить в этот же акцентологический класс и вместе с венгерским *korsó* выводить из болгарского \**курчаг* в соответствии с хакасским *хар(а)чак* 'ящик'<sup>31</sup>.

Таково же ударение болгаризмов *книга*<sup>32</sup> и *коврига*. Последнее слово обнаруживает типичное для болгаризма передвижение вокализма в задний ряд: *e > a >* (на славянской почве) *o*. Не вполне ясно передвижение вокализма *e—e > a—u*, прямо противоположное наблюдающемуся в поволжских тюркских языках (татар, башкир): *e—e > u—ä*. Впрочем, не исключается и другой предполагаемый болгарский источник, помимо \**кävриг*, соответствующий турецкому *геврек* 'сухарь'. В частности можно думать о производном от глагола *гевир-* 'жевать' (Räsäpen. Versuch, 244). Изучение этимологии этого интересного и загадочного слова следует продолжить<sup>33</sup>.

Южнославянское *верига* (у восточных славян это книжное слово), обычно толкуемое как исконное в связи с севернорусскими диалектизмами, на основании географического критерия должно быть изолировано от русских диалектизмов и выведено из дунайскобългарского \**вериг*

<sup>28</sup> См.: О. Н. Трубачев. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії. — Журн. «Мовознавство», Київ, 1971, № 6, стр. 16.

<sup>29</sup> И. Г. Добродомов. Атаман и гетман, стр. 111—112. Однако при заимствовании русского слова литовским языком ударение в слове *бра́га* оказалось на конечном слоге: *bragà* 'барда'. Возможно, на конечное ударение указывает также обратное заимствование в чувашский язык *пăрага*, *прага* 'барда, дробина', которое при ударении *бра́га* скорее всего дало бы \**пăрагă*, но последняя форма чувашскому языку, кажется, неизвестна. В. В. Колесов отмечает также форму *борáга* в одном лечебнике XVII века (г. Шуя) (См.: В. В. Колесов. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972, стр. 18).

<sup>30</sup> О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 66.

<sup>31</sup> О. Н. Трубачев предложил оригинальную исконную этимологию на основании принимаемого за архаизм украинского *корчага* 'сосуд с узким горлом для водки' от \**къркъ* 'горло' + суффикс \*-(*ä*)*ага*. (См.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 214—217). Ср. также: В. М. Мокиенко. К этимологии слов *бочага*, *мочага*, *корчага*. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. VII. М., 1972, стр. 147—155.

<sup>32</sup> И. Г. Добродомов. Книга. — «Русская речь», 1971, № 5, стр. 83—91; А. С. Львов. Этимология старославянского *книги-книгъчиш*. — «Балканско езиковедение», XV, 2. София, 1971, стр. 21—31; I. G. Dobrodromov. Słowiańskie nazwy książki. — «Studia o książce», t. 5. Wrocław, 1975, стр. 53—63.

<sup>33</sup> А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 153—158.



в соответствии с турецким диалектным *ögük, ögk* 'веревка для привязывания животного на пастбище'<sup>34</sup>. Акцентология такому этимологизированию также не противоречит.

Аналогичными причинами объясняется и место ударения в довольно старом заимствовании *телéга*, удачную этимологию которого разработал К. Г. Менгес<sup>35</sup>; конечное ударение в языке-источнике позволяет видеть в этом слове именно тюркизм, а не монголизм. Южнославянская форма *талига* (болгарск., сербск. *tàлиге* мн., словенск. *taliga, toliga*) отражает изменение вокализма, подобное изменению в слове *коврига*. Болгарская форма *tàлига* отражает влияние венгерского языка (*taliga* 'тележка, арба'), куда слово попало из южнославянского источника.

Одинаковое акцентологическое оформление в связи с присоединением безударных окончаний женского склонения на *-а* получили как болгарские формы *шеврýга, шеврýга, шеврýга*, так и небулгарская разновидность *севрýга*, вошедшая в литературное употребление. Ср. также форму *севрýк*, которую М. Фасмер приводит со ссылкой на В. И. Даля, однако в словаре последнего этой формы нет<sup>36</sup>.

Так же были оформлены некоторые небулгарские тюркизмы: *отáра* (акающий вариант *атáра*), *панáха* (известен также вариант *панáх*).

Русское цветообозначение *карий* (о цвете глаз и масти лошадей) своей акцентовкой примыкает к предыдущей группе существительных: к болгарской основе *\*кар'* добавлено безударное окончание прилагательного, ударение постоянно сохраняется на основе. Это еще один аргумент против традиционной этимологии, выводящей русское *карий* из тюркского *кара́* 'черный' и оставляющей без объяснения несходство семантики, происхождение мягкости *р'* и акцентологические расхождения<sup>37</sup>. Такое же ударение наблюдается и в других мастеобозначениях тюркского происхождения: ударение предшествует окончанию.

Прибавление славянских словообразовательных суффиксов к болгарским корням образовало слова *хозя́ин, боля́рин*<sup>38</sup>, *болга́рин* с постоянным ударением на конечном гласном болгарской производящей основы.

Оформленные русским словообразовательным суффиксом *-ка* поволжские диалектизмы *апáйка* 'чувашка, татарка', *хýрка* 'чувашская девка, девчонка' и упомянутое выше *тоя́рымка* 'чувашская плясунья'<sup>39</sup> также характеризуются устойчивым ударением на основе, подобно русским словам с этим же суффиксом *-ка*, отличающимся большей активностью и всегда безударным. По образцу подобных слов было перенесено с окон-

<sup>34</sup> М. Mollova. Structure lexicale du dialecte turc du Rhodope de l'Est. — «Балканско езикознание», XV, 2. София, 1971, стр. 55. Ср.: «Вопросы филологии». К 70-летию А. Н. Стеценко. М., 1974, стр. 55—58.

<sup>35</sup> К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр. 137—145.

<sup>36</sup> И. Г. Добродомов. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие *s—š*). — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 86.

<sup>37</sup> И. Г. Добродомов. Карий. — «Русский язык в школе», 1970, № 4, стр. 105.

В попытке вывести русское мастеобозначение *карий* по-прежнему из тюркского *кара* 'черный' (см. Г. Ф. Одицков. К истории русских гиппологических цветообозначений. — «История по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1978, стр. 183—186) не преодолены ни фонетические, ни акцентологические, ни семантические трудности. Формы с твердым *р* типа *карий* связывать с тюркск. *кара* 'черный' можно, учитывая также возможность позднейшего отвердения *р'*.

<sup>38</sup> О. Н. Трубачев. Заметки по старославянской этимологии. I. Боляринь. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 160—163.

<sup>39</sup> M. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss., стр. 195, 199, 200.

чания на основу ударение в словах *шапка*<sup>40</sup> и *хапка* 'околичные ворота' (с таким ударением слово дано у М. Фасмера и М. Рясина, у В. И. Даля — *хапка* в соответствии с чувашским конечным ударением *хапка*; здесь конечный слог сблизился с русским суффиксом).

Однако этот перенос ударения наблюдается далеко не всегда: *яшкă* 'чувашская похлебка' (<чув. *яшкă*).

Снабженное русским, преимущественно диалектным словообразовательным суффиксом слово *лошадь* прочно вошло в русскую акцентуационную парадигму слов типа *площадь* и не отличается ударением от соответствующих исконных слов<sup>41</sup>.

Акцентологическая судьба волжскобулгарского мусульманского термина, вошедшего в древнерусский язык в двух морфологических обликах *ропата* и *ропать* 'иноверческий храм', зависела от отнесения заимствования к тому или иному морфологическому типу.

В восточнославянском булгаризме *чѣбот* (*чѣбот*) перенос ударения на начальный слог осуществился по морфологическим причинам: исходная болгарская форма \**чабата* (>др.-русс. *чобота*) была воспринята как обычная форма именительного падежа двойственного числа существительных мужского рода, а затем по образцу (модели) «*повода* — *пѣводъ*» была образована «нормальная» исходная форма (именительный падеж единственного числа): *чобота* — *чоботъ*.

В претерпевшем аналогичные изменения слове *чулок* (из болгарского \**чулка* > чувашск. *чълха*) при образовании беглого гласного (по аналогии) сохранилось постоянное ударение на окончании, благодаря чему у булгаризма *чулок* возник акцентологический параллелизм с исконным *носок*, хотя последнее слово, по-видимому, и появилось позже первого: оно не обнаружено И. С. Вахросом в памятниках письменности до начала XVIII века. И. С. Вахрос также отмечает для вятских говоров форму единственного числа *чѣбот* (множественное число *чѣботы*), совпадающую по ударению в исходной форме с *чулок* и образовавшуюся по той же акцентологической модели<sup>42</sup>.

Представляется весьма важным общий вывод В. В. Колесова о характере акцентуации тюркских лексических заимствований и проникновений на -а в истории русского языка: «Все заимствования из тюркского (!) на -а были осознаны в русском языке как имена женского рода

<sup>40</sup> И. Г. Добродомов. Из болгарского вклада в славянских языках, III. — «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 103—110.

<sup>41</sup> В силу совпадения алаутов в русском *лошадь* и чувашском *лаша* (в противоположность форме *алаша* других тюркских языков, где имеется это слово) русское слово можно было бы считать булгаризмом, но отпадение начального гласного а-, о- могло произойти и на русской почве (см. об этом: В. К. Чичагов. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружье*. — «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 150. Русский язык, 1952, стр. 283—310). В последнем случае предположение о болгарском источнике оказывается излишним. К тому же чувашское *лаша* из-за -ш- должно рассматриваться как заимствование из того же источника, что и основа русского слова *лошадь*, о котором см.: Г. Ф. Одишцов. Из истории русской гиппологической терминологии (К этимологии слова *лошадь* в русском языке). — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 353. М., 1970, стр. 434—468. Ср.: Б. А. Серебрянников. Этимологические заметки. — «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 210—211; В. В. Колесов. История русского ударения, стр. 98—100.

<sup>42</sup> И. Г. Добродомов. Два чѣбота — пара. — «Русский язык в школе», 1968, № 4, стр. 39. В связи с этим отпадает более сложное объяснение И. С. Вахроса, основанное на ряде допущений, и предположение о влиянии украинского языка на образование вятской формы *чѣбот*, хотя в украинском языке такое ударение встречается лишь в родительном падеже множественного числа (*чобіт*). См.: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, I. Хельсинки, 1959, стр. 190.

и восприняты им с конечным ударением в единственном числе. Примеры из памятников показывают, что современное накоренное ударение ряда приведенных слов во множественном числе является вторичным: оно развилось так же поздно, как и накоренное ударение в собственно русских словах типа *женá* — им. мн. *жéны*<sup>43</sup>. Было бы интересно выяснить причину древнейшего колебания ударения в двусложных заимствованиях из тюркских языков; некоторые примеры указывают на подвижность ударения этих заимствований в границах русского языка<sup>44</sup> также в единственном числе. В частности В. В. Колесов весьма убедительно доказал, что наличие в памятнике начала XVII века формы винительного падежа *чугú* «определенно указывает на конечное ударение слова, бывшее для него исконным (из турец. *şoňa* 'сукно'; рус. *чуга* кафтан из сукна)», и что форма *чúга*, отмеченная в современных южновеликорусских говорах, вторична. В связи с этим предположение Г. Дёрфера о пути движения в русский язык слова *чúга* (это ударение он переносит также и на формы *чухá*, *чохá*, для которых словари дают лишь конечное ударение) с запада через польское посредство следует признать лишенным фактического основания, зато большую вероятность получает второе предположение Г. Дёрфера о движении этого слова в русский язык с востока (через тюркское посредство?), хотя сам автор считает его менее вероятным<sup>45</sup>.

По всей видимости, таким же образом объясняется перенос ударения на основу в поволжских русских словах *кóшпа* 'чувацкий бабий нарядный головной убор: род кожаного кокошника с подвесками и монетами' и *кáрда* (или *кáлда*) 'пригорода, скотный двор в поле, варок, баз, базок, стойло, загородь для скота'; вят. 'огород в поле для овощей', по поводу которых делалась ссылка на чувашский источник (М. Ряснен). Впрочем, для последнего слова важно также учесть контаминации и внетюркские источники, на что указывают и мордовские по ауслауту слова *кáлдас*, *кáлдус* (эрзянск. *кардас*, но мокш. *карда*). Данное слово имеет очень широкое распространение, возможно, такой его ареал образовался в результате сближения разных слов из гетерогенных источников. Ср. комизырянск. *карта* 'хлев'<sup>46</sup>.

Вопрос об ударении в чувашизме *хота* каз. смб. 'сватовство, сватанье невесты', проэтимологизованном уже В. И. Далем, однако без обозначения ударения (7-е изд. М., 1955), остается пока открытым. Неясно, из какого источника взято указание на ударение *хóта* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера. Во всяком случае, чувашский этимон *хáта* 'сват' оснований для такого ударения не дает. Без ударения это слово оставлено и у М. Ряснена в его списке болгаризмов русского языка.

Ударение в старом общеславянском заимствовании *хорúгвь*, *корбгва* (смол., тверск.) целиком соответствует особенностям акцентуации слов подобного рода, хотя ударение в склонении слов данного типа, по замечанию В. В. Колесова<sup>47</sup>, остается неясным. Акцентологический фактор скорее говорит в пользу тюркско-булгарского посредства в заимствовании

<sup>43</sup> Иначе у Н. К. Дмитриева («Ударение в русских словах...», стр. 97). — Примечание В. В. Колесова.

<sup>44</sup> В. В. Колесов. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв., стр. 35.

<sup>45</sup> G. Doerfer. Указ. раб., стр. 110—114.

<sup>46</sup> В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 117—118.

<sup>47</sup> В. В. Колесов. История русского ударения, стр. 101.

нии слова славянами, чем предполагаемая иногда прямая связь с монгольским источником (аварский язык старых аваров — обров)<sup>48</sup>.

Итак, анализ ударения в болгаризмах русского языка и сопоставление его с ударением в болгаризмах других славянских языков позволяет еще раз подтвердить зависимость ударения заимствованного слова от языка-источника, что иногда ставится под сомнение<sup>49</sup>. Это первоначально усвоенное ударение может измениться под влиянием другого источника заимствования или в силу разного рода аналогичных воздействий на заимствованное слово в ходе его освоения заимствующим языком. Изменение ударения под влиянием других слов языка как бы сигнализирует о начале освоения этого слова, о его акцентологической адаптации.

Тщательное изучение акцентологических особенностей тюркизмов и их эволюции способствует не только уточнению источника заимствования и хронологии последнего, но и характеризует акцентологические особенности языка-источника, не нашедшие четкого отражения в памятниках письменности.

<sup>48</sup> К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», стр. 157—166.

<sup>49</sup> А. В. Суперанская, например, в этой связи пишет: «О польском влиянии на ударение какого-либо слова или группы слов можно было бы говорить, если бы все люди, употребляющие эти слова, знали, с каким ударением последние произносятся по-польски, и считали бы польский язык источником заимствования данных слов и образцом для подражания. Этого, однако, нет» (А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 13). В другой своей работе она все-таки допускает существование «ярко выраженной тенденции» сохранять ударение языка-источника («Ударение в заимствованных словах в современном русском языке». М., 1968, стр. 24—25), чем ослабляется категоричность приведенного выше ошибочного высказывания. Автор не учитывает возможностей параллельного заимствования из разных источников с неодинаковой акцентуацией. См.: В. С. Байкин. Причины колебания ударения в русском литературном языке. Чита, 1958, стр. 13.

Л. Г. ТИМОНИНА

## КОТТСКО-ТЮРКСКИЕ СЛОВАРНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ КАРЛА БОУДА

Карл Боуда первым из лингвистов обратился к проблеме тюркских заимствований в енисейских языках. В своей работе о языке енисейцев<sup>1</sup> в разделе о тюркских заимствованиях<sup>2</sup> он приводит 75 словарных статей, содержащих енисейские<sup>3</sup> (а в двадцати случаях и коттские) слова, которые считает заимствованиями из восточнотюркских языков, указывая в каждом случае, от какого тюркского слова произошло, по его мнению, данное заимствование. Некоторые утверждения К. Боуда хотя и кажутся спорными, но тем не менее проведенное им сопоставление енисейских и тюркских слов представляет определенный интерес, так как способствует прояснению отношения енисейских языков к другим лингвистическим семьям.

На основании известных науке сведений по истории енисейцев можно считать, что последние находились в длительном контакте с тюркскими народами, что подтверждается многочисленными тюркскими заимствованиями, особенно в языках южных енисейцев (коттов, ассанов). Однако не всегда енисейские слова, имеющие параллели одновременно в нескольких тюркских языках, могут быть с полной уверенностью отнесены к тюркским заимствованиям. Зачастую форма енисейского слова предполагает более древний источник: общеалтайский или даже ностратический, что в некоторых случаях подтверждается параллелями в других языках, не входящих в тюркскую группу. Из этого следует, что словарные сопоставления, предложенные К. Боуда в рассматриваемой работе, могут трактоваться в каждом случае по-разному, и, возможно, что те или иные слова, относимые этим автором к тюркским заимствованиям, окажутся общеенисейскими, имеющими параллели в тюркских и в других языках.

Рассмотрим некоторые из приведенных К. Боуда соответствий.

Кот. *šiš* (мн. число *šeŋ*) и кет. *tyəs, t'yaś* (мн. число *teaŋ, t'eaŋ*) К. Боуда возводит к тюрк. *taš, tas* [Боуда, 78]. Это слово представлено во всех засвидетельствованных енисейских языках (ср. асс. *шшш*, енис. *чыгс*, имб. *'тыес, чыгс, тысь*, кот. *шшш*, ост. *чыгс*, пумп. *чыс*, эд. *ту: 'ус*, совр. кур., ел. *ты?с*) [Дульзон, 168]). Г. К. Вернер реконструирует обще-

<sup>1</sup> *Karl Bouda. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos 52, 1957.*

<sup>2</sup> Там же, стр. 75—78.

<sup>3</sup> К. Боуда использует термин «енисейский» в значении «кетский».

енисейскую форму \*t'Λʔs/tΛʔs [Вернер II, 8]. Рассматривая это предполагаемое заимствование с точки зрения ностратической перспективы, нельзя с полной категоричностью утверждать, что енисейцам это слово перешло от тюрков. Исследования, проведенные после К. Боуда, обнаруживают параллели общеенисейскому \*t'Λʔs/tΛʔs не только в тюркских языках (ср. др.-тюрк. taʃ [ДТС, 539], алт. *таш, даш*, хак. *таc*, як. *таас*, аз. *даш*, узб. *тош*, чув. *чул* [Рассадин, 170]), но и в монгольских (ср. староп.-монг. *čilaγun*, ойр. *čilagun*, совр. монг. *чулуу* (н), бур. *шулуу* (н), калм. *чолун* [Рассадин, 170]). Восстановленная алтайская форма \*t'ial' 'камень' [Ил.-Свитыч III, 343] находит параллель в картв. \*t'al-'кремень' (груз. *ჭალ*-), что дает основание В. М. Илличу-Свитычу возводить это слово к ностратическому языковому уровню. На то, что это слово в енисейских языках, по всей вероятности, не является заимствованным, указывает древняя форма образования его множественного числа.

Кот. *huro:ǰ* и кет. *ku:iel* 'уголь' К. Боуда возводит к тюрк. *kōmīg*, *kōmīg*, *kōbūg* 'уголь', *qibal* 'пепел', 'зола'. Если сравнить кот., кет. и другие засвидетельствованные енисейские формы (ар. *кубу'рунг*, асс. *куву'лан*, имб. *'kohul*, ост. *ку* [Дульзон, 186], кет. *ku:ʔ*, *ku:l*, сым. *kufyl* 'уголь (горящий)', сым. *ku* 'уголь', 'сажа' [Вернер I, 139]) с имеющими подобную семантику словами различных тюркских языков, то вполне можно говорить об их родстве (ср. др.-тюрк. *kōz*, алт. *kōc*, тув. *kəc*, туркм. *kəz*, башк. *күз*, тоф. *kəs* 'горящий уголь', тур. *küz* 'горящий пепел', аз. *kəz* 'пылающие угли', 'жар', хак. *kōc* 'древесный уголь' [Рассадин, 204]). Имеются параллели енисейским формам и в алт. *kōö*, кирг. *kəə*, тув. *xəə* 'сажа', тоф. *hə:z* 'древесный уголь' [Рассадин, 191], куманд. *күл* 'зола', 'пепел', *гүл* 'пепел' [Баскаков, 228], хак. *көйе* 'сажа', *күл* 'зола' [РХС], тув. *хул* 'зола' [РТС], тоф. *hujtaq* 'пепел' [Рассадин, 191], а также в монгольских формах (ср. староп.-монг. *kōgū*, ойр. *kōgū*, совр. монг. *xəə*, калм. *kə* [Рассадин, 191]). Дальнейшее семантическое развитие наблюдается в формах тат. *кап*-, башк. *қап*-, чув. *хып*- 'загораться', тоф. *қытър* 'гореть', тув. *кытп* 'гореть', 'загораться' [Рассадин, 223], хак. *көйерге* 'гореть' [РХС]. Сравнение приведенных выше тюркских и монгольских форм с енисейскими наводит на мысль о древности данного заимствования, если оно вообще имело место. Его можно было бы отнести к общеалтайскому языковому состоянию, если бы параллели не прослеживались еще дальше. А. П. Дульзон<sup>4</sup> и Г. К. Вернер<sup>5</sup> приводят в своих работах индоевропейские параллели: и.-е. \*g(e)u-lo 'горящий уголь', ирл. *gual* < \*geulo-, \*goulo- 'уголь', др.-исл. *kol* «Holzkohle», др.-в.-н. *kolo*, *kol*, др.-англ. *col*, кимр. *glo* 'уголь', санскр. *jval* 'brennen', 'gluhen' [Вернер, 139]. В. М. Иллич-Свитыч возводит все алтайские формы к ностратическому уровню, правда, с оговоркой «если верна приведенная интерпретация тюркских данных»<sup>6</sup>. При этом необходимо все же отметить, что для отнесения приведенных енисейских форм к тюркским заимствованиям нужны более основательные доказательства, чем внешнее сходство форм.

Столь же осмотнительного подхода требуют и некоторые другие енисейские слова, которые К. Боуда считает тюркскими заимствованиями. Например, кот. *kinig*, *kin:i:q* и кет. *kə:ŋe* 'утренняя заря' К. Боуда возводит к тюрк. *kin*, *kün* 'день', 'солнце' [Боуда, 76]. Кот. *kinig* — слож-

<sup>4</sup> А. П. Дульзон. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. — «Вопросы лингвистики», вып. 2. Томск, 1969.

<sup>5</sup> Г. К. Вернер. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях. — «Вопросы филологии», Ученые записки, вып. 52. Омск, 1969.

<sup>6</sup> В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 239.

ное слово (*kin+ig*), вторая часть его имеет значение «день». Первый компонент этого слова, который К. Боуда относит к тюркским заимствованиям, встречается и в других енисейских словах (ср. кет. *kəp'e/kəp'*, сым. *kəp* 'заря' (ср. также: кет. *kəpi <kA?n* 'светлый'+i 'день') [Вернер I, 138], имб. *хокене*, ост. *хокене* [Дульзон, 165]). Г. К. Вернер к данному семантическому полю относит следующие енисейские слова: кет. *kə?n; kəpas'*, сым. *kə?n, kəpas* 'светлый', кет. *kəpat* 'светло', имб. *köepat, купет*, ост. *купет*, асс. *tü-gap-a, tu-kan-tü*, кот. *tu-kan-a* 'светло' [Вернер I, 138]. В своей работе Г. К. Вернер<sup>7</sup> приводит некоторые индоевропейские параллели, которые наряду с тюркскими параллелями позволяют ему считать данное енисейское слово восходящим к ностратическому источнику, а не тюркским заимствованием, как полагает К. Боуда.

Вероятно, можно поставить под сомнение и заимствования кот. *po:k, ro:g, lo:k, fo:q, ho:k, lago, p'ago* и кет. *foq, ho:q* 'кал', возводимые К. Боуда к тюрк. *poq, boq* [Боуда, 76]. Не исключена возможность отнесения енис. *\*rhoq/\*phok* [Вернер I, 142] к более древнему языковому уровню, особенно, если учесть некоторые индоевропейские параллели (ср. и.-е. *\*bhōgh-*, *\*bhāgh-* «Schlamm», «Sumpf», ср.-н.-н. *bagger* «Schlamm», чеш. *bahno*, польск. *bagno* «Sumpf», «Morast» [Вернер I, 142]). Вероятно, правомерно говорить о тюркских параллелях, а не о заимствованиях из тюркского в случае с кот. *falaŋ, p'alaŋ*, а также кет. *foqaŋ, he:la:ŋ, he:l'aŋ, hiel'aŋ, hiel'aŋ* 'сладкий', которые К. Боуда возводит к тюрк. *pał, bał* 'мед' [Боуда, 76]. Вполне возможно, что эти енисейские формы не являются непосредственным заимствованием из тюркского, несмотря на их очевидное сходство с тюркскими формами. Сравним горно-алт. *pał*, др.-уйг. *уйг. bał*, узб. *bol*, каз., ногайск. *bał*, чув. *puł*, а также заимствование из тюркского в монгольский *\*bał* (ср. монг. письм. *bał*, монгол. *bag*, калм. *bał*) [Ил.-Свитыч II, 38]. В. М. Иллич-Свитыч реконструирует алт. *\*mał/\*bał* и возводит алтайскую форму (правда, с долей сомнения) к ностр. *\*majłł* 'мед', 'сладкий древесный сок'.

Широкие соответствия имеют и некоторые другие слова, относимые К. Боуда к тюркским заимствованиям. Кот. *in, i:n*, кет. *ien* 'игла' К. Боуда возводит к тюрк. *i:nä, ijnä, ignä* [Боуда, 76], но они близки по форме словам с этим же значением в языках непосредственных соседей енисейцев, например: алт. *и:не, ине*, тув. *ине*, як. *инé*, тат. *инэ* [Севортян, 368], хак. *ице* [Рассадин, 74]. Эта основа широко представлена и в других тюркских языках. Э. В. Севортян<sup>8</sup> считает формы типа *ицне ~ ицнэ* исторически древнее других тюркских форм типа *игне* [Севортян, 368]. Енисейские формы находят широкие параллели в других языках. Ср. фин. *äimä* 'штопальная игла', тюрк. *ignä, uŋgä, jignä* 'игла', тунг. *imŋa, inŋe, imŋe*, чаг. *ignä <\*jignä*, бар. *ignä*, ойр. *ijnä*, монг. *žegün*, эвенк. *инлэ, илмэ, имлэ, имңа, имлэкэн*, сол. *иммэ*, эвен. *инмэ, иммэ, инмэ, инму, инлэ*, уд. *иңмэ*, нанай. *хурмэ* [Севортян, 368—369]. В некоторых дагестанских языках встречается близкая форма со значением «шило»: хвар. *эму*, беж. *эмо*, цез. *иму*, ав. *gieбу*, анд. *гьиму* [Хайдаков, 84]. Столь широкие соответствия требуют более глубокого обоснования для отнесения данного слова к заимствованиям из алтайских языков.

Не менее широкие соответствия имеет и кот. *alaŋ*, а также енис. *a:laŋ, a:l'eŋ, a:l'eŋ* (мн. число) 'брюки', возводимые К. Боуда к ккир. *ala* «*innerer Teil der Hose*». Это — общеенисейское слово, встречающееся и

<sup>7</sup> Г. К. Вернер. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях.

<sup>8</sup> Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 367—369.

в современных диалектах (ср. кур. *'?lenг*, ел. *'?alаng* [Дульзон, 159]). Параллель, проводимая К. Боуда, представляется возможной с той, однако, оговоркой, что это слово не обязательно считать тюркским заимствованием. Енисейцам мог быть известен данный вид одежды еще до того, как они пришли в места теперешнего своего обитания; в их языке могло существовать слово, обозначающее данный предмет.

Вероятно, параллелями кот. а'ланг можно считать фин. *ala*, *ali* 'низ', тунг.-маньчж. *ali-gan* 'находящийся внизу', кор. *al* 'внизу', монг., ср.-монг. *ala* 'место между ногами', эвен. *alas* 'бедро', 'ляжка', алт. *alip* 'нижняя часть', 'внизу' [Севортян, 125], др.-тюрк. *al* 'низ', 'нижняя часть' [ДТС, 32].

Следует отметить, что все приведенные выше слова относятся к основному словарному фонду, наиболее устойчивой части языка. К таким словам можно отнести и кот. *čik*, кет. *d'ik* 'смола'. К. Боуда считает эти слова заимствованием из шор., саг. *čiq* 'смола' [Боуда, 76]. Параллели кот. *čik* находим в тув. *чук*, хак. *чух*, тоф. *hšiq*, а также в эвенк. *чүксэ* 'смола', 'сок деревьев' [Рассадин, 198]. Др.-тюрк. *čyq*, *čy* 'мутный' восходит к кит. *чжо*, *žwag* [ДТС, 156]. Возможно, индоевропейской параллелью кот. *čik* является др.-ирл. *suth* 'сок', 'молоко', древнее значение которого 'сладкий древесный сок', позднее развилось в 'сок', а затем в 'молоко' [Ил.-Свитыч II, 38]. Др.-ирл. *suth* соответствует общеславянское «сок», а также др.-прусск. *sackis* 'смола' [КЭСРЯ, 420]. Можно предполагать, что кот. *čik* имеет более древний, чем тюркский, источник.

Среди енисейских слов, относимых К. Боуда к заимствованиям из тюркских языков, есть несколько, которые действительно могут считаться заимствованиями, однако очень древними и имеющими, вероятней всего, общетюркский источник. Например, кот. *i:t*, кет. *it*, *i:t* 'запах' (ср. др.-тюрк. *jib*, *jib*, тув. *чыт*, хак. *чыс*, як. *сыт*, башк. *ер*, каз. *иis*, туркм. *ыс*, узб. *ид*, алт. *жит*, кирг. *жыт* 'запах' [Рассадин, 200], др.-уйг. *it*, *jit* [Севортян, 380]); кот. *e:ti*, кет. *e:tam*, *e:te*, *ed* 'острый' (ср. др.-тюрк. *jiti*, *jitig*, тув. *чидиг*, хак. *чitig*, як. *сытыы* 'острый', 'колючий', 'зоркий', аз. *ити* 'острый', туркм. *йити* 'острый', 'резкий', уйг. *иштик* 'острый', 'быстрый', 'скорый', лобн. *иттик*, тоф. *hšiti* 'острый' [Рассадин, 197]); кот. *pa:t*, кет. *bət* (е)п 'ленок (рыба)' (ср. имб. *'бөттен* [Дульзон, 170], тув. *мыйыт* [РТС], кар. *me:t*, як. *выжыт* [Боуда, 76]); кот. *t'ul*, кет. *tul*, *sul'-gei* 'левый' (ср. др.-тюрк. *sol* [ДТС, 508], куманд. *сол*, тув. *сологай* [Баскаков, 247], тюрк. *sol*, *solak*, *sołaqai* [Боуда, 78]). Возможно, что кет., сым. *sul'-gei* вторичное, более позднее заимствование.

К. Боуда приводит еще несколько коттско-кетско-тюркских параллелей, в той или иной степени сомнительных. Некоторые из них представляются невозможными, как, например, кот. *ko:i*, кет. *quo:i* 'пустой' (ср. сым. *'хуой*, имб. *'күй/күй* < *хо* - *Лй/\*хо* в *ΛjΛ* [Вернер]), возводимое К. Боуда к тюрк. *qo:l* [Боуда, 77]. Такие же слова, как, например, кот. *ke:ti*, кет. *kə:te*, *kə:ti* 'зима', видимо, восходят к ностратическому источнику<sup>9</sup>. Кот. *čogag* вместе с кет. *su:l*, *šu:l*, *suhul*, ар. *šal*, асс. *čogag*, *čegar* 'сани', 'нарты' К. Боуда возводит к тюрк. *sög*, *soğ*, *cu:ğ* [Боуда, 78]. Такое сопоставление тоже, на наш взгляд, неправомерно, поскольку кетские и аринские слова, с одной стороны, и коттские и ассанские — с другой представляют собой, по всей вероятности, разные основы. Кетские же слова, которые можно было бы возвести к предлагаемому К. Боуда тюркским словам, вместе с кот. *fupčol*, *рһupčol* 'маленькие сани' [Кастрен, 252]

<sup>9</sup> Г. К. Вернер. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях, стр. 138.



скорее всего имеют более древний источник и сопоставимы с некоторыми индоевропейскими формами<sup>10</sup>.

Словарные сопоставления имеют большое значение для выяснения контактов енисейских языков с другими языковыми семьями и, в конечном счете, для установления их генетических связей с учетом ностратической перспективы.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Баскаков* — Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
- Боуда* — Karl Bouda. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos 52, 1957.
- Вернер I* — Г. К. Вернер. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях. — «Вопросы филологии», Ученые записки, вып. 52, Омск, 1969.
- Вернер II* — Г. К. Вернер. Вопросы эволюции общенисейского языка в свете ностратических реконструкций. — «Материалы конференции „Ностратические языки и ностратическое языкознание“». М., 1977.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Дульзон* — А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. 19, вып. II, 1961.
- Ил.-Свитыч I* — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971.
- Ил.-Свитыч II* — То же, т. II. М., 1976.
- Ил.-Свитыч III* — В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — «Этимология. 1965», М., 1967.
- Кастрен* — M. A. Castren. Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1856.
- КЭСРЯ* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.
- Рассадин* — В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- РТС* — «Русско-тувинский словарь» под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1953.
- РХС* — «Русско-хакасский словарь» под ред. Д. И. Чанкова. М., 1961.
- Севортян* — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Хайдаков* — С. М. Хайдаков. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

*ав.* — аварский,  
*аз.* — азербайджанский,  
*алт.* — алтайский,  
*анд.* — индийский,  
*ар.* — армянский,  
*асс.* — ассанский,  
*бар.* — язык барабинских татар,  
*башк.* — башкирский,  
*бж.* — бежитинский,  
*бур.* — бурятский,  
*горно-алт.* — горно-алтайский,  
*др.-в.-н.* — древневерхненемецкий,  
*др.-нор.* — древнениландский,  
*др.-исл.* — древненсландский,  
*др.-прусс.* — древнепруссский,  
*др.-тюрк.* — древнетюркский,  
*др.-уйг.* — древнеуйгурский,  
*ел.* — елогуйский,  
*и.-е.* — индоевропейский,  
*енис.* — енисейский,

*имб.* — имбатский,  
*каз.* — казахский,  
*калм.* — калмыцкий,  
*кар.* — каратинский,  
*картв.* — картвельский,  
*кет.* — кетский,  
*кимр.* — кимрский,  
*кирг.* — киргизский,  
*кит.* — китайский,  
*ккир.* — каракиргизский,  
*кор.* — корейский,  
*кот.* — коттский,  
*куманд.* — кумандинский,  
*кур.* — курейский,  
*лобн.* — лобнорский,  
*монгор.* — монгорский,  
*нанай.* — нанайский,  
*ностр.* — ностратический,  
*ойр.* — ойротский,  
*ост.* — остяцкий,

<sup>10</sup> Г. К. Вернер. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях, стр. 149.

*польск.* — польский,  
*пумп.* — пумпокольский,  
*саг.* — сагайский,  
*совр. кур.* — современный курейский,  
*совр. монг.* — современный монгольский,  
*сол.* — солонский,  
*ср.-монг.* — среднемонгольский,  
*ср.-н.-н.* — средненижненемецкий,  
*староп.-монг.* — старописьменный монгольский,  
*сым.* — сымский,  
*тат.* — татарский,  
*тоф.* — тофаларский,  
*тув.* — тувинский,  
*тунг.* — тунгусский,  
*тунг.-маньчж.* — тунгусо-маньчжурский,  
*тур.* — турецкий,

*туркм.* — туркменский,  
*тюрк.* — тюркский,  
*уд.* — удэйский,  
*узб.* — узбекский,  
*уйг.* — уйгурский,  
*фин.* — финский,  
*хак.* — хакасский,  
*хвар.* — хваршинский,  
*цез.* — цезский,  
*чаг.* — чагатайский,  
*чеш.* — чешский,  
*чув.* — чувашский,  
*шор.* — шорский,  
*эвен.* — эвенский,  
*эд.* — эдтшешский,  
*як.* — якутский.

## О Н О М А С Т И К А

С. К. КАРАЕВ

### О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ТОПОНИМАХ УЗБЕКИСТАНА

Топонимы — слой лексики, создаваемый на каждом историческом этапе развития языка путем обычных средств словообразования. В то же время этот слой обладает своеобразными особенностями, заметно отличающими его от других лексических слоев языка. Нельзя не признать справедливость слов Н. В. Подольской: «Объяснить своеобразие географических названий представляется возможным двумя основными причинами: выборочностью языковых элементов, участвующих в создании топонимов, и большой длительностью существования многих топонимов»<sup>1</sup>.

Одним из отличительных признаков узбекской топонимии является спорадическое присутствие в ней показателей множественности.

Исследования ученых, в частности В. Шперберга и В. А. Никонова, показали, что формы множественного числа широко распространены в романских и славянских топонимах.

Академик А. И. Соболевский считал, что использование формы множественного числа связано с представлением населенного пункта как коллектива. По наблюдениям С. И. Лебедевой, указанные формы в топонимах являются преимущественно народными, они древнее и устойчивее форм единственного числа. З. В. Суганова пишет, что на Дону форма множественного числа служит своего рода способом сокращения: «На Дону форма множественного числа поддерживается еще следующим обстоятельством: станицы складывались и росли постепенно, подобно тому, как постепенно из Кузнецких слобод, Текстильщиков, Хамовников, Сокольников росла Москва, так из различных частей, кутков (как их зовут на Дону) или хуторков росли станицы»<sup>2</sup>.

В тюркских языках, включая узбекский, формы множественного числа в топонимии встречаются реже, чем в славянских. Ниже мы рассмотрим каждую из них в отдельности.

С аффиксом *-лар*. Аффикс *-лар* образует большую группу топонимов, семантически связанных преимущественно с людьми: *Араблар* 'арабы', *Беклар* 'беки', *Бойлар* 'баи', *Заргарлар* 'ювелиры', *Моховлар* 'прокаженные', *Хўжалар* 'ходжи', *Шайхлар* 'шейхи', *Эшонлар* 'ишаны' и т. д. Из 720 населенных пунктов Хорезмской области (1959 год) более

<sup>1</sup> Н. В. Подольская. Исследование топонимики в связи с данными этнографии. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. II. М., 1961, стр. 169.

<sup>2</sup> З. В. Суганова. Из наблюдений над топонимами Дона. — «Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 143.

80 топонимов включают в себя аффикс *-лар*. Любопытно, что среди них встречаются образованные от названий животных: *Кўнаклар* 'кобели', *Қарғалар* 'воробьи', *Шағаллар* 'шакалы', *Эчкилар* 'козы' и т. п. По всей вероятности, это этнонимы, ибо среди узбекских этнонимов немало связанных с названиями животных: *бахрин* 'вид сокола', *бувара*, *бура* 'верблюд-производитель', *қулон* 'кулан', *куён* 'заяц'. Это предположение подтверждается и тем еще, что среди узбекских этнонимов нам удалось обнаружить такие, как *қарға* 'ворона', *шағал* 'шакал', *хўкис* 'вол', *эчки* 'коза'.

Т. Нафасов связывает топонимы *Қизларсай*, *Қизлармозор*, *Қизлартепа* с древнетюркским словом *қуз* 'тенивая сторона', 'место, куда не попадают солнечные лучи'<sup>3</sup>. По нашему мнению, компонент *қизлар* в составе указанных топонимов означает «девушки». Еще Н. Г. Маллицкий писал, что таджикский топоним *Чилдукторон* 'сорок девушек' и тюркский топоним *Қирққиз* с тем же значением очень употребительны в Средней Азии и, по всей видимости, связаны с каким-то древним религиозным поверьем.

Названия с аффиксом *-лар* — позднее наслоение в топонимии Узбекистана: им не более двухсот-трехсот лет. Они стали появляться в связи с массовым оседанием кочевых племен, частично начавшимся еще в XVII веке и продолжавшимся на протяжении XVIII и XIX веков. Вот почему подавляющее большинство топонимов с аффиксом *-лар* являются этнонимами.

С аффиксом *-он*. Этот показатель множественности в таджикском языке присущ главным образом одушевленным именам существительным, в условиях Узбекистана он является исключительно средством образования топонимов, указывающих на принадлежность людей к той или иной национальной, социальной, профессиональной и т. п. группе: 1) к определенной национальности — *Арабон* 'арабы', *Қирғизон* 'киргизы', *Ўзбекон* 'узбеки'; 2) к этнической группе: *Қалмоқон* 'люди из племени қалмоқ', *Мангитон* 'мангиты', *Мингон* 'люди из племени минг', *Мўғулон* 'люди из племени мўғул'; 3) к определенному сословию: *Деҳимирон* 'деревня, где живут правители', *Мирзоён* 'писцы', *Тархонон* 'освобожденные от налогов и повинностей'; 4) к той или иной профессии: *Косагарон* 'мастера по изготовлению мисок', *Қоровулон* 'сторожа', *Наматгарон* 'мастера по изготовлению кошмы', *Сўзангарон* 'игольщики'; 5) к религиозным верованиям: *Муғон*, *Муғиён* 'маги, огнепоклонники', *Хиндуён* 'индусы', *Худоён* и т. д.

Среди топонимов этой группы, наряду с названиями относительно позднего происхождения, встречаются и такие, которые восходят к глубокой древности, например, *Муғон* 'маги' (так называли язычников-огнепоклонников — зороастрийцев). Зороастризм до мусульманских завоеваний был религией большинства населения Средней Азии. «Народ в Туркестане до сих пор приписывает много развалин „мугам“»<sup>4</sup>.

Древним является и топоним *Худоён*. До прихода арабов слово *худа* означало не «бог», как ныне, а «правитель, хозяин». Так, например, правители Бухары назывались *бухар-худатами*, а правители Чаганияна (бассейн Сурхандарьи) — *чаган-худатами*. Таким образом, топоним *Худоён* — доисламского происхождения и означает «правители».

По поводу аффикса *-он* А. Л. Хромов пишет: «Поскольку суффикс *-ён (-он)* в матчинских говорах, как впрочем и в других таджикских гово-

<sup>3</sup> Т. Нафасов. Топонимы Кашкадарьинской области. — Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 6.

<sup>4</sup> В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 211.

рах, является непродуктивным, будучи вытеснен показателем *-o* (*-xo*), можно предположить, что названия с суффиксом *-ўн* (*-он*) относятся к числу более ранних по времени топонимов, образованных с помощью показателей множественности<sup>5</sup>.

В условиях Узбекистана, наоборот, малопродуктивным является показатель множественности *-xo* (*-o*). Однако в более ранних списках, например, в списке Н. Ф. Ситняковского (XIX век), имеется несколько десятков географических названий с окончанием *-га*. Как известно, в узбекском языке, за исключением родительного падежа, топонимы в косвенных падежах вообще не встречаются. Между тем такие топонимы, как *Байга*, *Бекга*, *Устага*, *Ходжага*, толкуются как формы дательного падежа: *Баю*, *Беку*, *Мастеру*, *Ходже*. Наверняка мы имеем дело здесь с таджикским показателем множественности *-xo*<sup>6</sup>.

С аффиксом *-от* (*-ат*). Данный аффикс является арабским аффиксом множественного числа. В «Бабур-наме» одни и те же названия пишутся двояко: *Бадахшон—Бадахшонот*, *Ламгон—Ламгонот*, *Хуросон—Хуросонот*, *Хиндустон—Хиндустонот*.

Откуда же взялся аффикс *-ат* и что он означает? В. В. Бартольд в связи с историей Бадахшана заметил, что название этой горной области иногда писалось с арабским окончанием множественного числа в форме *Бадахшанат*<sup>7</sup>.

По поводу аффикса *-от* А. Г. Гулямов пишет: «Языки обычно не заимствуют словоизменяющих формативов, а если отдельные слова одного языка входят в другой язык с такими формативами, перестают быть таковыми. Нечто подобное произошло с некоторыми арабскими и таджикскими словами. В некоторых арабских словах встречается арабский показатель множественного числа *-āt*... Одни из таких слов употребляются в значении единственного, другие отличаются от формы единственного числа тем, что они несколько расширяют значение с оттенком собирательности. Ср.: *тараф* 'сторона', *атраф* 'окрестность, окружность чего-либо'<sup>8</sup>.

Другое дело топонимия.

Аффикс *-от* в составе упомянутых выше четырех географических названий из «Бабур-наме» по происхождению является показателем множественного числа, но выражает собирательность: он напоминает славянский суффикс *-щина*.

Как известно, суффикс *-щина* иногда входит в состав топонимов, являясь их неотъемлемой частью, а иногда, присоединяясь к топониму, указывает на ближайшее окружение: например, *Смоленск—Смоленщина*, *Киев—Киевщина* и т. д.

Таковую же функцию выполняет аффикс *-от* в «Бабур-наме». Например, наименование *Хиндустонот* М. Салье передает как «весь Хиндустан», «по всему Хиндустану»<sup>9</sup>.

Известно также, что наименования областей Гармсер, Гилан писались двояко: *Гармсер* и *Гармсерот*, *Гилон* и *Гилонот*<sup>10</sup>.

<sup>5</sup> А. Л. Хромов. К вопросу о топонимике Матчи. — «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР». Душанбе, 1963, № 1, (32), стр. 80.

<sup>6</sup> Н. Ф. Ситняковский. Список арыков и населенных пунктов. — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. I, вып. II, Ташкент, 1900, стр. 121—314.

<sup>7</sup> В. В. Бартольд. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 343.

<sup>8</sup> А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. — Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1955, стр. 27.

<sup>9</sup> «Бабур-наме». Перевод М. Салье. Ташкент, 1960, стр. 316, 321—322.

<sup>10</sup> Абдуллоев Самарқандий. Матлаи саздайн ва мажмаи бахрайи. Тошкент, 1969, стр. 86, 110, 114, 165, 188, 228, 269.

Характерно, что географические названия *Бадахшонот*, *Хиндустонот*, *Хуросонот*, *Ламгонот*, *Гармсерот*, *Гилонот* могут употребляться и без аффикса *-ат*, являющегося в ряде случаев неотъемлемой частью топонима (ср. *Хирот*). Первоначально город назывался *Хири* — *هري*, отсюда название реки *Херируд* (*Герируд*) 'Река города Герата (Хири)': *Хери-руд*; таким образом, не город назван по реке, а, наоборот, река получила свое название по названию города. Итак, мы считаем, что название *Герат* восходит к *Хери-ат*. Доказательством того, что река *Херируд* получила свое наименование от названия города, служит то обстоятельство, что еще в XV веке она называлась *Хиротруд* 'Гератская река'<sup>11</sup>. Ср. также: *Памирот* 'Памиры', *Миёнколот* (Миёнкол—остров), *Боғот* 'сады', *Работот* 'рабаты' и т. д. Известны также случаи, когда аффикс *-ат* как показатель множественности употреблялся в составе узбекских слов; например, *қўшин* 'войско' и *қишлоқ* 'кишлак' в исторических хрониках писались в арабской форме множественности *қўшинот* (قوشونات)<sup>12</sup>, *қишлоқот* (قىشلاقات)<sup>13</sup>.

Однако топонимы, оканчивающиеся на *-ат*, могут быть и согдийского, и монгольского происхождения.

М. С. Андреев, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, А. А. Фрейман, А. Л. Хромов<sup>14</sup> установили, что *т* (*-ат*) является показателем множественности в ягнобском языке, восходящем к одному из диалектов согдийского.

<sup>11</sup> Абдурразоқ Самарқандий. Указ. соч., стр. 251.

<sup>12</sup> Шарафуддин Али Йазди. Зафарнама. Рукопись хранится в Институте востоковедения АН Узбекской ССР, № 4472, л. 1696, 1736, 176а.

<sup>13</sup> О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV века Ташкент, 1965, стр. 50.

<sup>14</sup> А. Л. Хромов. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микротопонимии Ягноба. — «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР». Душанбе, 1966, № 3 (45), стр. 86; *его же*. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. — Автореф. докт. дисс. Душанбе, 1970, стр. 51—52.

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

## ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМ ЭТНОТОПОНИМЕ АЗЕРБАЙДЖАНА (*Bilāsuvar*)

*Билясувар* — наименование населенного пункта, расположенного на советско-иранской границе, в Пушкинском районе Азербайджанской ССР. На карте дореволюционного Азербайджана этим названием обозначены несколько объектов: *Билясувар кент* — село, *Билясувар* — карантинно-таможенная застава и, наконец, *Билясувар* — урочище, находящееся недалеко от заставы (35). Все эти объекты в то время (1916) входили в состав Билясуварского полицейского участка (18). После установления Советской власти в Азербайджане этот участок был отнесен к Билясуварскому району республики, впоследствии переименованному (19 июля 1938 года) в Пушкинский (2). Упомянутый этнопоним до последнего времени интерпретировался на основе народной этимологии.

В начале XX века исследователь Кавказа К. Ган, исходя из бытовавших в народе толкований этого ойконима, писал, что *Билясувар* происходит «от *беля* — так, такой, *су* — вода и *вар* — есть: „здесь такая вода” (прежде тут был хороший родник на краю степи)»; по другой версии, отмечал автор, «от персидского *баала* — высокие и *сувари* — всадники (место их)»; и, наконец, «от арабского *бела* — несчастье и персидского *сувар* — верховой, всадник: „несчастный всадник”» (8, 25). Думается, что такие разноречивые толкования одного и того же названия уже указывают на их сомнительность. Ойконим здесь толкуется без учета конкретной исторической обстановки, в которой он появился и закрепился, тогда как для установления истины необходимо выявить, во-первых, его ареалы, во-вторых, существующие варианты, в-третьих, определить, к какой ономастической категории относится слово, составляющее основу топонима, и после этого проследить историю развития данного географического названия.

Название *Билясувар* имеется и на карте соседнего Ирана: в шахрестанах Ардебильском (44, т. 4) третьего остана и Макинском (44, т. 4) четвертого остана. Оно в качестве места зимней ставки монголов неоднократно упоминается у Рашидаддина (40, 107). Подробнее о нем говорится у современника Рашидаддина Хамдуллаха Казвини: «Пиле Сувар относится к пятому климату. Его основал один из эмиров [династии] Бувайхидов по имени Пиле Сувар; [Пиле Сувар] ныне представляет собой деревню. Водой он снабжается из реки Баджраван. Там выращивается хлеб» (45, 104). Хамдуллах Казвини, кроме гидронима *Баджраван*, отметил на территории Мугани еще два географических объекта — *Баджраван* (45, 103) и *Хамашара* (45, 104). Первый из этих объектов был населенным пунктом, а второй — насыпным укрепленным курганом (33, 242). В начале XIX века они входили в состав Талышского ханства.

В этом же районе существовала и река *Хамашара* протяженностью в 37 км, которая не доходила до моря и, образовав болото, терялась в камышах (33, 188).

Данные источников не оставляют сомнения в том, что Билясувар, упоминаемый авторами XIV века, находился в той же зоне, что и интересующий нас ойконим. Однако установить точно, на месте какого из трех объектов — села, урочища или заставы — он находился, до проведения археологических исследований — невозможно.

Сведения, приведенные Хамдуллахом Казвини, указывают, во-первых, на то, что *Билясувар* существовал задолго до появления монголов в Азербайджане [как известно, Бувайхиды правили в X—XI веках (932—1062)]; во-вторых, этот ойконим состоит из двух компонентов: *пиле* и *сувар*, из которых первый является апеллятивом, а второй — именем собственным, уточняющим его; в-третьих, в средние века слово *сувар* было известно как антропоним. Однако данное Хамдуллахом Казвини толкование слова *пиле* в составе рассматриваемого топонима как «великий» вызывает сомнение, ибо в персидском языке оно имеет несколько значений, одно из которых «широкая выгоревшая степь между двумя реками» (5). В таком случае интерпретация топонима как «Суварская степь», подобно известным *Дешти кыпчак* 'Кыпчакская степь', *Дешти хазар* 'Хазарская степь', представляется более убедительной, тем более, что в Кусарском районе Азербайджана сохранился топоним *Калайсувар* 'Суварская крепость' (35), генетическая связь которого с *Билясуваром* несомненна. Различие здесь заключается лишь в словах *пиле* 'степь' и *кала* 'крепость'. В образовании обоих топонимов участвует слово *сувар*, поэтому необходимо определить также и его ареал.

В современной азербайджанской антропонимии *Сувар* отсутствует, однако сохранилась усложненная форма *Шахсувар* в фамилиях. В XIX веке существовали оба варианта: *Сувар* (21, л. 946) и *Шахсувар* (20, л. 1416). Антропоним *Сувар* встречается в Азербайджане и в средние века. Имя одного из представителей династии Шаддадидов Абул-Асвар Шавура I ибн Фадлуна (6), правившего в Гяндже (1049—1067), связано с антропонимом *Сувар* (*Асвар* является арабизированной множественной формой тюркского имени *Сувар*). Имя этого правителя в «Кабуснаме» (17, 76) приводится в его исходной форме — *Бу-с-Сувар*. Надо полагать, что этот антропоним существовал и в раннем средневековье.

*Сувар* в прошлом был не только антропонимом, но и многовариантным тюркским этнонимом, носители которого не раз вторгались на Ближний Восток, Кавказ, в Поволжье и Восточную Европу, оседая там, о чем свидетельствует топонимия этих регионов. Этноним *сувар* в исторических источниках зафиксирован в различных вариантах: *сабир* (37, 83), *сапир*, *савир* (42, 265), *савар* (39, 237), *савард*, *ас-савардийе* (15, 9), *севорди* (48, 83), *крепкие сабарты* (24, 17), по изданию Моравчика (Будапешт, 1949) *белые сабарты* (30, 214, прим. 115)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Этническая принадлежность носителей названий: *савард*, *севорди* и *крепкие* (или *белые*) *сабарты* до сих пор является спорной. Одни исследователи полагают, что этноним *севорди* восходит к легендарному армянскому эпониуму *Севик* (4, 76), отсюда *Сев-орти* 'сын Сева'; другие считают, что он происходит от армянского *сийав* 'черные' и *орти* 'сыны', то есть 'черные сыны' (4, 76—77); а третьи — что *севорди* это «арменизированные венгры» (30, 214, прим. 115). Наряду с этими существует и другое, как нам кажется, более близкое к действительности мнение, согласно которому названия *саварды*, *сабарты* и *севорди* являются лишь вариантами этнонима *сабир* (3, 127; 4, 81).

В пользу последнего предположения говорит и то, что у Константина Багрянородного *саварты* упоминаются в связи с войной между печенегами и турками. *Саварты*, как часть побежденных турков, поселились на территории «Персиды» (24, 17). И, наконец, известно, что саварты жили в Аране. На основе всех этих фактов можно сделать вывод, что *сабарты*, *саварты* и *севорди* суть *савиры* (*сабиры*).



Некоторые из них сохранились в географических объектах: *Калайсувар* 'Суварская степь' (35); гидроним *Сувар* и его фонетические варианты — *Шувар*, *Сумар*, *Чумар* — зафиксированы между Бадахшаном и Нижней Волгой (22, 184); ойконим *Савард* находится в шахрестане Боруджерд шестого остана в Иране (44, т. 6).

Вариант этнопонима *Сувар* в форме *Суварлы* (20, л. 1416) был отмечен в Шабранском магале Кубинской провинции Закавказского края (1831). Село Сибир-оба (18) — по списку 1916 года, — по всей вероятности, также является вариантом рассматриваемого этнопонима. Поскольку при царском режиме Сибирь была местом ссылки, то после революции местные жители переименовали село в *Сабир-оба*, связав его название с именем известного азербайджанского поэта-сатирика Сабира.

В раннем средневековье слово *сувар* входило в состав двойного названия столицы Кавказской Албании — *Кабала-сувар* (32, 38; 43, 29)<sup>2</sup>. Махмуд Кашгари, говоря о городе Саксин, локализует его недалеко от города Булгар, тут же отмечая, что он же *Сувар* (12, 220). Об этом городе упоминается и в «Худуд ал-алам» с уточнением: «здесь живут борцы за веру, подобно булгарам» (46, 386; 31, 74).

Любопытно, что в одном из списков рукописи Ибн Хаукаля название Сувар записано через *шин* — *Шувар* (14, 207), подобно гидрониму Шувар. Для прослеживания развития данного этнопонима необходимо учесть и этот вариант названия. В таком случае нас должны заинтересовать и следующие топонимы: *Шабран* — урочище, *Шабран-каласы* — развалины крепости и *Шабран-чай* — река в исторической топонимии Кубинского уезда (1913) Бакинской губернии (35). В анонимном географическом источнике (X в.) говорится о существовании в этом районе ойконима *Шавран* и дается следующее пояснение: «*Шавран* — небольшой городок (касаба) в Ширване, расположен недалеко от моря и изобилует всякими благами. Оттуда по всему миру развозится пробный камень» (46, 336; 31, 66). У историка Мюнеджим-баши (XVII в.), написавшего свой труд на основе пока еще не обнаруженного исследователями источника «Тарих Баб ал-абваб», составленного в Дербенте около 1106 года, рассматриваемый ойконим зафиксирован как город *Шабран* (الشابران), причем отмечено, что в 988 году стены города построил Муса бин Али (30, 51). В книге «Большому чертежу» (1627) этот топоним записан в форме *Шаран* и четко локализован: «От Мюкшура (Мюшкюра. — А. Г.) 20 верст Шаран. А от Шарани 50 верст, у моря на берегу город Дербент, Железные ворота тоже, а по турски Темир-Капы» (23, 89). Арабские авторы IX—X веков Ибн Хордадбех (7, 18), ал-Истахри (7, 89), ал-Мукаддаси (7, 131) также приводят этот ойконим в форме *Шабран*, а ал-Идриси (XII в.) — *Сабран* (7, 156), Абд ар-Рашид Бакуви (XV в.) — *Сабуран* (1, 596). Последний вариант встречается и в Средней Азии. По сообщению Махмуда Кашгари, *Сабран* — огузский город (29, 409), анонимный автор пишет, что «Сабран<sup>3</sup> город изобилия;

<sup>2</sup> Археологические исследования, проведенные в районе древней столицы Кавказской Албании—Кабалы, показывают, что территорию города пересекал искусственный ров в направлении с запада на восток. Северная часть города в народе именовалась *Сельбир*, а южная — Гявур-кала (16, 60; 19, 18). В связи с существующим мнением, что название *сувар* (*сабир*) связано с географическим названием Сибирь (22, 175—183), можно высказать следующее предположение: название северной части городища Кабалы—*Сельбир* является одним из возможных вариантов этнонима *сувар* (*сабир*), хотя на исторической карте Азербайджанской ССР зафиксировано название Сибир-оба (18).

<sup>3</sup> В рукописи «Худуд ал-алам» вместо *Сабран* ошибочно написано *Сахран* (46, 246; 31, 398).

местопребывание огузских купцов» (46, 246; 31, 398), эти сведения дополняет Ибн Хаукаль: «(Здесь) собираются гузы для (заключения) мира и перемирия и для торговли, когда они в мире; это укрепленный город» (28, 183). Локализуется этот город в нижнем течении Сырдарьи, на месте городища *Сауран* в 48 км к западу от города Туркестан (27, 70).

Все приведенные этнотопонимы представлены как в форме единственного (*Сувар*, *Шувар*), так и множественного числа, оформленного с помощью персидского суффикса множественного числа *-ан*: *Саб(у)р+ан*, *Шаб(у)р+ан*, *Сав(у)р+ан*, *Шав(у)р+ан*, а это позволяет четко проследить развитие этнонима *сувар* с его фонетическими разновидностями: *сабир*, *шабир*, *савир*, *шавир*. Что же касается названия *Шабуран* (<*Шабран*), связываемого некоторыми авторами с иранским антропонимом *Шапур* (30, 109; 13, 403), то такое толкование представляется неубедительным, ибо указанный топоним, образованный на базе антропонима *Шапур*, не может принять аффикса множественности *-ан*. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы основу топонима составлял этноним, например: *сабир* — *Саб(у)р+ан* со значением «сабиры», тогда как топоним, восходящий к антропониму *Шапур*, как показывает древнеиранская топонимика, в своем предполагаемом развитии мог принять лишь следующие формы: *Шапурабад*, *Шапургерд*, *Шапурван*, *Шапурхаст*, *Шапурхуре*, *Шахре Шапур*, *Каме Шапур*. Следовательно, *Шабуран* (или *Сабуран*) не мог быть связан с именем *Шапура* и представляет собой лишь вариант рассматриваемого этнотопонима *Шабран*.

Что же известно нам о носителях этнонима *сувар*, об их пребывании в этих краях?

*Сувары* — это объединение прикаспийских племен, обитавших на Северном Кавказе со II века нашей эры (34, 553; 26, 68). Ко второй половине V века они уже населяли степи Каспийско-Азовского междуморья (3, 106).

Теснимые аvaraми из Западной Сибири, сувары (савиры, сабиры) во второй половине V века (3, 106) «обосновались в юго-восточной, прикаспийской части европейских степей и владели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента» (3, 69). При правителе Каваде I (486—531) сувары (савиры) были самым сильным этническим образованием на севере Ирана (3, 116). Продвигаясь на юг, они в 552 году завоевали Албанию (9, 36). По сохранившимся сведениям, племя это было «многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен» (38, кн. 8, гл. 11, § 23), имело определенные преимущества в военной технике (38, кн. 8, гл. 11, § 29). В течение VI века сувары являлись серьезной военной силой на северной границе Ирана — территории Кавказской Албании. Когда хазары в 626 году вторглись в Албанию, они нашли в Кабале «родственный им элемент, давние поселения своих земляков — сабиров» (25, 298).

По сведениям арабского историка Баладзори, савиры (>саварды) находились на территории Арана и во второй половине VIII века (15, 9).

Таким образом, носители рассматриваемого многовариантного этнонима *сувар*, которым обязаны своим возникновением этнотопонимы *Билäсувар* и *Калайи-сувар*, примерно, с конца V века активно участвовали в общественно-политической и культурной жизни народов Дагестана, Кавказской Албании, Армении и Грузии. Основным местом их пребывания была Албания, столица которой носила двойное название: *Кабала-сувар* (32, 38; 43, 29).

В начале VI века савиры совместно с родственными им утургурами «вторглись в Армению и опустошили Каппадокию» (34, 564)<sup>4</sup>.

Как свидетельствует сирийский источник, в племенном объединении гуннов были: онагоры, огары, сабиры, бургары, оланы, куртаргары, абары, хазары, вирмары, сиругуры, баграсики, куласы, абделы и эфталиты, «большинство имен которых, несомненно, тюркского происхождения» (36, 228). Эти племена, ведущее положение между которыми занимали савиры (сувары), активно участвовали в политической, экономической и социально-культурной жизни народов как Кавказской Албании, так и сопредельных с ней стран, подвергаясь их влиянию и, естественно, в свою очередь, влияя на аборигенов. К сожалению, характер и степень этого взаимовлияния почти не изучены, может быть, за исключением влияния так называемых «гуннских племен» на языки некоторых аборигенов: удин (10), лаков (11) и армян (41).

Таким образом, этнопоним *Биялсувар* со всеми приведенными выше вариантами восходит к этнониму *сувар* — названию древнего тюркского племени, некогда обитавшего на территории современного Азербайджана и сопредельных с ним областей.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-Малик ал-каххар («Сокращение [книги о] „памятниках“ и чудеса царя могучего»). М., 1971.
2. «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1968.
3. *М. И. Артамонов*. История хазар. Л., 1962.
4. *Vaştav Şerif*. Sabir Türkleri. Türk Tarih Kurumu, «Belleten», cilt V, sayı: 17—18. Ankara, 1941.
5. *برهان قاطع* تأليف محمد حسين المتخلص به برهان. تهران. ۱۳۴۰ ق هـ.
6. *Э. К. Босворт*. Мусульманские династии. М., 1971.
7. *Н. М. Вәлиханлы*. IX—XII эср эрәб чографијашүнас-сәјјаһлары Азербайжан һаггында. Баку, 1974.
8. *К. Ган*. Опыт объяснения кавказских географических названий. — В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (в дальнейшем «СМОМПК»), вып. 40. Тифлис, 1909.
9. *Л. Н. Гумилев*. Древние тюрки. Л., 1967.
10. *В. Л. Гукасян*. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973.
11. *И. С. Джидалаев*. К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972.
12. «Divanü Lügat-it-Türk». Tırkıbasımı. «Faksimile». Ankara, 1941.
13. *С. Т. Еремян*. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII века. — «Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук» (3—7 августа 1964 г.). М., 1970.
14. «Ibn Fadlan's Reisebericht». Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Band 24, № 3. Leipzig, 1939.
15. «Из соч. Баладзори» «Книга завоевания стран». Баку, 1927.
16. *О. Ш. Исмизаде*. Кабала — столица древней Кавказской Албании. — В сб. «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962.
17. «Кабус-наме». М., 1958.
18. «Кавказский календарь на 1917 г.». Тифлис, 1916.
19. *С. М. Казиев*. Гәбәлә шәһәринин тарихи-археолоји тәдғиги. — В сб. «Материальная культура Азербайджана». Баку, 1964.
20. «Камеральное описание Кубинской провинции», составлено в 1831 году, ЦГИА Азерб. ССР, ф. 24, оп. I, ед. хр. 343.
21. «Камеральное описание Ширванской провинции Сальянского округа казенных крестьян», составлено в 1830 году, ЦГИА Азерб. ССР, ф., 24, оп. I, ед. хр. 332.
22. *В. Ф. Каховский*. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.
23. «Книга Большому чертежу». М.—Л., 1950.

<sup>4</sup> Каппадокия — древнее название центральной области Малой Азии (47).

24. *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 91. М.—Л., 1934.
25. *А. Е. Крымский*. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классической Албании). — Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу». Л., 1934.
26. *Л. И. Лавров*. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. — «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов» (22—26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960.
27. *А. Х. Маргулан*. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
28. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М.—Л., 1939.
29. *Махмуд Кошгарий*. Туркий сүзлар девони, т. I. Тошкент, 1960.
30. *В. Ф. Минорский*. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.
31. *حدود العالم من المشرق الى المغرب*. بامقدمه بارتولد وحواشي وتعليقات مينورسكى ترجمه ميرحسين اشاه، كابل، ۱۳۴۲.
32. *محمد حسن خان اعتدادالسلطنه*. در التيجان في تاريخ بنى اشكان، جلد ۲، ۱۳۱۰ ملحقات جغرافياي قديم.
33. «Обозрение Российских владений за Кавказом, в статистическом, топографическом и финансовом отношениях». Т. 3. СПб., 1836.
34. «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв.». М., 1958.
35. *Д. Д. Пагирев*. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913.
36. *Н. В. Пигулевская*. Ближний Восток, Византия. Славяне. Л., 1976.
37. *Н. В. Пигулевская*. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
38. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950.
39. *Птолемей*. Географическое руководство. — «Вестник древней истории», 1948, № 2.
40. *Рашид-ад-дин*. Джами ат-таварих (Сборник летописей), т. 3. Баку, 1957.
41. *М. Сејидов*. Азербайжан-ермени эдэби элагэлэри (Орта эсрлэр). Баку, 1976.
42. *Стефан Византийский*. Описание племен. — В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893.
43. *А. Фазили*. Азербайжанын гэдим тарихи мүасир Иран тарихшүнаслыгында (е. э. IV-е. III). Баку, 1970.
44. *فرهنگ جغرافياي ايران (آباديه)*، جلدماي چهارم و ششم، تهران، ۱۳۲۰ لوش .
45. *حمدالله قزوینی، زرمة القلوب*. بکوشش محمد دبيرسياقي، تهران ۱۳۲۶ لوش .
46. «Худуд ал-алам». Рукопись Туманского. Л., 1930.
47. *Т. М. Щепунова*. Каппадокия. — «Советская Историческая Энциклопедия», т. 6. М., 1965.
48. *З. И. Ямпольский*. Об этнониме «севорди». — «Советская тюркология», 1973, № 1.

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

### ОБ ОРФОГРАФИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сложные слова в тюркских языках, как известно, образуются в основном двумя способами: 1) путем лексикализации словосочетаний и 2) сложением слов. Классификация сложных слов, образованных этими двумя способами, является задачей весьма трудной, ибо в тюркологии пока не установлены критерии их отличия.

В правописании сложных слов способы их образования не играют решающей роли, так как в обоих случаях образуются сложные слова с одинаковой взаимосвязью компонентов. Пока еще не разработаны научно обоснованные критерии орфографии сложных слов. Одни и те же модели сложных слов в разных тюркских языках пишутся по-разному.

Современный уровень изученности структуры слов в тюркологии позволяет, думается, определить их истинную природу и установить научно обоснованные критерии правописания (см. труды А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Э. В. Севортяна, С. К. Кенесбаева, А. А. Юлдашева, А. И. Искакова, А. Г. Гулямова, Б. О. Орузбаевой, М. А. Хабичева и др.).

Известно, что при установлении правописания сложного слова необходимо исходить из его семантики, а также особенностей спаянности и взаимосвязи компонентов. Однако в тюркологии нередко наблюдается другая картина: характер сложного слова определяют его правописанием, то есть буквенный образ сложного слова выдается за его сущность, что нельзя признать правильным.

Возникает вопрос: какие особенности сложного слова могут быть признаны за основу при установлении его правописания?

Несомненно одно, что правописание сложных слов должно основываться не на субъективных представлениях, а на определенных, вполне конкретных языковых критериях. Их у сложных слов несколько: 1) лексико-грамматический характер компонентов; 2) взаимосвязь и спаянность компонентов; 3) семантика.

Критерий лексико-грамматического характера компонентов в правописании сложных слов учитывает лишь внешнюю сторону последних, оставляя в тени главное, а именно — степень спаянности и взаимосвязи компонентов, внутреннее содержание слова. Поэтому этот критерий не может быть принят за основу при установлении правописания сложных слов. Что же касается критерия семантики, степени растворения значения компонентов сложного слова в его содержании, то это является слишком общим признаком, не отражающим все многообразие сложных слов.

Лишь критерий взаимосвязи компонентов, по нашему мнению, может служить лингвистической основой, показывающей степень спаянности компонентов сложных слов. Этот признак позволяет определить степень слитности сложного слова, а, следовательно, может быть принят за критерий раздельного или слитного его написания<sup>1</sup>.

Чтобы сформулировать правила написания сложных слов, необходимо научно установить их типы и виды согласно взаимосвязям компонентов.

Заметим, что между компонентами сложных слов нет живой синтаксической связи, иначе они являлись бы свободными словосочетаниями. Поэтому о синтаксической связи компонентов можно говорить лишь условно, то есть в плане соответствия взаимосвязей компонентов сложного слова взаимосвязям частей словосочетания, по модели которого оно образовано.

По характеру взаимосвязей компонентов сложные слова подразделяются на следующие типы: 1) сложные слова с сочинительным отношением компонентов; 2) сложные слова с подчинительным отношением компонентов.

**Орфография сложных слов с сочинительным отношением компонентов.** Сложные слова с сочинительным отношением компонентов в тюркологии называются парными словами и пишутся через дефис. Это вполне закономерно, ибо их компоненты в основном грамматически равнозначны. Естественно, единство этих разных слов на письме должно быть обозначено дополнительным знаком, каковым и является дефис: *balasça* 'дети', *sawyt-saba* 'посуда', *yuy-zuy* 'суматоха', *köpjaq-köpbatyş* 'юго-запад' и т. д. Однако в отдельных языках этот ясный и общепринятый критерий написания слов с сочинительным отношением компонентов, то есть парных слов, через дефис иногда нарушается. Так, в татарском языке сложные слова с сочинительным отношением компонентов *qar-jot*, *al-jot*, являющиеся парными словами, пишутся слитно (*qarjot*, *aljot*).

В русском языке сложные слова с сочинительным отношением компонентов также пишутся по-разному. Например, с дефисом пишутся: *юго-запад*, *северо-запад*, *юго-восток*, *северо-восток*, *черно-белый*, *красно-белый*, *звуко-буквенный*, *физико-математический*, *англо-русский*, *синтетико-аналитический*, *товаро-пассажирский*; слитно пишутся: *лесостепь*, *мясомолочный*, *обезьяночеловек*, *тазобедренный*<sup>2</sup>.

Существование подобного разнообразия в написании сложных слов с сочинительным отношением компонентов, по нашему мнению, не оправдано ни в научном, ни в практическом отношении. Необходима унификация орфографии этого типа сложных слов. Написание через дефис правильно раскрыло бы их содержание, равнозначность и относительную самостоятельность компонентов. При слитном же написании данного типа слов первый компонент воспринимается как определение второго компонента, тем самым затемняется их равное участие в образовании семантической структуры слова.

**Орфография сложных слов с подчинительным отношением компонентов.** Подчинительное отношение в языке является основным видом связи слов. «При подчинительной связи слова вступают между собой в самые различные лексико-грамматические отношения. Различие и мно-

<sup>1</sup> О. С. Ахманова пишет, например, что атрибутивная связь является наиболее тесным видом синтаксической связи (см.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 398).

<sup>2</sup> Большинство примеров взято из книги: «Грамматика русского литературного языка». М., 1970, стр. 162, 222.

гообразии этих отношений определяется различием и многообразием отношений, во-первых, между предметами, или явлениями реальной действительности, сообщаемыми в речи, во-вторых, между говорящим, с одной стороны, и реальной действительностью, о которой сообщается в речи, — с другой»<sup>3</sup>. Между словами в языке существуют многообразные подчинительные грамматические связи. Эти связи можно сгруппировать с нескольких точек зрения: по типу синтаксической связи, по типу связи членов предложения и т. д.

Для изучения сложных слов с подчинительным отношением компонентов с точки зрения установления их орфографии целесообразнее определить отношения компонентов по типу связи членов предложения. По этому принципу можно выделить предикативное, атрибутивное, объектное и обстоятельственное отношения.

**Орфография сложных слов с предикативным отношением компонентов.** Сложные слова, образовавшиеся на основе предикативной связи компонентов, относятся в основном к древнему пласту лексики и чаще встречаются среди антропонимов и топонимов: Xangilde, Urazgilde, Jaugilde, Kildejar, Kildeiš, Urazbaqtı, İştıyaп и т. д. Как видно, в качестве второго компонента сложных существительных с предикативным отношением компонентов выступают личные формы глаголов. В отдельных случаях эту роль могут выполнять и глаголы на *и* (имя действия): *pağjasalu* 'парообразование', *žirteträü* 'землетрясение', *süzjasalu* 'словообразование'.

На основе предикативных отношений компонентов могут образоваться иногда и глаголы: *qotoçu* 'испугаться', *iskitü* 'удивляться'.

В тюркских языках сложные слова с предикативным отношением компонентов, как правило, пишутся слитно. Такая орфография соответствует природе данных сложных слов, ибо, во-первых, предикативная связь является наиболее тесным видом связи, во-вторых, слитное написание сложного слова дает возможность отличить его от соотносительной модели свободного словосочетания.

**Орфография сложных слов с атрибутивным отношением компонентов.** Орфография подобных сложных слов в тюркологии пока не унифицирована, и, следовательно, проблема правописания данных слов окончательно не решена.

На основе атрибутивных отношений образуются как сложные существительные, так и сложные прилагательные.

В сложных существительных с атрибутивным отношением компонентов в качестве первых компонентов выступают имена существительные (*sabantuj* 'сабантуй', *žiržiläk* 'клубника', *kükebaš* 'медуница'), прилагательные (*terekömeš* 'ртуть', *jäšüsmer* 'подросток'), местоимения (*üzidarä* 'самоуправление', *üzqıjımät* 'себестоимость'), причастия (*buğjylan* 'удав', *jaпartau* 'вулкан', *jaпarčäčäk* 'горлицы', *tegäržer* 'суровь'), числительные (*öčajaq* 'таган', *öčročmaq* 'треугольник') и т. д.

Компоненты сложных существительных, связанные атрибутивным отношением, независимо от их лексико-грамматического характера должны писаться слитно. Принцип слитного написания данного вида сложных слов вытекает, во-первых, из того, что атрибутивная связь является наиболее тесным видом связи, а орфография сложных существительных с данным видом связи компонентов должна отражать эту их особенность; во-вторых, из необходимости различения сложных слов от соотносительных свободных словосочетаний (*öč ročmaq* 'три угла' и

<sup>3</sup> М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 81.

öbröstaq 'треугольник', qyzyl qanat 'красное перо' и qyzylqanat 'красно-перка').

Сложные прилагательные с атрибутивным отношением компонентов в тюркских языках имеют две модели.

Первая модель образуется от свободных словосочетаний при помощи суффикса *-ly*: quzuqanly 'горячий' (о человеке), ozunquilly 'длиннорукий', ozupajaqly 'длинноногий', eškegile 'злопамятный', ikebarmaqly 'дупалый'. В большинстве тюркских языков данный вид сложных прилагательных пишется раздельно. На наш взгляд, раздельное написание компонентов не совсем оправдано. Слитное написание более точно отражало бы их природу.

Вторая модель сложных прилагательных образуется сложением на основе атрибуции двух прилагательных, обозначающих цвет, для более точного выражения оттенка: qaraqöğän 'темно-коричневый', qarasogly 'темно-серый', qağazyly 'темно-красный'.

Иногда сложные прилагательные с атрибутивным отношением компонентов, состоящие из двух прилагательных и обозначающие единый оттенок цвета, пишутся через дефис. Подобная орфография, по нашему мнению, не отвечает природе данной модели сложных прилагательных, ибо в этом случае имеет место не сочинительное отношение, а атрибутивная связь. Поэтому такие слова должны писаться слитно. Сложные прилагательные, состоящие из двух компонентов, обозначающих цвет, следует писать через дефис только в тех случаях, когда эти компоненты между собой соединены сочинительной связью и являются относительно самостоятельными. В этом случае компоненты являются равнозначными и каждый в отдельности обозначает определенный цвет: qyzyl-qara taplar 'красно-черные пятна', kükle-jäšelle külmäk 'платье голубого и зеленого цвета' и т. д.

Композиты, образованные по модели второй формы изафета, основной связи компонентов которых являются атрибутивные отношения: jort qıjanu 'кролик', çür üläne 'сорняк', xezmät ijäse 'трудящийся', et qaqsu 'сурепка', žig žiläge 'клубника', в тюркских языках, как правило, пишутся раздельно, что точно отражает природу указанных сложных слов.

Таким образом, сложные слова с атрибутивным отношением компонентов, за исключением композитов, соотносительных со второй формой изафета, следует писать слитно. Однако в словарях тюркских языков сложные слова с атрибутивным отношением компонентов, сегменты которых достаточно длинные, зачастую пишутся раздельно: baqur julap 'медянка', tağan baluq 'тарань'<sup>4</sup>.

Нам представляется, что нет обоснованных препятствий для слитного написания компонентов сложных слов с длинными сегментами, образованных на базе атрибутивного отношения: qağaqarğa 'галка', alaqağarğa 'ворона', tağanbaluq 'тарань' и т. п.

**Орфография сложных слов с объектным отношением компонентов.** Данный вид сложных слов в тюркских языках представлен тремя моделями.

1. Композиты модели: существительное, выражающее объект + причастие: ugunbasar 'заместитель', subülär 'водораздел', jopqojar 'рунец', žilquar 'ветрогон', julbasar 'разбойник', ilbasar 'захватчик' и т. д.

Такие слова всегда должны писаться слитно для точного обозначения их статуса как сложного слова и различения от сходных с ними свободных глагольных словосочетаний.

<sup>4</sup> См., например, соответствующие статьи в «Татарско-русском словаре». М., 1966.



2. Композиты, образованные от свободных словосочетаний с объектным отношением компонентов при помощи аффикса -үүч/-қуч: брон-жәтишкеш 'бронбойный', алпарқуч 'передник', қолжууыч 'умывальник', рағ-жуууыч 'паронакопитель', сәсүргеç 'тесьма' и т. д.

Композиты данной модели рекомендуется писать всегда слитно. В словарях тюркских языков, однако, существует разноречивость в их написании: су үлчәгеç — суүлчәгеç, теş çистартқуç — теşçистартқуç и т. д.

3. Сложные глаголы, образованные по модели: именные слова + вспомогательный глагол: тәғзетә итү 'переводить, перевести', сабуғ итү 'терпеть' и т. д. (с объектным отношением компонентов) пишутся раздельно, что вполне соответствует их природе.

**Орфография сложных слов с обстоятельственным отношением компонентов.** К сложным словам с обстоятельственным отношением компонентов относятся главным образом глаголы. Существует, в основном, два подвида таких слов.

Первый подвид: сложные глаголы модели деепричастие + модифицирующий глагол: уқур сүуи 'прочитать, прочитывать', јазур қију 'записать, записывать', жоқлар алу 'поспать' и т. д. Их количество во многих тюркских языках доходит до ста тысяч.

Второй подвид: звуко- или образоподражательное слово или наречие + вспомогательный глагол: келт-келт итү 'тикать', шырт итү 'треснуть', хағар булу 'погибнуть' и т. д.

В тюркских языках сложные глаголы обоих подвидов обычно пишутся раздельно. С нашей точки зрения, подобная орфография правильна, ибо слитное написание привело бы к искусственным построениям.

На основе изложенного можно сделать ряд выводов.

Существует настоятельная необходимость унификации орфографии сложных слов в тюркских языках.

Лингвистическим критерием для правописания сложных слов может стать лишь характер взаимоотношений их компонентов.

Сложные слова с предикативным отношением компонентов должны писаться слитно, а с обстоятельственным отношением компонентов — раздельно.

Сложные слова с атрибутивным отношением компонентов также должны писаться слитно. Композиты с атрибутивным отношением элементов, соотносительные со второй формой изафета, должны писаться раздельно.

Раздельно пишутся и сложные глаголы, образованные по модели: именные слова + вспомогательный глагол. Остальные виды сложных слов с объектным отношением компонентов должны писаться слитно.

Сложные слова с сочинительным отношением компонентов должны всегда писаться через дефис.

Таким образом, в вопросе орфографии сложных слов в тюркских языках за основной критерий правописания следует принять характер взаимоотношения между их компонентами.

При этом в соответствующих необходимых случаях возможны отдельные уточнения и исключения. По нашему мнению, лишь дифференцированный подход к сложным словам позволит решить проблему их правописания.

Н. Е. ПЕТРОВ

## О СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЕ ОЛОНХО И ЕЕ СВЯЗИ С ПОЭЗИЕЙ ОРХОНСКИХ ТЮРКОВ

Якутский героический эпос (олонхо) специалисты характеризуют как высокохудожественное произведение устного народного творчества, отразившее все стороны многовековой жизни народа<sup>1</sup>. Олонхо, в котором органически сочетаются почти все жанры якутского фольклора, занимает центральное место в устном творчестве якутов.

Стихотворная форма олонхо не была предметом специального исследования, хотя многие ученые обращались к ней в своих работах<sup>2</sup>.

Якутский эпос относится к древнейшему эпосу тюркоязычных народов, запечатлевшему наиболее архаические особенности эпического жанра, и поэтому представляет особый интерес. В. М. Жирмунский писал, что якутские олонхо «в ряде случаев, несмотря на оригинальные особенности позднейшего национального развития, представляют как бы контрольный материал, позволяющий выделить элементы древней традиции в богатырских сказках народов Алтая»<sup>3</sup>.

Возникновение народного стихосложения, как известно, связано с пением и музыкой. Метрика и ритмика устной поэтической речи определяются особенностями звуковой системы вокализма того или иного языка.

Вера древних людей в магическую силу слова способствовала рождению образной речи, настойчивые обращения с мольбой к духам и богам приводили к повторению особо значащих слов, словосочетаний и фраз, ритмически организующих речь, что было характерно для обрядовой поэзии.

В. М. Жирмунский в этой связи писал: «Простое повторение строк (с варьированием отдельных слов) представляется древнейшей формой ритмической организации стиха. Такое повторение являлось выражением коллективной или индивидуальной эмоциональности, эмфатического настояния, магической заклинательной формулой. Из повторения возникает более свободная форма параллелизма в содержании и тем самым — в синтаксическом строе стихов, которые могут объединяться парно, с альтернативой, или образуя более обширные группы — „цепоч-

<sup>1</sup> П. А. Ойунский. Айымньылар. Сэттэ томнаах. Т. 7. Якутск, 1962, стр. 107.

<sup>2</sup> См., например: Г. М. Васильев. Якутское стихосложение. Якутск, 1965, а также работы А. Н. Веселовского, Ф. Е. Корша, В. М. Жирмунского и других, посвященные стихосложению в устной народной поэзии.

<sup>3</sup> В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 223.

ки" параллельных стихов (последнее преимущественно в эпической поэзии)»<sup>4</sup>.

Следовательно, стихи песен, героических поэм и олонхо восходят к обрядовой поэзии, представляя собой, таким образом, новый этап в эволюции поэтической речи. В этом процессе большую и важную роль сыграла эпическая традиция исполнения олонхо, заключающаяся в сопровождении вдохновенного повествования протяжным пением. При этом из простого повтора слов возникал семантический вариативный повтор, составивший основу стихотворной формы якутского эпоса.

Повторение синонимических по содержанию и адекватных по конструкции фраз образовывало пару ритмических единиц (строк), в которой однотипность синтаксических моделей приводила к звуковой организации стиха или к грамматической рифме. Поскольку повтор основывался на аналогии, благодаря гармонии гласных закономерно возникла и аллитерация.

В якутском языке сложилась и своя поэтическая терминология: *хоһуй* 'воспевать', 'делать стихи', *хоһуйуу* 'составить поэтическое описание', *хоһоон* 'стихотворение', 'стих', *хоһоонньут* 'стихотворец', 'поэт'. Все эти термины восходят к слову *хос* 'второй', 'еще один', 'вторично', 'повторно', 'двойной', 'повторный'<sup>5</sup>, тем самым семантически подтверждая, что именно повтор лег в основу эпического стихосложения.

Слово *хоһоон* 'стих', 'стихотворение' образовалось от глагола *хоһуй* (*хос* + древнейший омертвевший аффикс *-уй*<sup>6</sup>) и редко встречающегося омертвевшего именного аффикса *-аан* (*хоһуй* + *аан* > *хоһуйаан* > *хоһоон*). Наличие архаичных омертвевших аффиксов в якутских терминах стихосложения свидетельствует о том, что эти термины возникли в глубокой древности.

В древнетюркском языке есть имя *қоғ* 'пара'<sup>7</sup>, а также глагол *қоғ-* 'соединять', 'присоединять', 'добавлять'; 'слагать, сочинять (стих, песню)' (ДТС, 460). От глагола *қоғ-* образован термин *қоғуу* 'стихотворение', 'поэма' (ДТС, 460). Зафиксированный в словаре Махмуда Кашгарского, этот термин, вероятно, появился несколько позднее, нежели якутский *хоһоон*, в связи с приобретением глаголом *қоғ-* дополнительно переносного значения «слагать стихи».

Таким образом, термины якутского стихосложения имеют единую лингвистическую основу с соответствующими терминами в других тюркских языках, и это позволяет предположить общность в них процесса формирования эпического стиха. Поэтому якутское олонхо может быть использовано в качестве «контрольного материала» при изучении древнетюркского эпического стихосложения.

Превращению синонимического повтора в основу ритмической организации стиха способствовало, по-видимому, и то обстоятельство, что эпическая поэзия предназначалась для слушателей всего племенного союза, говоривших на разных диалектах. Чтобы усилить доходчивость, общедоступность стиха, одна и та же мысль передавалась посредством различных лексико-семантических вариантов. При этом сказитель широко привлекал все известные ему слова, в том числе малоупотребительные, диалектные и заимствованные из других языков. Последние в поэтическом языке стали использоваться особенно активно.

<sup>4</sup> В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории. — В кн.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 667.

<sup>5</sup> «Якутско-русский словарь». Под редакцией П. А. Слепцова. М., 1972, стр. 502.

<sup>6</sup> См.: Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 124

<sup>7</sup> «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 460.

В целом для якутского эпического стиха богатство синонимических рядов, большой выбор близких или связанных по содержанию слов служат одним из средств создания поэтических описаний. Именно поэтому с момента зарождения стиховой формы якутского эпоса возник особый интерес к заимствуемым иноязычным словам, и они были вовлечены в активный функциональный оборот поэзии. Этим отчасти и объясняется сложный, разноэлементный состав лексики, который в известной мере заслонил первоначальную тюркскую основу словарного состава языка якутов и явился причиной различных толкований учеными вопроса о происхождении якутского языка. С этим же в известной мере связана исключительно богатая синонимическая система якутского языка, в котором почти все основные слова имеют варианты, число которых иногда доходит до нескольких десятков.

В ранних записях якутских песен, произведенных в сороковых годах прошлого столетия академиком А. Ф. Миддендорфом, обращает на себя внимание, например, большое число заимствованных русских слов<sup>8</sup>.

В. М. Жирмунский, характеризуя основы древнетюркского народного эпического стиха, ввел термин «ритмико-синтаксический параллелизм»<sup>9</sup>. Выражаемое этим термином понятие характеризует систему стихосложения раннего этапа развития поэзии почти всех народов. Эта система сохранила в более или менее полном виде некоторые свои особенности в фольклоре алтайских народов.

Таким образом, основой стихотворной формы олонхо является ритмико-синтаксический параллелизм, заключающийся в повторении аналогичных по синтаксической конструкции, синонимических или близких, или, наоборот, контрастных по семантике единиц речи, скрепленных и украшенных аллитерацией и созвучием последних слов в строках.

В эпической системе стихосложения ритмическое, семантическое, морфологическое и звуковое созвучия образуют группы из двух или более строк, выполняющих функции современных строф (которые будем называть «строфоидами», так как эти сочетания строк являются «эмбрионом», примитивным предшественником современной строфы; ср. «рифмид», «аффиксид» и т. п.), причем главным организующим началом в якутской народной поэзии является семантический параллелизм. Так, например, если взять ритмическую единицу *Былыргы дьыл мындаатыгар* 'На хребте древних лет', то по ее образцу могут быть легко созданы соответствующие параллелизмы: *Урукку дьыл уорбатыгар* 'На спине прежних лет', *Ааспыт сах таһаатыгар* 'На поверхности прошлых времен'. Сказителю, владеющему импровизаторскими навыками, необходимо лишь помнить синонимы стержневого слова (в данном случае слова *былыргы* 'древний': *урукку* 'ранний', *ааспыт* 'прошлый') и уметь их использовать. Количество ритмических рядов обычно зависит от числа синонимов и антонимов, составляющих ядро избранной синтаксической конструкции. Поэтому опытному импровизатору следует главным образом запомнить только эти синонимы и антонимы, хорошо знать тематический круг привлекаемых для повествования стержневых лексических единиц как бы «сигнализирующих» его памяти. В этом умении

<sup>8</sup> См.: «Саха фольклора». (Составитель Д. К. Сивцев). Якутск, 1970, стр. 72. И. В. Пухов также отмечает наличие довольно большого количества русских слов, вошедших «в живую ткань речевого потока олонхо». (И. В. Пухов. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962, стр. 84).

<sup>9</sup> См.: В. М. Жирмунский. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — «Вопросы языкознания», 1964, № 4.

пользоваться системными отношениями в поэтической лексике олонхо и заключается секрет «гениальной» памяти сказителей-олонхосутов, знающих «наизусть» многие десятки тысяч стихотворных строк.

Техника составления строфоидов может быть подразделена на несколько типов. Строфоид, построенный на основе синонимического ряда, называют синонимическим.

Часто строфоиды создаются путем перечисления характерных признаков, деталей данного объекта или предмета; например: *Уолар уулаах, Охтор мастаах, Ойор күннээх, Ойоболуур ыйдаах...* 'С убывающей водой, С падающими деревьями, С восходящим солнцем, С плывущей рядом луной...' Такие строфоиды могут быть названы «тематическими» или «перечислительными». Они способны образовывать весьма растянутые цепочки стихов.

Встречаются строфоиды-тирады, строящиеся в зависимости от расположения компонентов описываемого предмета или обстановки; например: *Уна дизки олорор киһи Улар саба буолан көстөр, Ханас дизки олорор киһи Хаас саба буолан көстөр, Кэтэбэриин олорор киһи Кэбэ саба буолан көстөр, Суол ааныгар олорор киһи Суор саба буолан көстөр* 'Человек, сидящий на правой половине (богатырского дома), Кажется величиною с глухаря, Человек, сидящий на левой половине, Кажется величиною с гуся, Человек, сидящий в стороне против входа, Кажется величиною с кукушку, Человек, сидящий у входа, Кажется величиною с ворона'. Подобные строфоиды складываются на основе ситуативного принципа. Они могут быть весьма развернутыми, образуя целые периоды, особенно при описании местности, пейзажа. Этот прием, выходя за рамки ритмической организации стиха олонхо, выступает важным средством поэтического описания, требующего достаточно детальной и полной характеристики обстановки, события.

Ситуативные строфоиды создаются путем контрастных противопоставлений, в которых стержневым словом являются слова-антонимы, поэтому точнее было бы назвать их «антонимичными». Строфоиды образуются предложениями, состоящими из нескольких стихов-синтагм, развернутыми сравнительными и иными оборотами, также включающими отдельные строки синтагмы.

Созвучие стихов олонхо создается на основе аллитерации и рифмидов. Аллитерация бывает горизонтальная (внутристрочная) и вертикальная (междустиховая). Она играет исключительно важную роль в звуковой организации якутского стиха. По мнению Г. М. Васильева, посвятившего изучению якутского стихосложения специальную работу: «Созвучие слов или гармония слов *дьүөрэ тыл* или *тылы дьүөрэли* — для якута равносильно понятию стихотворной или вообще художественной речи»<sup>10</sup>.

В старых записях олонхо и архаических тирадах любого героического эпоса преобладает внутристрочная аллитерация. Очевидно, это наиболее древняя разновидность. Вертикальная аллитерация охватывает две и большее количество строк, и рассматривать ее как простое созвучие согласных или гласных было бы недостаточно<sup>11</sup>. Она, как правило, представляет собою созвучие начальных слогов строк, являясь как бы начальной рифмой; например: *Кырааскалаах тумустаах, Кылдьылаах харахтаах. Кылбаа манан кынаттаах, Кырымпалыыр куоластаах Кыталыктыыр кыылларым* 'С накрашенным клювом, С обрамленными глазами, Со снежно-белыми крыльями, Со звонко-певучим голосом Стерх-птица величавая'. Первые слоги приведенных строк: *кы-, кыл-,*

<sup>10</sup> Г. М. Васильев. Указ. раб., стр. 20.

<sup>11</sup> Ср.: Г. У. Эргис. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1947, стр. 29..

*кыл-*, *кы-*, *кы-* благодаря закону гармонии гласных создают созвучие целых слов. В этом отличие вертикальной аллитерации от рифмы. Междустиховая аллитерация явно преобладает в современных текстах олонхо. Ей принадлежит ведущая роль в стихах хороводного танца *оһуокай*, так называемого *ункуу тыла* 'слово танца', представляющего особый жанр фольклорной поэзии. Вертикальной аллитерации присуща активная поэтическая функция.

В олонхо рифмиды образуются созвучием адекватных грамматических форм и служебных слов в конце строки. К ним примыкают повторы знаменательных слов замыкающих строки, также выступающие в качестве средства организации стиха и наиболее часто встречающиеся в канонических тирадах, что обнаруживает их реликтовый характер.

Олонхо представляет собой вдохновенный эпический рассказ, включающий пение и речитатив. Речитатив обычно свойствен лишь отдельным персонажам и оформляется силлабическим стихом.

В якутском фольклоре и литературе семисложная форма стиха появилась в связи с пением в ритме хороводного танца *оһуокай*. Возможно, поэтому широко распространенный тюркский, семи-, восьмисложный народный эпический стих восходит к песням, сопровождавшим обрядовые и иные танцы.

Остановимся на связи стихотворной формы олонхо с поэзией орхонских тюрков.

В последнее время художественная форма древних рунических текстов Монголии стала объектом полемики специалистов. Получило распространение мнение, что рунические тексты написаны стихами. Книга И. В. Стеблевой, посвященная стиховедческому анализу древнетюркских текстов<sup>12</sup>, вызвала серьезные возражения такого крупного ученого, как В. М. Жирмунский, по мнению которого орхонские тексты написаны прозой<sup>13</sup>. Последнего мнения придерживается А. М. Щербак<sup>14</sup>, а в свое время придерживался и Л. Н. Гумилев<sup>15</sup>.

В олонхо страна якутов предстает цветущей степью, соседствующей с контрастирующей с ней пустыней, величественной долиной, обрамленной горами и покрытой вечнозеленой растительностью, землей круглогодичного лета и тепла. Социальные отношения, описываемые в олонхо, отражают патриархально-родовой строй с заметными следами матриархата. Все это позволяет предположить, что олонхо возникло в глубокой древности, намного раньше курыканского периода развития предков якутов. На это указывают также упоминаемые в олонхо термины топонимии, ономастики, пространственной ориентации и географические. Все они требуют специального изучения. За сказочно-мифологическими мотивами в олонхо довольно четко просматриваются элементы реальной жизни. Якутский героический эпос возник в глубокой древности, задолго до орхонских надписей, относящихся к первой половине VIII века. Б. Н. Путилов совершенно справедливо пишет, что «конкретный историзм не может предшествовать архаике и классическим эпическим формам»<sup>16</sup>.

В. М. Жирмунский в сложной структуре киргизской эпопеи «Манас» различает три основных слоя. Из них «древнейший, доисториче-

<sup>12</sup> И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII ввек. М., 1965.

<sup>13</sup> См.: В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе. — В кн.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 644—680.

<sup>14</sup> См.: А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2.

<sup>15</sup> См.: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 322.

<sup>16</sup> Б. Н. Путилов. Вопросы типологии историзма эпоса на поздних этапах его развития. — В кн.: «Фольклор и историческая действительность» (Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов). Махачкала, 1976, стр. 13.

ский, восходит к архаическому типу богатырской сказки»<sup>17</sup>. «В древнейшей форме богатырской сказки, — отмечает В. М. Жирмунский, — современным отражением которой является алтайский „Алып-Манаш“, сказание это существовало в предгорьях Алтая уже в VI—VIII вв.»<sup>18</sup>. Таким образом, следует признать, что богатырский эпос возник раньше орхонских героических поэм, которым, безусловно, предшествовали традиции фольклорной поэзии, ибо каждая письменная литература восходит к устному народному творчеству.

Изучение реликтовых форм древнего героического эпоса, зафиксированных в якутском олонхо, позволяет пролить свет на форму поэзии орхонских тюрков, для которых олонхо, вероятно, представляло собой тоже архаичный тип «богатырской сказки, далекой от конкретных воспоминаний об истории народа и государства и окрашенной элементами сказочно-мифологической фантастики»<sup>19</sup>. Бесспорно и то обстоятельство, что стихотворная форма олонхо «строилась на ритмико-синтаксическом параллелизме, характерном для древнего эпического стиха тюркских народов, а не на „стопах“ новоевропейской метрики и не на „тактах“ новоевропейской музыки»<sup>20</sup>.

С точки зрения теории европейской метрики, олонхо, как и тексты орхонских надписей, нельзя признать стихотворными произведениями. Поэтому анализ художественной формы рунических текстов, выполненный И. В. Стеблевой на основе выравнивания числа слогов и ударений, оказался неудачным<sup>21</sup>.

По нашему мнению, орхонские тексты написаны в традиции древнейшего героического эпоса, на основе ритмико-синтаксического параллелизма и аллитерации. Наблюдаемая в них нерегулярность параллелизмов и аллитерации вовсе не означает отсутствия поэтической формы. Известная непоследовательность в их ритмической и звуковой организации стиха допускаясь в древнем эпосе, как это можно видеть на примере ранних записей якутского олонхо. К тому же сокращение стилистических повторов может быть вызвано необходимостью лаконичного изложения основных исторических фактов на ограниченной поверхности стелы. Задача максимального использования площади стел, вероятно, кое-где вынуждала объединять или сокращать отдельные строки произведения, что, конечно, теперь уже трудно установить. И все же, например, в 50-й строке Большой надписи памятника Кюль-Тегину можно обнаружить следы подобного сокращения:

Körür közim körmöz tæg  
Bilir biligim bilmâz tæg bolty. (ПКТ БН 50)

Здесь, несомненно, сокращен глагол, обязательный в конце строки-синтагмы. Восстановив опущенное слово, мы получим такие чеканные стихи:

Körür közim  
Körmöz teg bolty,  
Bilir biligim  
Bilmâz teg bolty.

Көрөр көһүм  
Көрбөт тэгэ буолта,  
Билэр билгэм  
Билбэт тэгэ буолта<sup>22</sup>.

<sup>17</sup> В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 90.

<sup>18</sup> Там же, стр. 218.

<sup>19</sup> Там же, стр. 680.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> См.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 680; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 145; Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 322.

<sup>22</sup> Здесь и дальше приводимые нами подстрочные переводы цитат на якутский язык имеют четкую форму эпического стиха якутского олонхо, что само по себе уже весьма показательно. Здесь и далее ПКТ БН — памятник Кюль-Тегину (Большая надпись).

'Зрячие очи мои  
Словно ослепли,  
Вещий разум мой  
Словно исчез'.

Деление И. В. Стеблевой текстов памятников на строки требует уточнений. Например, в Большой надписи в честь Кюль-Тегина шесть строк объединяются ею в четыре:

Inim Kül tigin birlä  
Aki šad birle ölü-jitü qazıantım  
Anča qazıanur  
Biriki budunıy ot-sub qılmadıım<sup>23</sup>.

Здесь, согласно закону параллелизма, вторая строка также должна заканчиваться послелогом birle 'вместе'. В этом случае текст следует записать в шесть строк:

Inim Kül tigin birle,  
Aki šad birle  
Ölü-jitü qazıantım.  
Anča qazıanur  
Biriki budunıy  
Ot-sub qılmadıım.

*Иним Күл тэгиннин биригэ,  
Икки шад тойоннуун биригэ  
Өлө-сүтэ үрүлүдүм.  
Оччо харылыяммын  
Биригэлэспит норуоттары  
Ууга-уокка укпатым.*

'С братом Кюль-Тегиним вместе,  
С двумя шадом вместе,  
Умирая-пропадая, завоевывал.  
Вот таким образом захваченные,  
Присоединенные народы  
Не предал я огню и воде'.

В целом же разбивку текстов И. В. Стеблевой на стихи следует признать весьма удачной.

Таким образом, как утверждает И. В. Стеблева, тексты орхонских памятников в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука, Бильге-кагана являются «историко-героическими поэмами», созданными в традиции древнего героического эпоса. В якутском олонхо сохранилась его наиболее архаическая форма.

Автор этих поэм Йоллыг-тегин, вероятно, был летописцем или министром Второго тюркского каганата. Об этом говорит его имя или титул *Йоллы-тегин* (по-якутски *Суоллаах тегин* или *Суолдьут тегин*), то есть «принц (или министр), оставляющий следы (или следопыт)». Несомненно, он был образованным человеком, поэтом и знатоком устной литературы своего времени.

События, описанные в двух надписях в честь Кюль-Тегина и надписи в честь Тоньюкука, Л. Н. Гумилев относит ко времени до 720 года<sup>24</sup>. При этом он утверждает, что «готовое литературное произведение — прижизненная апология — было приспособлено в качестве эпитафии»<sup>25</sup>.

Вопрос о влиянии устной эпической поэзии на орхонские надписи не вызывает сомнений, однако отличие этих надписей от эпических поэм или их сходство с последними с точки зрения ритмической и звуковой организации стиха требует специального исследования.

Сопоставляя орхонские надписи с якутским олонхо, можно отметить некоторые общие композиционные и стилистические особенности этих памятников.

Начало Большой надписи в честь Кюль-Тегина во многом напоминает зачин олонхо. Здесь, как и в олонхо, говорится о сотворении Неба

<sup>23</sup> И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 79.

<sup>24</sup> Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 330—332.

<sup>25</sup> Там же, стр. 331, 336.



и Земли, о появлении людей и о первых каганах. Конец надписи в честь Тоньюкука также напоминает описание в олонхо мирной жизни, установившейся после героических походов богатырей, несмотря на приближение падения великого государства тюркютов в 741 году в результате восстания забайкальских уйгуров, ранее покоренных ими.

В текстах надписей, как и в олонхо, значительное место занимает пространственная ориентация по странам света в описании местности и походов тюркских полководцев. При этом часто употребляются термины «восход», «заход», «полдень», «полночь», «восток», «запад», «перед», «зад», «правый», «левый» и т. д., составляющие порой целые строфы.

В тексте надписей немало выражений, оборотов, сравнений и т. д., будто непосредственно перенесенных из якутского олонхо.

Начало Малой надписи в честь Кюль-Тегина ассоциируется с прославлением почитаемых персонажей в олонхо: *Абыс халлаан абата буолбут, Тобус халлаан тойоно буолбут* 'Ставший отцом для восьми небес, Ставший владыкой девяти небес' (ср. *Täŋri täg täŋridä bolmuš* 'Ставший богоподобным, возникший из неба'). Обороты *illädü ilin, qaḡanladuq qaḡanup* (*иллээтэр илин, кабаннаатар кабанын*) 'свой союз — что надо, свой каган — что надо' характерны и для стихов олонхо (*абаалатар атам, тойонноотор тойонум* 'ты мой отец самый лучший, ты мой владыка — что надо').

Часты в текстах памятников также поэтические формулы-параллелизмы, весьма характерные для стихов олонхо и вообще для якутской фольклорной поэзии; например: *Tizligig sökügmis, bazlyууу jüküntürmis* (*сүһүөхтээфи сүһүргэстэппит, бастаабы сүгүрүппүт*) 'Имевших колени, он заставил преклонить их, имевших головы, он заставил склонить их'; *Tүgk budun үсүн түn udumadum, күntүz olurmadum* (*тюрк норютун иһин түүн утуйбатым, күнүс олорботум*) 'Ради тюркского народа и ночью бодрствовал, и днем не отдыхал' и т. д.

В героических поэмах тюрков, как и в олонхо, часто употребляются прямая речь персонажей и божеств, риторические вопросы, тропы, метафорические сравнения, постоянные эпитеты, парные слова и т. п. Развернутые характеристики боевых коней героев перекликаются с традиционным изображением коней богатырей в олонхо. В этом ярко проявляется эпическая традиция, связывающая подвиги богатырей с его конем — верным другом и помощником.

С точки зрения поэтической формы, можно провести полную аналогию между стихами орхонских памятников и якутского эпоса.

Способы создания параллелизмов в основном совпадают. Часто встречаются синонимические параллелизмы, образующие строфонды типа:

Jaryqlyy qantan kälip  
Jana ältidi  
Süñüglig qantan kälipän  
Sürä ältidi

(ПКТ БН 23)

Разве откуда-нибудь пришли в броню одетые  
И под страхом увлекли тебя с собой?  
Разве откуда-нибудь пришли копыеносцы  
И погнали тебя к себе домой?

Куйахтаах хантан кэлэн,  
Куттаан илтэ?  
Үнүүрлэх хантан кэлэн,  
Үүрэн илтэ?

Не менее часты антонимичные параллелизмы:

Uzra täŋri basmasar  
Asra jir tälinmäsar.

(ПКТ БН 22)

Если небо сверху не давило,  
И земля внизу не разверзалась.

Үөһээ танара баттаабатар  
Аллараа сир тэллибэтэр.

Нередко оба эти приема сочетаются.

Ритмико-звуковая организация стиха в орхонских текстах, как и в олонхо, создается путем повторения служебных глаголов, частиц, одних и тех же грамматических форм, причем повторяются лишь самые значимые слова. Так, например, с этой целью в надписях в честь Кюль-Тегина для создания созвучия служебные слова *йцйп* (як. *иһин*) 'ради', *егтис* (як. *эбит*) 'оказывается' *египч* (як. *буоллаба*) 'надо полагать' использованы свыше пятидесяти раз, то есть в десяти процентах общего количества строк, то же самое наблюдается и в якутском олонхо.

Таким образом, сопоставление древнетюркских героических поэм и олонхо указывает на то, что эти произведения написаны в традициях древнего героического эпоса и в основе их стихов лежит ритмико-синтаксический параллелизм. В орхонских поэмах в звуковой организации стиха главное место принадлежит повтору слов и одинаковых синтетических и аналитических грамматических форм в строках-синтагмах, аллитерации же здесь отведено довольно скромное место, тогда как в олонхо, наоборот, значительная роль принадлежит именно аллитерации. По-видимому, аллитерация возникла позднее. Возможно также, что аллитерация не связана, как это полагают, с ударением в начальном слове слова, якобы характерным для древнейшего периода развития тюркских языков, а скорее является следствием развития ритмико-синтаксического параллелизма как основы стихотворной формы древней фольклорной поэзии.

Орхонские надписи «отразили существование единой литературной традиции, имеющей закономерную эволюцию и характеризующейся наличием собственного художественного стиля»<sup>26</sup>. Однако происхождение, истоки этой традиции, по мнению И. В. Стеблевой, неизвестны<sup>27</sup>. Теперь, сопоставляя художественные особенности олонхо и орхонских поэм, можно утверждать, что письменная литература древних тюрков, особенно орхонская, создавалась в традициях фольклорной поэзии, героического эпоса тюрков того времени. При этом, исходя из лексики и географии олонхо, правомерно предположить, что хуннская традиция, прерванная в Средней Азии<sup>28</sup> и не отраженная в исторических памятниках, сохранилась в фольклоре в виде богатырских сказок, эпических произведений о героическом прошлом и нашла выражение в художественной форме историко-героических поэм орхонских тюрков.

<sup>26</sup> См.: И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 49.

<sup>27</sup> Там же. В новой работе автора этот вопрос также не получил конкретного ответа (См.: И. В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976).

<sup>28</sup> См.: Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 340.

## СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. МАМАЖАНОВ

### О ПЕРИОДАХ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Определением понятия периода как языковой категории занимались ученые разных эпох, начиная с античности. Так, еще Аристотель писал: «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец... Такой стиль приятен и понятен»<sup>1</sup>.

В русском языке на периоды впервые обратил внимание М. В. Ломоносов<sup>2</sup>, писавший о них как о синтаксических явлениях. В дальнейшем в русском языкознании о периодах высказывались различные точки зрения. Одни ученые считали периоды стилистическим явлением (И. Рижский, А. Могилевский, П. Смирновский и др.)<sup>3</sup>, другие (И. Давыдов, П. Перевлесский) — логической категорией<sup>4</sup>, третьи (А. Х. Востоков, К. Говоров, П. А. Виноградов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, И. П. Лысков и др.) — собственно грамматическим явлением<sup>5</sup>.

Единого мнения о природе периода нет и в настоящее время. С. Г. Бархударов, А. Н. Гвоздев определяют период как вид сложного предложения, состоящего из двух частей, объединенных общей интонацией и семантикой<sup>6</sup>.

А. Б. Шапиро, А. И. Ефимов, А. А. Реформатский, И. Г. Череди́ченко и другие склонны считать период особой разновидностью простого или сложного предложения, составленного по определенной «модели»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> «Античные теории языка и стиля». М.—Л., 1936, стр. 183.

<sup>2</sup> М. В. Ломоносов. Риторика, 1748, §§ 33, 34; «Сочинения М. В. Ломоносова», 1895, т. 3, §§ 40—43, стр. 105—111.

<sup>3</sup> И. Рижский. Опыт риторики. М., 1809; А. Могилевский. Российская риторика, основанная на правилах древнейших и новейших авторов. Харьков, 1817, стр. 63—64; П. Смирновский. Теория словесности. М., 1917, стр. 37—45.

<sup>4</sup> И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1853, стр. 369; П. Перевлесский. Начертание русского синтаксиса. М., 1847.

<sup>5</sup> А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1859; К. Говоров. Несколько слов о периоде, составляющем один из разделов грамматики. — В журн. «Филологические записки», 1864, вып. 5. Воронеж, стр. 148; П. А. Виноградов. Об эвритмическом, логическом, грамматическом изучении периодов от Аристотеля до ныне. — В журн. «Филологические записки», 1903, вып. 5. Воронеж, стр. 1—100; Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1902, стр. 229—230; 2-е изд. СПб., 1912, стр. 303; И. П. Лысков. Теория словесности в связи с данными языкознания и психологии. М., 1914, стр. 331.

<sup>6</sup> С. Г. Бархударов. Грамматические очерки. — В журн. «Литературная учеба», 1935, № 5, стр. 109—123; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.

<sup>7</sup> А. Б. Шапиро. О периодической форме речи. — В журн. «Русский язык в школе», 1951, № 1, стр. 21—32; А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1957, стр. 438—445; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955; И. Г. Череди́ченко. Период як синтаксична конструкція в сучасній українській мові. — В журн. «Українська мова в школі», 1957, № 2, стр. 17.

Появились также работы, в которых период рассматривается «как синтаксическо-стилистическая категория»<sup>8</sup>.

Отдельные суждения о периодах встречаются в исследованиях татарских языковедов Ш. Иманаева, М. Курбангалиева, Х. Бадига, Ш. Рамазанова, В. Хангильдина, М. З. Закиева и др.<sup>9</sup>

По мнению Г. Ибрагимова, периоды отличаются от сложных предложений большей развернутостью как структурной, так и семантической<sup>10</sup>.

В узбекском языкознании периоды впервые упоминаются в «Программе узбекского языка» для педучилищ (Ташкент, 1938) под термином *тизма* (букв. «цепочка»). Позднее А. Магруфов в своей кандидатской диссертации указал на наличие в узбекском языке «временных периодов» как разновидности сложных предложений с несколькими придаточными предложениями времени<sup>11</sup>.

Ф. Камалов, говоря о периодах, вводит термин *давр* (калька термина «период»), относя к ним конструкции, состоящие из простых пространственных или сложных предложений с несколькими придаточными<sup>12</sup>.

В академическом издании «Современный узбекский литературный язык» под редакцией Г. Абдурахманова (Ташкент, 1966) термином «период» (без перевода на узбекский язык) определяются сложные предложения, включающие более двух предикативных единиц<sup>13</sup>.

М. А. Аскарлова именует синтаксические конструкции, состоящие более чем из двух предикативных единиц, сложными предложениями осложненного типа<sup>14</sup>.

Наряду с традиционным пониманием периода в языкознании наметилась тенденция нового осмысления этого термина. Н. С. Поспелов и М. В. Андреевская считают период «сложным синтаксическим целым», или «крупнейшим синтаксическим целым». Аналогичного мнения придерживается В. Г. Адмони<sup>15</sup>. У некоторых исследователей (А. Н. Кононов, А. Г. Азизова и др.) термины «период» и «сложноподчиненное предложение с условным придаточным» выступают как синонимы<sup>16</sup>.

В целом в определении периодов в русском языкознании и в тюркологии прослеживаются два направления: ряд языковедов (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, И. П. Лысков, П. Смирновский, Г. Алпаров,

<sup>8</sup> А. А. Акишина. Период как синтаксическо-стилистическая категория современного русского языка. Львов, 1958; А. Н. Карпов. Периоды с одним структурно-организующим центром и периоды с паратаксической связью в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Минск, 1967.

<sup>9</sup> Ш. Иманаев. Татар теленен наху ва сарифы. Казан, 1910; М. Курбангалиев ва Х. Бадига. Ана теле нахуе. Казан, 1919; Ш. Рамазанов. Татар теле буенча очерклар. Казан, 1954; В. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 426—443.

<sup>10</sup> Г. Ибрагимов. Шакли нигезде татар грамматикасы. Казан, 1916.

<sup>11</sup> А. Магруфов. Ҳозирги замон ўзбек тилида пайт эргаш гаплар. Канд. дисс. Тошкент, 1949, стр. 83—109.

<sup>12</sup> Ф. Камол. Қўшма гапларга доир масалалар. Тошкент, 1955, стр. 60.

<sup>13</sup> «Ҳозирги ўзбек алабий тили», II қисм. Синтаксис. Тошкент, 1966, стр. 482.

<sup>14</sup> М. А. Аскарлова. Способы подчинения и типы придаточных предложений в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1963, стр. 115.

<sup>15</sup> Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. — «Доклады и сообщения института русского языка», вып. 2. М.—Л., 1948; М. В. Андреевская. Вопросы синтаксиса немецкого языка. М., 1950, стр. 143—148; В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 223—225.

<sup>16</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 326; А. Г. Азизова. Условный период в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1952.

Ш. А. Рамазанов, С. Г. Бархударов, А. Н. Гвоздев, Г. А. Абдурахманов и др.) называет периодом сложное сочетание, состоящее из нескольких предложений (членов), которые в свою очередь могут распадаться на части, а другие (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, П. А. Архангельский, А. Б. Шапино, А. И. Ефимов, И. Г. Чередниченко, М. З. Закиев, Г. Г. Саидбатталов и др.) считают, что период может выступать как в форме простого, так и сложного предложения. Широкое распространение получило также представление о периоде как о многочленном предложении.

Лингвисты второго направления за основу определения берут интонационное членение и в соответствии с этим принципом относят к периодам предложения, содержащие однородные члены, причастные и деепричастные обороты, а также конструкции с несколькими сложными предложениями.

Известно, что каждое предложение характеризуют его строй, структура и смысл. Эти показатели имеют количественный и качественный характер. Так, наличие более двух предикативных единиц в составе сложного предложения приводит к образованию осложненной модели синтаксической конструкции<sup>17</sup> интонационно завершенной и выражающей более сложную и полную мысль. Следовательно, с увеличением количества простых предложений в периоде изменяется их качество, осложняется грамматическая структура. Подобная синтаксическая конструкция по своим характерным признакам отличается и от простых, и от сложных предложений. В узбекском языке именно такие типы синтаксических конструкций определяются термином «период».

С точки зрения интонации, логических взаимоотношений между компонентами, способа соединения простых предложений — сложные синтаксические конструкции в форме периода образуют синтаксическое единство. Критериями для выделения периода являются наличие в нем более двух предикативных единиц и их смысловая и интонационная целостность. На основе этого можно определить период как сложную конструкцию, состоящую более чем из двух предикативных единиц, семантически и интонационно завершенных и составляющих одно синтаксическое целое.

От других структурных типов предложения периоды отличаются полнотой выражения мысли, музыкально-мелодической целостностью, своеобразием изложения темы<sup>18</sup>.

В зависимости от количества синтаксических единиц, периоды состоят из двух, трех и более частей. Отдельные части периода могут быть выражены простыми, бессоюзными сложными, сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Каждая предикативная единица в периоде является членом периода. Периоды по своему содержанию и структуре бывают двух видов: простые и осложненные.

Если периоды состоят из одинаковых предложений (например, сложносочиненные или бессоюзные сложные предложения, включают несколько простых предложений), то они считаются простыми периодами. Если синтаксическое единство состоит из разнотипных предложений (например, соединение бессоюзных сложных и сложноподчиненных предложений), то оно считается осложненным периодом.

<sup>17</sup> О синтаксических конструкциях в русском языке, состоящих из трех предикативных единиц, см.: И. А. Василенко. Сложные предложения в современном русском литературном языке. Докт. дисс. М., 1958.

<sup>18</sup> Б. А. Архангельский. К изучению периодической речи. — В журн. «Русский язык в школе», 1950, № 3, стр. 36.

Наиболее продуктивным типом периодов в современной письменной речи является осложненный. Он употребляется в тех случаях, когда необходимо выразить в адекватной и цельной форме развернутую мысль, состоящую из той или иной комбинации частей сложного целого.

Осложненные типы периодов, несмотря на наличие нескольких простых предложений в их составе, делятся на две, а иногда и более частей. Во второй части их выражаются доказательства, объяснение или следствие сказанного в первой части. Деление периода на две части происходит по смысловому и интонационному признаку (интонация, как известно, является одним из средств выражения грамматических значений).

Периоды, составляя одно синтаксическое целое, характеризуются также интонационной законченностью. Интонация выражается в повышении и понижении голоса, в ускоренности или замедленности темпа речи, в характере паузы. В периоде пауза более продолжительна, нежели в сложном предложении. Некоторые исследователи, имея в виду эту особенность периодов, отличают их доходчивость, эмоциональное воздействие, образность<sup>19</sup>.

Интонационная связь между частями периода носит различный характер. Если вторая часть периода представляет собой повествовательное предложение, то первая читается с повышением тона, а вторая — с понижением.

Если вторая часть периода состоит из вопросительных предложений, интонация повышается во второй части. Заключительный компонент произносится с более повышенной интонацией, чем предыдущие компоненты, например:

Kijintirsam seni bahorga,  
Julduzlarni õrasam qõrga,  
Olib kelib oldingga qõjsam,  
Ham julduzni, ham seni sujsam?  
(Н. Олимзон. «Savol»)

‘Если я разодену тебя, смуглую, в платье весны,  
Если звезды, окутав снежком, с темной сниму вышины,  
И тебе по одной поднесу, чтоб, забавы любя,  
Улыбалась тем звездам, а я — звезды любил и тебя?’  
(Х. Алимджан. «Вопрос»)

Типы периодов с повышенной интонацией более свойственны языку поэтических произведений.

В осложненных периодах интонация еще более усложняется. Число понижений и повышений ее равно числу частей периода:

Kõkda parvoz etsa loçin, jerga kirgaj zoylar, //  
Kişnagan ot õtsa dõldan, qõzyolur tuproylar, //  
Qonga tõlgaj, žangga botir kirsa, sõlu soylar.  
(Н. Олимзон. «Jigit»)

‘Когда орел взмывает к тучам, вороны прочь летят, //  
Когда скакун бежит по кручам, ущелья вслед гремят, //  
Когда джигиты, ставши в стремя, вперед коней стремят’.  
(Х. Алимджан. «Джигит»)

Приведенная синтаксическая конструкция состоит из трех частей<sup>20</sup>, каждая из которых является сложным предложением, содержащим главное и придаточное предложения. Интонация повышается в придаточ-

<sup>19</sup> М. В. Зарва. Индивидуализация речи выступающего у микрофона. — В сб.: «Вопросы стилистики». М., 1966, стр. 237.

<sup>20</sup> Знаком // обозначены границы между частями периода.

ном, а понижается в главном предложении. Такое изменение интонации происходит одинаково в обеих частях периода. Как видно, интонационные особенности периода определяются видом и типом предложений, составляющих его отдельные части.

Семантически часть периода, произносимая с пониженной интонацией, подытоживает мысль, высказанную в части с повышенной интонацией. С. Г. Бархударов замечает, что первая часть подобного периода является в нем логическим подлежащим, а вторая — логическим сказуемым<sup>21</sup>.

Периоды характерны не только для поэзии, но и для прозы. Периодическая форма речи часто встречается, например, в прозаических произведениях А. Каххара, Айбека и в драматических произведениях К. Яшена.

В грамматическом плане периоды представляют собой синтаксические единства со сложной структурой. В литературе периоды выполняют различные стилистические функции: эмоциональные, образительные, экспрессивные, юмористические, сатирические и лирические<sup>22</sup>.

В синтаксическом строе разных языков могут быть выделены характерные для них типы периодов<sup>23</sup>. В узбекском языке, например, по семантико-грамматическим особенностям различаются три следующих основных типа периодов:

1. **Периоды с паратаксической связью.** Периоды этого типа состоят из равноправных частей, между которыми существует сочинительная связь.

2. **Периоды с гипотаксической связью.** Одна из частей периода этого типа подчинена другой и связана с ней посредством интонации, подчинительных союзов и союзных слов. Между частями периодов такого типа существует подчинительная связь.

3. **Периоды с паратаксико-гипотаксической связью** (смешанный тип).

Наличие в узбекском языке развитой системы осложненных синтетических структур позволяет заключить, что все указанные типы периодов являются в его синтаксисе органическими и закономерным результатом развития строя коммуникативной единицы языка — предложения.

Таким образом, с точки зрения грамматической, периоды — это сложные синтаксические конструкции, образованные из сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений. С точки зрения семантической, периоды — это конструкции, наиболее полно выражающие мысль. С точки зрения структуры, периоды имеют следующие признаки: наличие не менее двух предикативных единиц, а также двух и более частей; причем части периода состоят из однородных или неоднородных предикативных единиц, отличающихся характерной интонацией. Эти части могут быть связаны между собой тремя способами:

- а) сочинительной (паратаксической) связью;
- б) подчинительной (гипотаксической) связью;
- в) смешанной (паратаксико-гипотаксической) связью.

Между частями периода существуют временные, сопоставительные и пояснительные отношения. Периоды характерны для письменной и устной речи.

<sup>21</sup> С. Г. Бархударов. Грамматические очерки, стр. 109.

<sup>22</sup> А. И. Ефимов. Указ. раб., стр. 444; А. А. Акишина. Указ. раб., стр. 25; А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка. М., 1968, стр. 307.

<sup>23</sup> П. Смирновский. Теория словесности. М.—Пг., 1914, стр. 44.

М. Ф. ЧЕРНОВ

## ТИПЫ СВОБОДНЫХ И НЕСВОБОДНЫХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ (С ГЛАГОЛОМ *tux*) В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование семантической структуры слов и определение на этой основе типов их сочетаемости и сочетаний — актуальная проблема современной лингвистики, что подтверждается появлением большого числа работ, посвященных этим вопросам<sup>1</sup>.

Известно, что сочетаемость каждой конкретной лексемы обуславливается ее принадлежностью к определенному лексико-грамматическому разряду слов (категориальное значение) и ее индивидуальной семантикой (лексическое значение). Соответственно различаются два вида сочетаемости слов: лексико-грамматическая (синтаксическая) и лексическая. Синтаксическая и лексическая сочетаемости, несмотря на качественные различия, взаимосвязаны и взаимообусловлены<sup>2</sup>. При характеристике синтагматических (или сочетаемых) свойств слова одинаково важно установить, с какими словоформами и с какими лексическими единицами оно сочетается. При всей самостоятельности синтаксической сочетаемости, целиком определяемой языковыми факторами, она, по существу, оказывается зависимой от лексических значений сочетающихся слов. Иначе говоря, сами категориальные свойства слова в конечном счете определяются его содержательной структурой. Поэтому при описании синтаксической сочетаемости той или иной лексемы

<sup>1</sup> В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 3—29; А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 200—228; *ее же*. Лексика. — «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 394—451; Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 156—190; Н. Д. Арутюнова. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. — «Филологические науки», М., 1962, № 2, стр. 31—40; *ее же*. Синтаксис. — «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 259—302; Н. З. Котелова. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975; *ее же*. Лексическая сочетаемость слова в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1977; *ее же*. Лексическая сочетаемость слова в словаре. — В кн.: «Современная русская лексикография. 1976». Л., 1977, стр. 36—53; М. Д. Степанова. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). М., 1973; *ее же*. Проблемы теории валентности в современной лингвистике. — «Иностранные языки в школе», 1973, № 4, стр. 12—22; Н. И. Филичева. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов. — «Вопросы языкознания», 1967, № 2, стр. 118—125; *ее же*. Синтаксическая аттракция в немецком языке. — «Вестник Московского университета. Филология», 1977, № 1, стр. 47—56; Л. Ю. Тугушева. О «связанных» конструкциях в тюркских языках (на материале татарского и казахского языков). — В кн.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 108—111; *ее же*. О лексико-семантических субстантивно-атрибутивных словосочетаниях в тюркских языках. — В кн.: «Turgologika». К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, стр. 173—181.

<sup>2</sup> Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 160.



необходимо учитывать ее значение или систему значений. Н. З. Котелова отмечает, что «дивергенция, расхождение синтаксических сочетаемостных свойств слова в разных значениях обуславливает необходимость рассматривать сочетаемость слов в каждом его значении отдельно»<sup>3</sup>. Кроме того, нельзя упускать из виду тот факт, что сочетаемостные способности слова нередко предопределяются не «системной организацией языка», а установившимися нормами в нем.

Выявление лексической сочетаемости слова предполагает определение условий реализации его значений, а именно — круга слов, с которыми оно может сочетаться в связной речи в каждом конкретном значении. Именно с этих позиций была предпринята нами попытка выявить синтагматические свойства глагольной леммы *tux* 'выходить, выезжать' и, опираясь на них, определить ее семантическую структуру<sup>4</sup>.

Цель настоящей статьи — классифицировать сочетания слов с глагольной леммой *tux* 'выходить, выезжать' при учете системы ее значений (лексико-семантических вариантов).

Чувашский глагол *tux* характеризуется исключительным богатством значений. Наблюдения над его сочетаемостными свойствами показывают, что их разнообразное проявление непосредственно связано с характером выражаемых (реализуемых) глаголом значений.

Целый ряд значений *tux* не ограничивает его сочетаемости с другими словами. Так, например, данный глагол в значении «уходить, оставлять пределы чего-либо» сочетается с широким кругом конкретных и отвлеченных имен существительных, имеющих пространственное значение: *armandan tux* 'выйти из мельницы', *văgmandan tux* 'выйти из лесу', *polkran tux* 'выйти из полка', *ungăran tux* 'выйти из окружения' и т. п.

Способность *tux* связываться с другими словами на основе семантической совместности и соответствия нормам словоупотребления называется его свободной сочетаемостью<sup>5</sup>. Значения глагола *tux*, обуславливающие его свободную сочетаемость, можно назвать свободными. Особенность этих свободных, несвязанных, значений *tux* состоит в том, что их функционирование не связано и не ограничено рамками узально фиксированных сочетаний слов. Глагол *tux* в своих свободных значениях, сочетаясь с другими словами, употребляющимися также со свободным, несвязанным, значением, образует свободные сочетания.

В чувашском языке значения *tux*, образующие свободные сочетания слов, большей частью реализуются в моделях смысловых связей «**субъект** — **действие** (предикативные отношения)» и «**атрибут** — **субъект или объект** (атрибутивные отношения)». К ним, в частности, относятся следующие его лексико-семантические варианты:

1) «показаться над поверхностью почвы, прорасти»: *uľăxa ěeěek tapşa tuxnă* 'луга покрылись цветами' (букв. 'на лугу, пробиваясь, вышел цветок'), *xupavzem tuxnă* 'побеги взошли' (букв. 'побеги вышли'), *tuxtap ěeěeksem* 'не взошедшие цветы' (букв. 'не вышедшие цветы');

2) «появиться, подняться над горизонтом»: *xêvel tuxgê* 'солнце взошло' (букв. 'солнце вышло'), *uľăx tuxnă* 'луна взошла' (букв. 'луна вышла');

<sup>3</sup> Н. З. Котелова. Значение слова и его сочетаемость, стр. 81.

<sup>4</sup> См.: М. Ф. Чернов. К характеристике семантической структуры глагола *tux* в чувашском языке. — «Труды Чувашского НИИ», вып. 67. Чебоксары, 1976, стр. 43—73.

<sup>5</sup> В. Н. Телия. Фразеология. — «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 486.

3) «начинаться, иметь начало, проявляться в действиях»: *šil tuxat'* 'ветер поднимается' (букв. 'ветер выходит'), *šupăg tuxpă* 'дождь начался' (букв. 'дождь вышел'), *rižar tuxpă* 'пожар начался' (букв. 'пожар вышел').

Значения *tux*, на основе которых возникают свободные сочетания слов, могут проявляться в модели «объект (косвенный) — действие (tux)», выражающие обстоятельственные отношения. К таким значениям, например, относятся:

4) «прекратить пребывание где-либо, покинуть что-либо»: *bol'nišă-gan tux* 'выписаться из больницы' (букв. 'выйти из больницы'), *kursgan vēgenze tux* 'окончить курсы' (букв. 'из курса, обучаясь, выйти');

5) «оставить какое-либо занятие, службу, перестать заниматься чем-либо»: *kędüşren tux* 'оставить работу пастуха' (букв. 'выйти из пастуха'), *predsedatel'ten tux* 'уйти с поста председателя' (букв. 'выйти из председателя').

Ряд свободных значений *tux*, обуславливающих возникновение свободных сочетаний, позволяет уточнить характер протекания действий, выраженных деепричастиями на *-sa (-se)*<sup>6</sup>. Так, например, *tux*, употребляясь с деепричастиями, уточняет характер проявления действия, указывая на полный охват объекта этого действия: *listovkăna v ulaza tux* 'прочитать листовку' (букв. 'листовку читая выйти'), *vēgenpě materiala păxsa tux* 'просмотреть пройденный материал' (букв. 'пройденный материал просматривая выйти').

Характерной особенностью значения *tux* в приведенных примерах является его несамостоятельность, оно не может проявиться вне связи с деепричастиями. С этой точки зрения, отнесение *tux* и подобных ему глаголов, модифицирующих или дополняющих значения других глагольных действий, к вспомогательным глаголам или служебным словам представляется вполне правомочным<sup>7</sup>.

В настоящей статье представлена лишь небольшая часть свободных сочетаний, образованных реализацией несвязанных значений глагола *tux*<sup>8</sup>. Но и этот материал позволяет сделать определенные выводы.

Свободные сочетания образуются в процессе общения в соответствии с правилами интеграции лексем как значимых единиц, существующими в языке в виде структурно-семантических (синтаксических) моделей<sup>9</sup> или моделей лексической сочетаемости. Это как раз те сочетания, которые, по словам Ш. Балли, «могут быть временными, нестойкими, распадающимися на составные части сразу после того, как они были образованы», и составляющие их «слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации»<sup>10</sup>.

Если рассматривать приведенные сочетания слов с точки зрения семантики, то можно видеть, что каждое из них представляет собой та-

<sup>6</sup> Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. Симбирск, 1923, стр. 50, 92—94; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 81—83.

<sup>7</sup> Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 145—201; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 263—268.

<sup>8</sup> Подробнее об этом см.: М. Ф. Чернов. К вопросу о классификации сочетаний слов (с глаголом *tux*) в чувашском языке. — «Труды Чувашского НИИ. Вопросы истории и грамматики чувашского языка», вып. 74. Чебоксары, 1977, стр. 16—41.

<sup>9</sup> Синтаксическая модель понимается автором как лексико-грамматический образец со свойственным ему типовым значением, на основе которого в результате семантического и синтаксического распространения грамматически господствующего слова создаются свободные сочетания слов (словосочетания).

<sup>10</sup> Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 88—89.

кое соединение, между компонентами которого существует четкое распределение семантических функций: один из компонентов (глагол *tux*) — семантически реализуемое слово, а другой — ключевое, или указательное. Иначе говоря, каждое выделенное сочетание является семантическим контекстом<sup>11</sup>. Так, например, в качестве указательных слов, реализующих у глагольной лексемы *tux* лексико-семантический вариант «показаться над поверхностью почвы, прорасти» (см. выше), выступают имена существительные, являющиеся названиями объектов растительного мира, а указательный минимум, вычленивающий у данного глагола значение «появиться, подняться над горизонтом» (см. там же), состоит из имен существительных, обозначающих небесные тела.

Таким образом, в семантическом плане свободное сочетание — это лексико-семантическое единство, членимое на отдельные, порознь осознаваемые семемы (семантические единицы), каждая из которых выражена отдельной лексемой. Семантическая членимость — одна из важнейших особенностей свободных сочетаний слов.

Анализ характера семантики глагола *tux* позволяет произвести классификацию внутри свободных сочетаний с этим компонентом. В одних из рассмотренных сочетаний этот глагол — знаменательное (полнозначное) слово, в других — он выполняет служебную роль. В зависимости от этого свободные сочетания с компонентом *tux* можно подразделить на два вида:

- 1) свободные сочетания, представляющие собой соединения знаменательных слов;
- 2) свободные сочетания, представляющие собой соединения знаменательных слов со служебным словом.

По-видимому, ко второму типу примыкают сочетания с *tux* в значении «стать, сделаться кем-нибудь». В данном случае рассматриваемый глагол характеризуется недостаточностью своей семантики: *gegoja tux* 'стать героем' (букв. 'выйти в герои'), *tuxtära tux* 'стать доктором' (букв. 'выйти в докторá').

Свободные сочетания первого вида (к ним относятся сочетания, приведенные в пп. 1—5) образованы путем соединения слов на основе подчинительной грамматической связи и смысловых отношений, предопределяемых этой связью. Словесные соединения этого типа называются словосочетаниями<sup>12</sup>.

В свободных сочетаниях второго типа (*vulaza tux* 'прочитать', *rähsa tux* 'просмотреть', *inžepaga tux* 'стать инженером' и т. п.) глагол *tux*, сочетаясь с полнозначными словами (в нашем случае с деепричастиями на *-sa* (*-se*)), в силу неполнозначности или неполноты своей семантики, не может породить отношения грамматической зависимости, возникающие между знаменательными словами. Поэтому сочетания слов рассматриваемой разновидности, как и все другие соединения знаменательных слов со служебными, функционируют в речи как отдельные компоненты словосочетаний, в которых глагол *tux* выполняет следующие две функции: 1) детерминирует действие, выраженное деепричастием и 2) служит

<sup>11</sup> Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1968, стр. 28; А. А. Уфимцева. Лексика, стр. 430—431.

<sup>12</sup> «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 536; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 342; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 59; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971, стр. 79—81; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 100.

средством связи деепричастия с другим компонентом словосочетания. А. А. Юлдашев сочетания слов второго вида называет аналитическими формами, относя к ним и сочетания деепричастий на *-sa (-se)* с глаголом *tux* чувашского языка<sup>13</sup>.

Свободное сочетание слов с глагольным компонентом *tux*, как и любое свободное словесное соединение, представляет собой единство общего (структурно-семантической модели) и частного (конкретного лексического состава), то есть явление, относящееся к системной организации языка. Например, сочетания *иççитĕле tux* 'стать учителем', *иççопăја tux* 'стать ученым', *агропота tux* 'стать агрономом'. Каждое из этих сочетаний по своей семантике является конкретным фактом реализации обобщенного значения, выраженного моделью «имя существительное (название должности, звания, профессии и т. п.) в форме дательного падежа + глагол *tux* (в названном значении)». Эта модель является формой выражения существующего в языке правила соединения глагола *tux* с другими словами в значении «стать, сделаться (кем-либо)». Этот образец, по-видимому, следует называть моделью лексической сочетаемости *tux* в его данном конкретном значении. Характерной особенностью этой модели является то, что между ее компонентами (в силу недостаточности семантики *tux*) отсутствуют отношения грамматической зависимости, то есть синтаксические.

Разумеется, в языке имеются лексической сочетаемости глагола *tux* и в том случае, когда последний функционирует как полнозначное слово. Однако сочетания слов, образуемые реализацией свободных значений *tux* в качестве знаменательного члена, выступают в виде конкретных случаев проявления значения структурно-семантической модели, между составляющими которых существуют синтаксические отношения, то есть отношения грамматической зависимости. Поэтому данную разновидность структурно-семантической модели в языкознании иначе называют синтаксической моделью. Синтаксическая модель, обладая, в отличие от лексической сочетаемости, обобщенным синтаксическим значением, характеризуется высокой степенью абстрагированности, в силу чего выражаемое ею значение правильнее назвать типовым. Так, сочетания слов, выделенные в пунктах 4 и 5, являются фактами проявления типового значения структурно-семантической модели «имя существительное в форме исходного падежа единственного числа (косвенный объект) + глагол», выражающей различные обстоятельственные значения.

Типовое значение, присущее синтаксическим моделям, дает возможность в ходе общения по заданию высказывания создавать фактически незамкнутый ряд словосочетаний, соответствующих по содержанию типовому значению модели.

Таким образом, свободные сочетания с компонентом *tux* представляют собой структурные единицы, строения которых соответствуют закономерностям (правилам) соединения слов, реализующимся в языке в виде моделей или синтаксической сочетаемости, иначе говоря, они являются лексически моделированными образованиями.

Однако в чувашском языке, как и во всех других языках, получили распространение структурные единицы, являющиеся отступлениями

<sup>13</sup> А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках, стр. 81—83.

от действующих в языке правил образования единиц того или иного уровня<sup>14</sup>.

Отступления от правил образования значимых единиц языка бывают различными: морфологическими, морфонологическими, лексическими, семантическими и т. п.<sup>15</sup>

Нас интересуют отступления от системности лексико-семантического характера в семантике глагола *tux*.

Ряд значений (лексико-семантических вариантов), выражаемых данным глаголом, не может быть интерпретирован в терминах системности. Внесистемность таких значений состоит в том, что возможности их повторяемости немотивированно ограничены<sup>16</sup>: они функционируют либо в единственном сочетании, либо в фиксированной группе сочетаний слов. Так, например, лексико-семантический вариант «стать женой кого-либо» *tux* реализует только в сочетании с именем существительным *kačšā*: 1) «юноша, парень, молодой человек»; 2) «жених» в форме дательного-винительного падежа единственного числа: *kačša tux* «выходить замуж» (сочетания \**jëgëde tux*, \**šapgäga tux* невозможны). Лексико-семантический вариант «перестать пользоваться чем-либо», присущий глаголу *tux*, свободно не сочетается со всеми понятиями, отображающими положительные качества человека. Можно говорить: *xizerpen tux* «потерять уважение» (*букв.* «выйти из уважения»), *čyrgan tux* «потерять уважение» (*букв.* «выйти из уважения, почета»), *edem čyž ëp čep tux* «лишиться человеческой чести» (*букв.* «выйти из человеческой чести»), *šynläxgan tux* «потерять человеческий образ» (*букв.* «выйти из человечности»), *edemgen tux* «потерять человеческий облик» (*букв.* «выйти из человека»). Но нельзя говорить: \**čarpan tux* (*букв.* «выйти из славы»), \**tuxtavgan tux* (*букв.* «выйти из славы»), \**šyrgan tux* (*букв.* «выйти из человека»).

Строго фиксированность состава распространителей *tux* в приведенных сочетаниях не обуславливается ни значениями этого глагола (так, например, значение «пользоваться чем-либо», свойственное *tux*, не мешает быть в составе указательных слов лексемам *čar* «слава», *tuxtav* «слава», *šyn* «человек»), ни внеязыковыми факторами, а определяется традиционно установившимися в языке условиями употребления отдельных его значений.

«...Большая часть слов и значений слов, — подчеркивает В. В. Виноградов, — ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы... При этом для такого ограничения как будто бы нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных обозначений»<sup>17</sup>.

<sup>14</sup> Н. Д. Андреев. Квазилингвистика Хомского. — «Вопросы языкознания», 1975, № 5, стр. 58; В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, стр. 50—52; Р. И. Павленис. Философия языка: проблема смысла. — «Вопросы философии», 1976, № 3, стр. 108—111; В. Н. Телия. Указ. раб., стр. 470; Н. А. Янко-Триницкая. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVIII, вып. 5, 1969, стр. 429—436.

<sup>15</sup> Н. А. Янко-Триницкая. Указ. раб., стр. 433—436; М. Ф. Чернов. К вопросу о дифференциальных признаках фразеологической единицы. — «Труды Чувашского НИИ. Чувашский язык и литература», вып. 53. Чебоксары, 1975, стр. 30—34.

<sup>16</sup> «... Любое явление входит в систему только в том случае, — подчеркивает Н. А. Янко-Триницкая, — если оно закономерно повторяется» (см.: Н. А. Янко-Триницкая. К системности словообразования. — «Филологические науки», 1975, № 5, стр. 44).

<sup>17</sup> В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: «Академик А. А. Шахматов». М.—Л., 1947, стр. 380.

Следовательно, лексико-семантические варианты «стать женой кого-либо» и «пользоваться чем-либо», обозначаемые глагольной лексемой *tux*, существуют в языке как отступления от системности семантического порядка, ибо возможности их сочетаемости с другими значениями узуально (немотивированно!) ограничены.

Способность слова сочетаться с узуально ограниченным составом слов, не обусловленная ни его значениями, ни внеязыковым фактором, называется «несвободной сочетаемостью»<sup>18</sup>. Значения слова, реализующиеся лишь в сочетании со строго определенными словами, называются «несвободными, фразеологически связанными, значениями»<sup>19</sup>. Связанность значения слова, его замкнутость «в строго определенные фразеологические контексты» — это прежде всего следствие того, что данное значение представляет собой факт отклонения от системности, иначе говоря, фразеологическая связанность слова — это проявление несистемности на уровне сочетания лексем. Связанность несвободного значения слова с определенным контекстом в значительной степени усиливается тем, что оно «лишено глубокого и устойчивого понятийного центра» и «общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении»<sup>20</sup>.

Сочетания слов, образуемые реализацией фразеологически связанных значений, принято называть фразеологическими сочетаниями. Так, например, к ним относятся уже приведенные примеры: *каӗӗа тух* 'выйти замуж', *хӗзерген тух* 'потерять уважение', *ӗупӗӗхӗран тух* 'потерять человеческий образ' и др.

Фразеологические сочетания как один из видов несвободных сочетаний отличаются от свободных сочетаний тем, что представляют собой структурные единицы языка, строение которых не соответствует правилам интеграции лексических единиц, существующим в языке в виде структурно-семантических моделей сочетаний слов, иначе говоря, фразеологические сочетания являются образованиями (единичными или ограниченно серийными) немоделированными. Данное качество несвободных сочетаний рассматриваемого вида обусловлено наличием в них компонента с внесистемным значением. Выход за пределы системы семантики одного из компонентов сочетания, как правило, сопровождается тем, что это сочетание отклоняется от системных отношений. Так, например, во фразеологическом сочетании *ӗӗлдан тух* 'выйти из возраста; выйти из лет' (букв. 'выйти из возраста') наблюдаются два случая отступления от системности: 1) немотивированная ограниченность сочетаемости *tux* и 2) отсутствие в языке модели смысловой связи, которой соответствовало по своей семантике *ӗӗлдан тух*.

Таким образом, фразеологические сочетания, образуемые реализацией связанных значений глагольной лексики *tux*, существуют в языке в виде отступления от правил соединений лексем как значимых единиц языка. С этим связано то, что они функционируют в речи в качестве готовых целостных единиц. Воспроизводимость фразеологических сочетаний со стержневым компонентом *tux*, обусловленная связанностью значений последнего, наряду с раздельнооформленностью, является одним из их отличительных признаков. Сообразно данной особенности, сочетания слов анализируемого типа, с одной стороны, ограничиваются от свободных сочетаний слов, а с другой — сходятся со всеми иными типами несвободных сочетаний.

<sup>18</sup> Н. Э. Котелова. Значение слова и его сочетаемость, стр. 77; *еже же*. Лексическая сочетаемость слова в словаре, стр. 40, 45; В. Н. Телия. Указ. раб., стр. 486—487.

<sup>19</sup> В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова, стр. 16—17.

<sup>20</sup> Там же, стр. 17.

Фразеологические сочетания с компонентом *tux*, как уже указывалось, относятся к немоделированным образованиям. Но они создаются по аналогии с моделируемыми (свободными) соединениями<sup>21</sup>. Однако связи компонентов этого вида несвободных сочетаний лишь внешне (формально) воспроизводят связи, существующие между компонентами словосочетаний. По сути дела, в структуре фразеологических сочетаний отсутствуют отношения грамматической зависимости между их составляющими, ибо компонент с фразеологически связанным значением лишен семантической самостоятельности. Поэтому сочетания слов рассматриваемого типа не могут выступать в качестве конкретных соответствий структурно-семантических моделей словосочетаний [(ср.: *păraħăza tux* 'прийти в негодность' (букв. 'выйти в негодность') и *văġtapdan tux* 'выйти из лесу' (букв. 'выйти из лесу')]. «Во фразеологических сочетаниях синтаксические связи, — отмечает В. В. Виноградов, — вполне соответствуют живым нормам словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции..., грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических функций в современном языке»<sup>22</sup>. Следовательно, о синтаксической сочетаемости применительно к компонентам фразеологических сочетаний говорить не приходится, реальной является лишь лексическая сочетаемость. Но и она неполно выражена, ибо сочетаемостные способности компонента с фразеологически связанными значениями строго ограничены узусом.

Связанность значения одного из компонентов сочетания — это один из видов проявления отступления от системности в семантике данного компонента, фразеологические сочетания — это один из типов несвободных сочетаний, представляющих собой случаи отступлений от существующих в языке правил интеграции значимых единиц языка на лексемном уровне.

Другой, не менее распространенный вид отклонения от системности — это десемантизация, деактуализация значений компонентов сочетаний слов. Такое явление обычно наблюдается в соединениях, в которых означающие (лексемы) репрезентируют определенное содержание лишь при их совместном употреблении. Это подтверждается и на примере сочетаний, где одним из компонентов является глагол *tux*. Так, в сочетании *turda hušinçen an tux* 'быть всегда занятой на работе' (о рабочей лошади; русское соответствие: 'быть всегда в упряжке'; букв. 'не выходить из оглобель') лексема *tux*, как и все другие компоненты, утратила свойственное ей значение в свободном сочетании, потому что в ходе общения актуальность приобретает именно названное значение, созданное на основе преобразования общего номинативного значения соединения *turda hušinçen an tux*. Значение «быть всегда занятой на работе» связано с обозначением нового «отрезка» действительности, с которым компоненты приведенного сочетания непосредственно не соотносятся. Перед нами типичное сочетание слов, называемое идиоматическим сочетанием, или идиомой<sup>23</sup>. В сочетаниях данного типа нельзя обнаружить ни связанности значения одного из компонентов, ни взаимо-

<sup>21</sup> Р. Г. Кокеладзе. О некоторых обновленных фразеологизмах в русском языке (на материале поэзии XX в.). — «Филологические науки», 1974, № 4, стр. 45.

<sup>22</sup> В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, стр. 364.

<sup>23</sup> Подробнее об идиоматических сочетаниях слов см.: М. Ф. Чернов. К истории изучения идиоматических сочетаний; *его же*. К вопросу об отличиях идиоматических сочетаний от синтаксических сочетаний слов. — «Труды Чувашского НИИ. Чувашский язык», вып. 66. Чебоксары, 1976, стр. 87—124.

связанности значений последних; здесь представляется возможным говорить о связанности компонентов, обусловленной нечленимостью или целостностью семантики всего комплекса слов в целом.

Идиомы так же, как и фразеологические сочетания, являются результатами «нарушений»<sup>24</sup> системной организации языка. Однако они, в отличие от последних, образующихся в связи с появлением новых, внесистемных, значений глагольной лексемы *tux*, зарождаются благодаря отклонениям от системности в виде десемантизации компонентов. Это и обуславливает существование идиоматических сочетаний в языке как особого типа словесных соединений. Следовательно, общность между фразеологическими и идиоматическими сочетаниями состоит в том, что они относятся к таким структурным единицам языка, строение которых не соответствует правилам интеграции лексических единиц, иначе говоря, и те, и другие являются немоделированными образованиями.

С немоделируемостью связаны два существенных признака, объединяющих несвободные (фразеологические и идиоматические) сочетания с глаголом *tux*: 1) отсутствие отношений грамматической зависимости между их компонентами и 2) употребление их в речи в виде готовых, воспроизводимых единиц языка. Эти признаки, свойственные несвободным сочетаниям (фразеологическим единицам), достаточно четко отграничивают их от свободных сочетаний слов.

---

<sup>24</sup> А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка, стр. 202—203, 238.



В. И. КОТЛЕЕВ

## ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧУВАШСКИХ ГЛАСНЫХ

Система гласных фонем современного чувашского литературного языка состоит из восьми единиц: *a, ä, y, u, e, ё, i, й*. В верховом диалекте существуют еще три фонемы: *o, õ, ё̃*.

Эта восьмичленная система в качественном отношении значительно отличается от так называемой «классической восьмерки» тюркских языков (*a, o, y, u, ä, ö, i, ü*)<sup>1</sup>. Если члены «классической восьмерки», противопоставленные по трем дифференциальным признакам (ряду, подъему и огубленности), в артикуляционно-акустическом отношении, то есть с точки зрения фонетической реализации, можно представить идеально укладывающимися на пересечениях граней так называемого «фонологического куба»<sup>2</sup>, то члены чувашской «восьмерки» займут соответствующие места только на плоскостях этого куба. Во-первых, не все фонемы «классической восьмерки» имеются в чувашском вокализме, так, например, в собственно чувашских словах литературного языка отсутствуют фонемы типа *o, ö*. Во-вторых, фонологически тождественные чувашские и тюркские гласные в большинстве случаев фонетически, качественно не совпадают; даже широкий вариант фонемы [e] значительно уже «классического» [ä]. В-третьих, чувашская «восьмерка» содержит фонемы, отсутствующие в «классической восьмерке» (например, *y, ё*).

В любом тюркском языке при ближайшем рассмотрении фонологической системы, особенно на базе современных экспериментальных данных, можно обнаружить качественные отличия от фонем идеализированной «классической восьмерки». Поэтому советский ученый Г. П. Мельников и американец Дж. Лотц пришли к выводу, что при описании вокализмов конкретных языков, тем более при их сравнительном или сопоставительном изучении, целесообразнее пользоваться не идеальным «фонологическим кубом», а неправильными, «фонетизированными» объемными фигурами, отражающими реальные артикуляционно-акустические

<sup>1</sup> См.: В. И. Котлеев. Заметки по сравнительно-тюркологической характеристике чувашского вокализма. — В сб.: «И. Я. Яковлев и его школа». Чебоксары, 1971, стр. 230—243.

<sup>2</sup> О геометризации описания фонологических отношений и литературу см. в работах: Г. П. Мельников. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1962, № 6; его же. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965 и др.

соотношения фонем внутри системы<sup>3</sup>. Для урало-алтайских языков такими фигурами являются усеченные пирамиды.

В принципе усеченную пирамиду можно использовать и при описании чувашского вокализма, однако здесь она будет неполной, ибо, как уже отмечалось, в чувашском литературном языке отсутствуют огубленные фонемы нижнего подъема типа *o*, *ö*, противопоставленные огубленным гласным верхнего подъема *u*, *ü*. Поэтому в своих работах мы обычно сохраняли модель «фонологического куба», ограничиваясь размещением фонем на его плоскостях в соответствии с их реальными фонетическими характеристиками<sup>4</sup>. При этом в качестве фонетических характеристик до сих пор мы брали традиционные артикуляционные описания, полученные в результате наших собственных исследований и исследований других фонетистов-чувашеведов, в том числе и инструменталистов<sup>5</sup>. В настоящее время после проведенных нами специальных акустических исследований фонетический облик чувашских гласных может быть описан с привлечением акустических признаков, что, кстати, позволяет внести уточнения в те же традиционные артикуляционные описания, поскольку между артикуляционным и акустическим аспектами звуков существует тесная связь и взаимообусловленность.

Как известно, наиболее полные и удобные для обработки данные об акустических особенностях звуковых единиц можно получить методом динамического спектрографирования (при помощи специальных динамических спектрографов). На первый взгляд может показаться, что для получения спектральной (акустической) характеристики той или иной гласной фонемы достаточно снять спектрограмму соответствующего звука, произнесенного отдельно. Однако такой способ не был бы вполне корректным, ибо фонема, как и любой другой элемент языковой системы, — это не конкретная, а абстрактная единица; конкретный звук речи, в том числе и изолированно произнесенный, является только одной из многих ее реализаций и потому не дает полного представления об акустическом облике фонемы в целом. Следовательно, более или менее достоверную, то есть наиболее общую, инвариантную, спектральную характеристику фонемы можно получить только путем обобщения спектральных картин достаточно большого множества конкретных ее реализаций в конкретных фонетических условиях речи.

Наш экспериментальный материал содержал более 300 слов и слогов, в которых чувашские гласные выступали в разных комбинаторных и позиционных условиях. Этот материал предварительно был записан на магнитную пленку (магнитофон МЭЗ-28А) в произвольном порядке дикторов. С этих записей были сняты динамические спектрограммы типа «видимая речь». Слова и слоги дикторами читались со списков. Все дикторы свободно владеют чувашским литературным языком, соответствие их произношения нормам у экспериментатора, являющегося также носителем чувашского языка, не вызывало сомнений. В отдель-

<sup>3</sup> John Lotz. Thoughts on Phonology as Applied to the Turkish Vowels, American Studies in the Altaic Linguistics. N. Poppe ed. Indiana University Publication, Uralic and Altaic Series, 1962, v. 13, стр. 350; Г. П. Мельников. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик...

<sup>4</sup> В. И. Котлеев. Система гласных фонем чувашского языка. — «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. 26. Чебоксары, 1963, стр. 22—23.

<sup>5</sup> Е. Н. Степанова. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. — «Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. VIII. Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954, стр. 86—91; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка. Часть I. Казань, 1959, стр. 38—42.

ных случаях некоторые дикторы приглашались на повторную запись с интервалом в несколько недель. Это давало возможность оценивать разные записи с целью выяснения возможного влияния побочных, пелингвистических факторов.

Приглашая нескольких дикторов, мы исходили из того, что различия в спектральной картине реализации одних и тех же гласных в произношении разных дикторов, несомненно, будут. Наша задача состояла в том, чтобы именно в различающихся спектральных картинах найти то общее, что объединяло бы их, имело инвариантную значимость.

Спектральные картины, полученные при помощи динамических спектрографов, несут в себе очень большой объем акустической информации. При описании качества гласных, то есть при анализе тех признаков, по которым один гласный отличается от другого, необходимо учитывать прежде всего формантную структуру. Количество формант в спектрах может быть пять-шесть. Относительно того, какое число формант следует учитывать при характеристике гласных, существуют разные точки зрения. Обычно считают достаточными четыре форманты, придавая при этом особое значение первым двум (исключая форманты основного тона), ибо они непосредственно связаны с основными характеристиками гласных — дифференциальными признаками ряда, подъема и огубленности-неогубленности. Таким образом, чаще всего спектральные картины гласных описывают, используя только  $F_1$  и  $F_2$ <sup>6</sup>.

Поскольку в потоке речи звуки подвергаются обязательному взаимовлиянию, частотные значения формант гласных не всегда остаются неизменными на всем протяжении звука: на стыках с соседними согласными могут быть смещения вверх или вниз, в зависимости от качества влияющих согласных. Подобные участки смещения формант принято называть «переходными участками», а их неизменные части — «стационарными участками». Следовательно, о собственных частотных значениях формант можно судить только по их стационарным участкам.

Существует мнение, что качество гласных по признакам ряда и подъема, их отличия друг от друга характеризуются не столько абсолютными частотными значениями, сколько относительными величинами, то есть соотношением  $F_3:F_1$  считается показателем степени подъема языка, а  $F_2:F_1$  — показателем степени его продвинутости вперед<sup>7</sup>. Однако имеется и другой, весьма плодотворный опыт описания гласных только по абсолютным значениям  $F_1$  и  $F_2$ <sup>8</sup>. И наш опыт работы с динамическими спектрограммами показывает, что нет обязательной необходимости пользоваться относительными величинами частотных значений формант, ибо о качестве гласных и об их отличиях друг от друга вполне корректно можно судить и по абсолютным, то есть по средним для всех дикторов значениям. К тому же в случае отсутствия стационарного участка форманты, когда она целиком представляет собой переходный участок, применение способа установления относительных величин вообще невозможно.

На спектрограммах форманты звуков даны не как усиления какой-то конкретной частоты, а как целые полосы частот, у которых обычно четко просматриваются верхняя и нижняя границы по оси частот (см. рис. 1). Поэтому цифровое значение форманты устанавливается либо

<sup>6</sup> Г. Фант считает их «основными характеристиками гласных». См.: Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 59.

<sup>7</sup> R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis. Massachusetts Institute of Technology Acoustics Laboratory, «Technical Report», 1952, 13.

<sup>8</sup> М. И. Матусевич. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976; Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

по линии максимального усиления в пределах формантной области, либо по ее воображаемой средней линии.

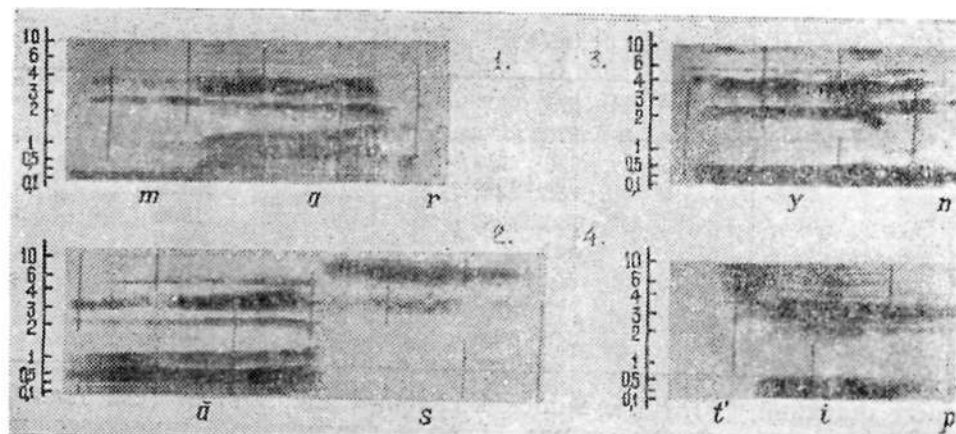


Рис. 1.

В результате такой цифровой обработки спектрограмм чувашских гласных были получены следующие данные:

- 1) значения  $F_1$ ,  $F_2$  гласных во всех конкретных спектрограммах;
- 2) средние значения  $F_1$ ,  $F_2$  по каждому гласному для каждого диктора отдельно;
- 3) средние значения  $F_1$ ,  $F_2$  каждого гласного для всех дикторов.

На основе данных пункта «2» была составлена диаграмма (см. рис. 2).

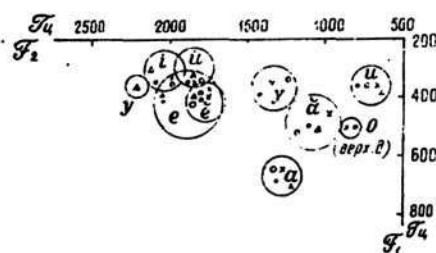


Рис. 2.

Диаграмма достаточно четко показывает, во-первых, общность локализации формант гласных по частотным значениям у всех четырех дикторов, во-вторых, различия между гласными по формантной структуре.

Средние частотные характеристики  $F_1$ ,  $F_2$  чувашских гласных выражаются в следующих цифрах (см. табл. 1).

На основе этих данных с учетом известной обусловленности частотного уровня  $F_1$  и  $F_2$  артикуляцией языка по признакам подъема и ряда была составлена (с определенным приближением) таблица артикуляционно-акустической классификации гласных чувашского языка (см. табл. 2).

Разумеется, деление на три уровня подъема и на три класса по признаку ряда является условным, в принципе может быть выделено четыре, пять и больше разрядов. Однако сами зоны распространения ча-

Таблица 1

Частотные характеристики F<sub>1</sub>, F<sub>2</sub> чувашских гласных

Гласные	F <sub>1</sub> (в Гц)	F <sub>2</sub> (в Гц)
а	675	1265
е	375	1885
и	350	625
у	350	1315
і	330	1990
о (диал.)	425	675
ӧ	500	1055
ӕ	380	1740
ӱ	345	1800

стотных значений у F<sub>1</sub>, F<sub>2</sub> чувашских гласных показывают (см. рис. 2), что подразделения на три разряда вполне достаточно, тем более что это хорошо согласуется с привычными, традиционными классификациями гласных во многих языках.

Таблица 2

## Артикуляционно-акустическая классификация гласных чувашского языка

	Высокие форманты 2000—1700 Гц			Средние форманты 1350—1000 Гц	Низкие форманты 700—500 Гц	F <sub>2</sub> / F <sub>1</sub>
Верхний подъем	і	ӱ	—	у	и	Низкие форманты 300—400 Гц
	—	е	ӧ			
Средний подъем				ӧ		Средние форманты 400—600 Гц
Нижний подъем				а		Высокие форманты 600—700 Гц
Подъем / Ряд	Передний ряд			Средний ряд		
					Задний ряд	

Характеристика качества фонем того или иного языка с точки зрения их артикуляционных или акустических признаков имеет значение не только для изучения данного языка, но нужна также для разработки таких областей языкознания, как сравнительная, сопоставительная и общая фонетика. В работах, например по сравнительной фонетике тюркских языков, при сравнении однотипных фонем родственных языков возникает необходимость в выделении звуков-посредников, эталонов, с которыми сравниваются однотипные фонемы исследуемых языков. Отечественным языкознанием в этой роли чаще всего используются звуки русского языка. Поэтому мы сочли целесообразным привести здесь сопоставительную таблицу спектральных характеристик чувашских и русских гласных (см. табл. 3).

Таблица 3  
Спектральные характеристики чувашских и русских гласных<sup>9</sup>

Гласные	F <sub>1</sub> (в Гц)		F <sub>2</sub> (в Гц)		F <sub>1</sub> +F <sub>2</sub> (в Гц)	
	чув.	русск.	чув.	русск.	чув.	русск.
а	675	700	1265	1000	1940	1700
е	375	400	1885	1600	1260	2000
и	350	250	625	600	975	850
у	350	250	1315	1700	1665	1950
і	330	350	1990	2000	2320	2350
о	425	500	675	850	1100	1350
ă	500		1055		1555	
ë	380		1740		2120	
ÿ	345		1800		2145	

Согласно приведенным данным, чувашская фонема [а] более переднего образования, нежели аналогичная русская (ср. данные по F<sub>2</sub>: чув. 1265 Гц, русск. 1000 Гц).

Фонема [е] также отличается от русской более передним образованием (ср. данные по F<sub>2</sub>: чув. 1885 Гц, русск. 1600 Гц). Однако следует иметь в виду, что между различными оттенками этой чувашской фонемы, выявляющимися в разных фонетических условиях и у разных дикторов, диапазон качественных различий довольно широк, так что вполне возможны и совпадения с оттенками русской фонемы. Это обстоятельство не было замечено исследователями-инструменталистами, пользовавшимися рентгенографическим способом.

Имеются некоторые различия между чувашской и русской фонемой [и] по степени закрытости и степени огубленности: в чувашском языке она более открытая (ср. данные по F<sub>1</sub>: чув. 350 Гц, русск. 250 Гц) и менее огубленная (ср. данные по F<sub>1</sub>+F<sub>2</sub>: чув. 975 Гц, русск. 850 Гц).

Несколько более подробных пояснений требуют данные фонемы [у]. Прежде всего следует сказать о том, что в русском языке эта фонема не имеет строгой локализации по ряду: начинаясь как гласный заднего ряда, она заканчивается передним гласным, то есть носит дифтонгоидный характер. Поэтому на динамических спектрограммах FII выступает как сплошной переходный участок<sup>10</sup>, хотя в качестве ее частотного значения в литературе приводится цифра 1700 Гц.

Нечто подобное наблюдается и в чувашском языке. Однако здесь частота FII меняется не на протяжении одного гласного, а в индивидуальном произношении, то есть FII у разных дикторов может иметь весьма значительные расхождения по частотному значению (у одних дикторов она может быть на уровне 2000 и более Гц, у других — на уровне 1300 и ниже Гц, хотя в обоих случаях воспринимается как обычное [у]). Следовательно, в чувашском языке фонема [у] существует в

<sup>9</sup> Данные по русским гласным взяты из книги: М. И. Матусевич. Современный русский язык. Фонетика, стр. 90—92. В этой работе частотные характеристики гласных даются по позициям. Для сопоставления с характеристиками чувашских гласных мы выбрали только первую (между твердыми согласными) и четвертую (между мягкими согласными) позиции, ибо только они соответствуют сингармонически обусловленным позициям чувашских гласных непереднего и переднего ряда в слове. Следует заметить, что в литературе существуют и иные акустические описания русских гласных, см., например: Г. Фант. Акустическая теория речеобразования.

<sup>10</sup> Л. В. Бондарко. Указ. раб., стр. 80.

двух вариантах: как гласный среднего ряда и как гласный среднего продвинутого вперед ряда. По нашим данным, первый вариант встречается чаще, поэтому в таблицах мы приводим именно его частотные характеристики. Если взять усредненную цифру, как это делается в работах по русской фонетике, то получится примерно та же частота, что и у русской фонемы [y]. Судя по частотному значению F1, оба варианта чувашской фонемы [y] представляют собой более открытые гласные, нежели русская фонема [y].

Согласно тем спектральным данным русских фонем, которыми мы пользовались, между чувашской и русской фонемой [i] почти нет качественных различий. Однако, как уже отмечалось выше (см. сноску 9), в литературе встречаются и другие спектральные показатели по русским гласным, в которых, кстати, у фонемы [i] первая форманта (F1) имеет самое низкое частотное значение (250—300 Гц)<sup>11</sup>. Следовательно, если исходить из этих сведений, можно констатировать более открытый характер чувашской фонемы [i].

Что касается фонемы [o], то и здесь сопоставительная интерпретация зависит от того, на какие спектральные данные русского языка ориентироваться: согласно тем, из которых мы исходили, чувашская диалектная фонема [o] является более закрытой и более задней, нежели русская (ср. частотные значения F1 и F11), однако по другим показателям качественно они весьма близки друг другу<sup>12</sup>.

Наконец, приведем пространственную модель чувашского вокализма, являющуюся результатом размещения гласных в соответствии с их реальными, описанными выше, акустическими характеристиками на «фонологическом кубе» тюркской «классической восьмерки» (см. рис. 3).

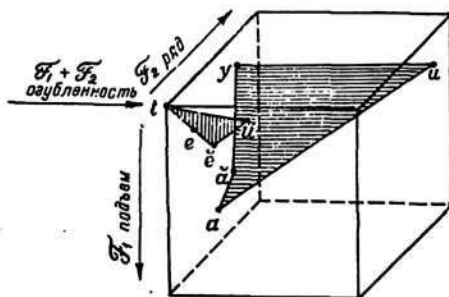


Рис. 3.

По дифференциальным признакам ряда и подъема точки отсчета фонетических (качественных) расстояний является положение фонемы [i], которая в чувашском языке, по нашим данным, относится к типу самых передних и закрытых гласных вообще и потому вполне может быть идентифицирована с аналогичной фонемой идеализированной «классической восьмерки».

Показателем степени огубленности гласных является величина  $F_1 + F_2$ , ибо известно, что у огубленных гласных частотные значения всех формант бывают ниже. Степень огубленности [ü] определена по отношению к соотносительному гласному [i], степень огубленности [u] — по отношению к [y]. Поскольку оказалось, что [u] по отношению

<sup>11</sup> См., например: Л. В. Бондарко. Указ. раб., стр. 62—64.

<sup>12</sup> Об акустических признаках чувашского диалектного [o] см.: В. И. Котлеев. Об акустической природе верхнего [o] в чувашском языке. — В сб.: «Вопросы русской и чувашской филологии», вып. 3. Чебоксары, 1973, стр. 3—9.

к [y] более огублена, чем [ÿ] по отношению к [i], расстояние от [y] до [ÿ] в пространственной модели взято в качестве независимой величины для определения места [ÿ].

Внутри единой системы, согласно закону сингармонической соотносительности, выделены (штриховкой) подсистемы гласных переднего ряда и гласных непереднего ряда. Если эти две соотносительные подсистемы соединить в соответствующих точках линиями, символизирующими сингармоническую парность фонем, получится некая объемная геометрическая фигура, в неправильной форме которой отражается степень фонетического отличия чувашского вокализма от идеализированного «классического» тюркского.

Таким образом, результаты проведенного спектрального анализа позволяют внести коррективы в существующие фонетические описания гласных современного чувашского литературного языка и дают достоверный материал для сравнительной фонетики тюркских языков.

---



С. И. ИБРАГИМОВ

## О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНЫХ ПАРАМЕТРАХ КИРГИЗСКОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В последние годы нашли широкое применение математические и статистические методы исследования отдельных лингвистических явлений<sup>1</sup>. «Математика с ее неисчерпаемыми возможностями должна дать основания для гораздо более глубокого проникновения в „механизм” языка и вполне строгого и логического, вполне „рационального” описания открываемых ею закономерностей»<sup>2</sup>. Растет количество работ, где используются эти методы и на материале тюркских языков<sup>3</sup>. В настоящей статье приводятся некоторые данные, характеризующие научно-технический стиль современного киргизского языка, полученные в результате структурно-вероятностного анализа.

Идея структурно-вероятностного анализа, как известно, возникла в связи с тем, что качественные признаки, наблюдаемые в языковой структуре, непосредственным образом связаны с их количественным распределением в потоке речи, и изучение этих взаимосвязей позволяет выявить структурные оппозиции языковых единиц и их вероятностные соотношения в речи. Следовательно, структурно-вероятностный анализ следует понимать как дополнительный прием исследования языка, используемый наряду с существующими как в традиционной, так и в структурной лингвистике.

Применяя для решения определенной задачи метод структурно-вероятностного анализа (известного как статистико-комбинаторный анализ), исследователь опирается на понятия математической статистики, теории множеств и теории вероятностей, так как «важно вероя т н о с т н о е исследование текстов, приводящее к пониманию системы речевых вероятностей, как особой категории, представленной в относительных количественных характеристиках языковых элементов в текстах»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Г. В. Ермоленко. Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель. Алма-Ата, 1970.

<sup>2</sup> О. С. Ахманова и др. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 6.

<sup>3</sup> См.: «Статистическое и информационное изучение языков (тезисы докладов)». Алма-Ата, 1969; «Статистика казахского текста», ч. I. Алма-Ата, 1973; К. Б. Бектаев. Статистико-информационная типология тюркского текста. Автореф. докт. дисс. Л., 1975 и др.

<sup>4</sup> Н. Д. Андреев. Методы статистико-комбинаторного анализа языка в действии и в перспективе. — В сб. «Статистико-комбинаторное моделирование языков». Л., 1965, стр. 10.

На материале киргизского и вообще тюркского языка исследование путем применения структурно-вероятностного метода проводится впервые. Исследованию подвергались научно-технические тексты общим объемом 10200 синтаксических связей. Такой подход вполне оправдан тем, что «лингвист, стремящийся сделать какое-либо утверждение о языковом факте, как правило, не может обследовать всю совокупность текстов (Pagole) данного периода или этнической группы: исследователь ограничивается изучением определенной части этой совокупности — некоторым количеством текстов или магнитофонных записей. Итак, судить о том, как часто происходит какое-либо событие, т. е. в какой мере осуществление условия *S* влечет за собой осуществление *A*, приходится на основе ограниченного числа наблюдений»<sup>5</sup>.

Предпочтение, отданное научно-техническим текстам, мотивировано тем, что последние, как правило, лишены какой-либо особой экспрессии или ярко выраженной стилистической окраски, а также многоплановости значений, свойственной текстам художественным. При этом не принимался во внимание вероятностный спектр лексических наборов, так как «лексическая вероятность — это закономерность чисто статистическая, не зависящая от грамматического строя языка». Наоборот, «грамматическая вероятность может быть двух видов. Первый вид — это вероятность появления после данного слова *т а к о й - т о* части речи; второй вид — это вероятность появления после данной грамматической формы *т а к о й - т о* грамматической формы. Поэтому вероятностные ограничения, характеризующие язык, удобно назвать *лингвистической вероятностью*»<sup>6</sup>.

В качестве одной из отправных точек для исследования любого языка обычно используется понятие слова. Однако в лингвистической литературе по разным языкам даются различные определения этого понятия<sup>7</sup> с точки зрения морфологии, синтаксиса, семантики, дистрибуции и других аспектов. К сожалению, ни одно из определений не оказалось ни достаточно универсальным, ни хотя бы однозначным.

В самом деле, существование в языке как самостоятельных, так и служебных единиц, выполняющих различные функции и не сводимых к одному типу, затрудняет единообразное решение проблемы слова. Учитывая именно это, французский лингвист Ш. Балли пришел к заключению, что при изучении синтаксиса нужно оставить в стороне понятие слова, как «одно из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании»<sup>8</sup>. Поэтому при исследовании киргизского языка структурно-вероятностным методом мы оперировали понятием «словоформа», которое определяется как единица письменного текста, размещенная от пробела до пробела. Сама по себе словоформа может быть как самостоятельной, так и служебной частью речи, то есть выполнять либо определенную функцию члена предложения, либо же придавать дополнительный оттенок такой функции. В морфологическом плане каждая словоформа принадлежит к тому или иному словоизменительному разряду слов (включая класс с нулевым изменением). Согласно этому двойственному характеру (в синтаксическом и морфологическом планах) каждая словоформа рассматривается нами в качестве реали-

<sup>5</sup> О. С. Ахманова и др. Указ. раб., стр. 7.

<sup>6</sup> Л. Р. Зиндер. О лингвистической вероятности. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2.

<sup>7</sup> К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. — «Тезисы докладов межвузовской конференции на тему „Язык и речь“». М., 1962.

<sup>8</sup> Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 315.

зации некоторого функционального класса (ФК), который можно определить как фиксированную часть речи в функции контекстуально заданного члена предложения. Соответственно начальная процедура структурно-вероятностного анализа текста в нашем исследовании выглядит так: каждое предложение членится на словоформы, для каждой из которых определяется, к какому морфологическому классу она принадлежит и какую функцию в предложении выполняет. Примерами функционального класса могут служить: существительные в функции подлежащего, существительные в функции прямого дополнения, переходный глагол в функции сказуемого и т. д.

Характер и методика структурно-вероятностного анализа с помощью функциональных классов позволили исследовать такие важные характеристики частей речи и членов предложения киргизского языка, как их вероятностное распределение в речи, взаимная сочетаемость, относительная позиция и контекстное окружение и т. д.

Грамматика современного киргизского языка констатирует наличие одиннадцати частей речи<sup>9</sup>. Из них в сферу нашего исследования включены лишь девять частей речи, так как междометия и подражательные слова полностью отсутствуют во всех текстах научно-технического характера. Структурно-вероятностные данные по частям речи на уровне их независимых вероятностей (НВ) выглядят следующим образом:

Части речи	Независимые вероятности
1. Имена существительные <sup>10</sup>	0.433
2. Глаголы <sup>11</sup>	0.173
3. Имена прилагательные	0.089
4. Послелог	0.089
5. Союзы	0.070
6. Местоимения	0.059
7. Наречия	0.050
8. Числительные	0.032
9. Частицы	0.005

Отсюда видно, что половину текста составляют слова субстантивного и глагольного происхождения (НВ существительных и глаголов в сумме дают внушительную величину — 0.606). Все остальные части речи по своим грамматическим функциям призваны как бы дополнять или уточнять значения существительных и глаголов, что следует из сравнения их синтаксических параметров.

Послелог, несмотря на их относительно малое количество<sup>12</sup>, оказались весьма употребительными. В свою очередь равномерность и сравнительно высокая употребительность прилагательных и послелогов позволяют отметить тот факт, что в научно-технических текстах киргизского языка широко распространены словосочетания типа «прилагательные — существительные» и «существительные — послелог». Например, *бийик мунара* 'высокая башня', *туз сызык* 'прямая линия', *багытка карай* 'по направлению', *тажрыйбадан кийин* 'после опыта' и т. п.

Каждая часть речи в предложении выступает в роли определенного члена предложения, выполняя конкретную синтаксическую функцию.

<sup>9</sup> См.: «Кыргыз тилинин грамматикасы (морфология)». Фрунзе, 1964.

<sup>10</sup> Здесь и далее учтены части речи во всех функциях, вместе взятые.

<sup>11</sup> Сюда же входят причастные и деепричастные формы.

<sup>12</sup> Д. Мураталиева насчитывает около сорока послелогов (см.: Д. Мураталиева. Послелог в современном киргизском языке. Фрунзе, 1958).

НВ главных и второстепенных членов предложения при анализе всех частей речи дают следующую картину:

Члены предложения	Независимые вероятности
1. Определения	0.366
2. Обстоятельства	0.234
3. Дополнения	0.181
4. Сказуемые	0.078
5. Подлежащие	0.071
6. Союзы <sup>13</sup>	0.070

Таким образом, среди членов предложения наибольшей частотностью характеризуется определительная функция. Определение как член предложения может быть выражено именными частями речи, местоимениями, причастиями. Однако определения субстантивного характера по своим НВ (0.199) противопоставляются остальным (НВ в сумме 0.167). На основании этих данных можно заключить, что причина такого обилия определений (суммарная НВ 0.366, то есть каждый третий член предложения — определение) в научно-технических текстах — в детализации качественной характеристики объектов.

Довольно высокую частотность в предложении имеет обстоятельственная функция частей речи. В технических текстах часты случаи, когда, наряду с другими частями речи, выполняющими функцию обстоятельства, в той же роли выступают послелогии. Например: *шести сыноого чейин аяктайбыз* 'дело закончим до испытания' и др.

Благодаря тому, что в научно-технических текстах доминирует детальное описание качественных и количественных характеристик объектов и процессов, определительные и обстоятельственные функции словосформ, рассматриваемые совместно, занимают около 60 процентов всех функций членов предложения.

Располагая предварительной статистической характеристикой частей речи и членов предложения, можно охарактеризовать их и с точки зрения функции частей речи как членов предложения. Вероятности частей речи при условии заданного члена предложения представляются следующим образом:

№№ л/п	Части речи	Члены предложения				
		Подлежащее	Сказуемое	Определение	Обстоятельство	Дополнение
1.	Существительные	0.808	0.940	0.393	0.435	0.891
2.	Глаголы			0.225		
3.	Прилагательные				0.132	
4.	Послелогии					
5.	Местоимения	0.055		0.071		0.032
6.	Наречия				0.137	
7.	Числительные <sup>14</sup>			0.082		

<sup>13</sup> Союзы представлены отдельно, как не выполняющие функции членов предложения.

<sup>14</sup> Данные по другим частям речи и функциям не приводятся в связи с их низкой частотностью.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что имена существительные могут выполнять функцию любого члена предложения, кроме сказуемого<sup>15</sup>. Аналогичная картина наблюдается и у местоимений.

Если в функции подлежащего и дополнения в основном выступают существительные и местоимения, то в функции определения к ним следует причислить также прилагательные и числительные.

Данные о сказуемых подчеркивают их глагольность в предложениях научно-технического характера. При описании объектов и процессов в технических текстах особое внимание обращается на их результат или течение, что само по себе исключает выражение сказуемого другими частями речи.

Обстоятельства в предложении в большинстве случаев выражаются существительными, наречиями и послелогами.

С помощью структурно-вероятностного анализа удалось получить частотности каждой словоформы — функционального класса, с вычислением для каждого из них условных вероятностей, которые в свою очередь оцениваются значением их же коррелятивных функций (КФ)<sup>16</sup>. Приведем первые десять ФК, расположенных в списке по убывающей частотности условных вероятностей (УВ) с указанием их коррелятивных функций.

Функциональный класс	Условные вероятности	Коррелятивные функции
1. Прилагательные-определения	0.089	5.2
2. Существительные-определения <sup>17</sup>	0.076	2.5
3. Существительные-прямые дополнения	0.074	2.3
4. Существительные-подлежащие	0.057	2.1
5. Наречия-обстоятельства	0.050	5.5
6. Причастия-определения	0.049	4.4
7. Послелоги-обстоятельства	0.044	2.7
8. Деепричастия-обстоятельства	0.037	4.6
9. Существительные-определения	0.040	1.7
10. Существительные-обстоятельства	0.034	2.0 и т. д.

Сравнительно высокая КФ отмечена у прилагательных и причастий, выступающих в функции определения к существительным, а также у наречий и деепричастий в функции дополнения. Характерная для этих частей речи<sup>18</sup> «концентрация» функций и дает, в отличие от других частей речи, высокую корреляцию, что нельзя сказать о существительных. Подклассы существительных представлены несколькими ФК, и,

<sup>15</sup> Отметим, что случаи, где существительные выступают в функции именной части сказуемого, имеются, например: *Бул кыймылдаткычтын салмагы 435 килограмм 'Вес этого двигателя 435 килограммов'*. Однако ввиду их низкой частотности, они в таблице не учтены.

<sup>16</sup> Под коррелятивной функцией понимается отношение условной вероятности языкового элемента при заданном условии к независимой вероятности того же элемента.

<sup>17</sup> Здесь и далее имеются в виду левые компоненты определительных словосочетаний способом «тюркского изафета». См.: *А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 408.*

<sup>18</sup> Здесь причастия и деепричастия условно называются частями речи.

естественно, для них характерно «распыление» КФ, колеблющейся от 1.7 до 2.5.

Все эти структурно-вероятностные параметры и выводы получены на основе исследования научно-технических текстов и, конечно, могут быть распространены на киргизский язык в целом лишь при соответствующих оговорках. Структурно-вероятностный анализ на другом материале и в большем объеме, дополняющий полученные данные о частях речи и членах предложения киргизского языка, в конечном счете содействует более полному исследованию этого языка указанным методом.

Специфика структурно-вероятностного анализа позволяет изучить характер взаимоотношений между словсформами, то есть получить статистические данные о способах синтаксической связи в предложении. Э. В. Севортян отмечал: «Функция члена предложения имеет ограниченное значение для синтаксической характеристики частей речи и применима лишь к некоторым из них; более важно учесть положение частей речи в словосочетании (не предложении!), сочетаемость слова с другими словами, его неспособность входить в определенную синтаксическую связь со словами, его позиционную связанность или свободу»<sup>19</sup>.

Однако способы синтаксической связи слов — одна из малоразработанных и спорных проблем тюркологии. Несмотря на то, что по некоторым тюркским языкам имеются специальные исследования, посвященные тому или иному способу синтаксической связи, все еще нет единого мнения по целому ряду вопросов. Так, нет однозначного решения вопроса о характере связи между компонентами тюркского изафета. Способ связи между компонентами второго типа (*окуу китеби* 'учебное пособие', *адам көркү* 'красота человека' и т. д.) А. Н. Кононов и М. Ш. Ширалиев считают управлением, Е. И. Убрятова — примыканием, Х. И. Мирзазаде — управлением и примыканием, А. З. Абдуллаев — согласованием и управлением. То же следует сказать о способе синтаксической связи между компонентами третьего типа и о способе связи между неоформленным прямым дополнением и глагольным членом предложения.

Мы придерживаемся известного мнения о том, что в тюркских языках существуют четыре вида синтаксических связей: согласование, управление, примыкание и синтаксическая связь в форме тюркского изафета<sup>20</sup>.

При такой системе синтаксических отношений сочетаемость словоформ теми или другими способами связи по данным их условных вероятностей выглядит следующим образом:

Способы синтаксической связи	Условные вероятности
1. Примыкание	0.404
2. Управление	0.301
3. Изафетная связь	0.191
4. Согласование	0.104

Как известно, прилагательные, выражая различные качества, свойства и признаки предметов, большей частью сочетаются с именами существительными и образуют вместе с ними именные словосочетания.

<sup>19</sup> Э. В. Севортян. К. проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 224—225.

<sup>20</sup> На материале киргизского языка вопросы синтаксических отношений рассмотрены в следующих работах: И. А. Батманов. Способы синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1947; А. Джанаров. Грамматическая структура словосочетания в современном киргизском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

Связи с существительным в качестве главного и с прилагательным в качестве зависимого слова синтаксически оформляются путем примыкания. То же можно сказать о причастиях, числительных, местоимениях, вступающих в синтаксическую связь с подклассами существительного. Именно этим и следует объяснить распространенную связь между компонентами различных словосочетаний способом примыкания.

К числу приглагольных управляемых падежей в киргизском языке принадлежат падежи: винительный, дательно-направительный, исходный, местный и основной<sup>21</sup>, выполняющие функцию обстоятельства и дополнения в предложении. Вообще в таких сочетаниях зависимыми словами представлены имена существительные, местоимения, наречия, а также субстантивированные формы имен прилагательных, числительных, иногда наречий.

Синтаксические отношения существуют между двумя словоформами. Ими могут быть: два знаменательных слова, знаменательное слово и служебное слово, знаменательное слово и послелог и т. д.

Любое предложение можно рассматривать как последовательность дискретных элементов-словоформ, поставленных в определенные отношения друг к другу. Совокупность отношений между словоформами в предложении образует систему его синтаксических связей. Именно такой связанный характер этих словоформ придает предложению организованный вид и отличает его от произвольной цепочки разных словоформ. Наличие синтаксических связей обусловлено членимостью предложения. Способность словоформ вычлениваться из предложения и занимать в нем определенные позиции и является причиной того, что между ними существуют определенные связи, в конечном счете непосредственно отражающие связи значений.

Таким образом, представив себе линейную цепочку предложения, мы можем наблюдать три различные ситуации: первая — синтаксическая связанность и позиционная смежность совпадают. Назовем такую ситуацию ближней связью. Вторая — синтаксически связанные словоформы позиционно не смежны (дальняя связь). Третья — позиционное соседство синтаксически не связанных между собой словоформ (несвязность). Например, в предложении *Ракета жер бетинен түрдүү бийиктикте учат* 'Ракета летит на различных высотах от земной поверхности' эти синтаксические отношения представлены в следующем виде: ближние связи — *жер бетинен, түрдүү бийиктикте, бийиктикте учат*; дальние связи — *ракета учат, бетинен учат*; несвязности — *ракета жер, бетинен түрдүү*. В результате такого подхода распределение синтаксических связей по близости и дальности происходит следующим образом:

ближние связи составляют 63% всех связей;  
дальние связи составляют 37% всех связей;  
несвязности составляют 37% всех связей.

Сопоставляя меру преобладания ближних синтаксических связей над дальними с аналогичными показателями других языков, можно заключить, что киргизский язык относится к группе языков с гораздо более высокой компактностью, наряду с бирманским и хиндустани, в противовес немецкому, вьетнамскому, украинскому и другим языкам<sup>22</sup>.

<sup>21</sup> Однако связь основного падежа-подлежащего со сказуемым-глаголом оформляется путем согласования.

<sup>22</sup> См. данные по другим языкам: Н. Д. Андреев. Статистико-комбинаторные методы: в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967, стр. 115.

Применение структурно-вероятностного анализа позволяет использовать новый способ учета употребления частей речи, членов предложения и распределения типов синтаксической связи, а также различных видов позиционных окружений разных классов. Полученные данные подтверждают мнение о том, что количественная сторона языка существенным образом связана с качественной.

Развитие науки, появление новых методов исследования дают возможность подходить к объекту исследования с различных точек зрения. И чем больше удастся выявить существенных признаков у исследуемых явлений, тем полнее будет наше знание о предмете исследования. Именно этим объясняется необходимость изучения киргизского языка структурно-вероятностным методом. Изучение языка на базе синтеза новых методов и всех других, выработанных традиционной лингвистикой, должно содействовать созданию единой, максимально объективной и точной теории языка.

---



Р. ДЖ. МАГЕРРАМОВА, З. И. РЗАЕВА

## ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА С ПИСЬМЕННЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ XVIII ВЕКА

В истории азербайджанского языка XVIII век занимает особое место. Именно в этот период происходит интенсивное обогащение азербайджанского письменного литературного языка за счет азербайджанского общенародного языка как в фонетико-морфологическом, так и в синтаксическом и лексическом отношениях.

Не будет преувеличением сказать, что в XVIII веке в азербайджанском письменном литературном языке, особенно в художественных произведениях, общенародная разговорная речь начинает занимать господствующее положение.

Общественно-исторические условия, сложившиеся в XVIII веке в Азербайджане, способствовали утверждению в художественной литературе, прежде всего в поэзии, различных форм народного творчества, таких, как *гошма* и *баяты*, свободных от канонов классического *аруза* и создающих широкие возможности для употребления общенародных слов, словосочетаний, выражений и т. д.

Характерным для лексики языка художественных произведений XVIII века становится широкое употребление общепонятных слов, выражений исконно азербайджанского происхождения, сокращение использования малопонятных народу арабо-персидских слов и словосочетаний с изафетной конструкцией, чуждых духу азербайджанского языка.

В азербайджанском литературном языке XVIII века можно выделить две основные тенденции. С одной стороны, продолжают развиваться классический стиль и жанры классической поэзии, с другой — стихотворная форма *гошма* со слоговым размером *хеджа* становится преобладающей, причем вместе с ней усиливается приток в письменную литературу реалистических тем, непосредственно связанных с жизнью и бытом народа. А это, в свою очередь, приводит к пополнению словарного состава письменного литературного языка десятками и сотнями новых слов и выражений, почерпнутых из общеупотребительной лексики азербайджанского языка, тем самым создается благоприятная почва для утверждения в качестве литературных норм грамматических форм и структурных моделей общенародного языка. Говоря о «постоянном взаимодействии литературного языка и диалектов», Л. В. Щерба особо подчеркивал роль народно-разговорного языка и диалектов в развитии литературного языка: «Если бы литературный язык оторвался от диалектной почвы, то он, подобно Антею, потерял бы всю свою силу и

уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык»<sup>1</sup>.

В рассматриваемый период истории азербайджанского литературного языка происходил интенсивный процесс проникновения в него разностильных, разностойных элементов, вторжения мощной струи устного народно-поэтического творчества и лексико-грамматических особенностей народно-разговорного языка и диалектов, нарушавших каноны классических художественных форм. В этих условиях не представляется возможным говорить ни о кодифицированных фонетико-орфографических, морфолого-синтаксических и других литературных нормах применительно к функциональному стилю, ни о таких синхронических по своему характеру явлениях, как диалектизмы, архаизмы и т. п.

Слова и выражения, грамматические формы живой разговорной речи создавали в письменном литературном языке XVIII века синонимические ряды, способствовали развитию полисемии и омонимии, расширяли словообразовательные ресурсы литературного языка. На этом фоне начинали отчетливее проявляться диалектные особенности. Языковые факты рассматриваемого периода указывают на то, что литературные формы и диалектные особенности тогда не противостояли друг другу. Некоторые результаты взаимодействия указанных явлений следует расценить прежде всего как влияние на письменный язык специфических черт народно-разговорной речи.

С другой стороны, как лексическое, так и грамматическое влияние проявлялось главным образом в области общих элементов и форм, присутствующих не только живому разговорному языку, но и диалектам и говорам азербайджанского языка.

Большая часть лексических, фонетических и грамматических особенностей письменного литературного языка XVIII века сохранилась до наших дней в живом разговорном языке и в современных азербайджанских диалектах и говорах. Некоторое преобладание в языке художественных произведений данного периода отдельных фонетических и грамматических черт западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка объясняется влиянием поэтической школы Молла Панаха Вагифа, с творчества которого начинается новый этап в развитии азербайджанского литературного языка, характеризующийся синтезом особенностей письменной классической и ашугской поэзии.

В азербайджанском письменном литературном языке XVIII века нашли широкое употребление многочисленные регулярные образования, фонетические явления, грамматические формы и другие специфические особенности, характерные для азербайджанских диалектов и говоров.

Диалектизмы в языке художественных произведений этого периода в большинстве своем употреблялись в качестве синонимов соответствующих литературных слов. Остановимся на некоторых из этих слов, встречающихся почти у всех поэтов XVIII века.

**Uzag** 'дальний', 'далекий', 'далеко'. Наряду с этой литературной формой в поэтических произведениях часто употребляются имеющиеся в большинстве диалектов азербайджанского языка синонимичные ему формы: g'ep, igag, japa.

**Dirrik//dirlik** (лит. hājat, jašajüş) 'существование, жизнь', 'быт'. В этом же значении данное слово в фонетических вариантах dirrix//dirrij встречается в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

<sup>2</sup> См.: «Азербайжан дилинин диалектологји лугети». Баку, 1964, стр. 192.

**Jäsär** (лит. *färasätsiz*). Это слово также встречается в западной группе диалектов (агдамский диалект) в фонетическом варианте *jasar* 'неспособный', 'нерассудительный', 'недогадливый'<sup>3</sup>.

**Ožag** 'племя', 'семья, от которой берет начало род'. Это слово употреблялось в поэтических произведениях XVIII века в переносном смысле «свет». Значение «семья» за ним сохранилось в общенародном языке в выражениях идиоматического характера: *кэлин очага кэлэр* 'невеста приходит в семью'; *очагы дағылан* 'человек, у которого разбита семья'.

**Gabag** (лит. *alup, üz*) 'лоб', 'лицо'. Это слово широко употреблялось в обоих омонимичных значениях, особенно в поэтических произведениях Вагифа. В современном литературном языке не сохранилось ни одного из этих значений за исключением словосочетания *гаиш-габаг* (*гаиш-габаглы* 'насупленный', 'нахмуренный'), которое употребляется как единая лексема.

**Binadan** (лит. *ävvaldän*) 'с самого начала'. В диалектологическом словаре азербайджанского языка форма *binadan* отнесена к нухинскому диалекту. По нашим наблюдениям, это слово входит в большинство диалектов и имеет тенденцию перехода в разговорный язык, в котором более распространено в данном значении слово-основа *özül*.

В литературном языке XVIII века широко употреблялись слова: *gajum* (лит. *bärk*) 'крепкий, сильный', *jol* (лит. *däfä*) 'раз', *eşik* (лит. *häjät*) 'двор', 'то, что вне самого дома', *ajam* (*dövr, zaman*) 'период, время', *aş* 'блюдо', а также *јапа, bəgi, saru*, заимствованные из диалектов, указывающие направление и образующие синонимический ряд, и т. д.

В письменных памятниках этого периода заслуживают быть отмеченными также глаголы диалектного характера. Большинство из них употреблялось в одном синонимическом ряду с литературной формой и с глаголами общенародной разговорной речи.

**Jaşurmag** 'прятать'. В этом же значении данное слово встречается в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка.

**Äg'länmäg** 'задерживаться', 'остановиться, держаться, стоять', 'задерживать, придерживать'. Это слово встречается во многих диалектах.

**Kirimäk** 'замолчать, присмиреть'. Этот глагол характерен также для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Можно указать и ряд других диалектных глаголов: *ändärmäk* 'лить', *dolamag* 'завертывать', 'закутывать', *galamag* 'зажечь, зажигать', *jaslanmag* 'долгое время находиться на одном месте' и т. д.

Наряду с диалектными словами приведенного типа в литературном языке XVIII века можно встретить так называемые «фонетические диалектизмы», характеризующиеся нижеследующими фонетическими особенностями.

1. Замена звука *v* звуком *j* (*v > j*, *ev > öj*) встречается в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. Для окончания слов характерны переходы *g > x*. (*bollux* 'изобилие', *ollux* 'будем', *gatux* 'простокваша').

2. Выпадение согласных в начале (*högük—ögük, hürkü—ürkü*) или в конце слов [*јагаşу(г), oturu(г), garaly(г)* и др.].

Вообще согласный *г* неустойчив в тюркских языках, что наблюдается как в письменных памятниках, так и в живых диалектах и говорах.

Явление ассимиляции, характерное для живого разговорного языка, нашло широкое распространение в диалектах и говорах азербайджанского языка; наиболее часто встречающиеся случаи принимают

<sup>3</sup> «Азэрбајчан диллин диалектоложу лүгети», стр. 241.

характер орфоэпической нормы. Например, разновидность полной регрессивной ассимиляции  $r > l$  может считаться нормой для разговорной речи. Не случайно именно в поэтических произведениях XVIII века, испытавших влияние живого разговорного языка, данная фонетическая особенность проявляется чаще. Например: *atarlar—atallar* 'бросят', *satlarlar—satallar* 'продадут', *jatarlar—jatallar* 'заснут', *bükärlär—bükällär* 'завернут' и т. д.

В результате ассимиляции  $nd > nn$  в литературном языке XVIII века чаще употреблялся вариант *-nan, -nän* (окончания исходного падежа) вместо *-dan, -dän*: *dilindän—dilinnän* (переносное значение) 'с языка', *pağçasyndän—pağçasynnan* 'из ткани' и т. д.

Ассимилятивные формы первого лица неопределенного будущего времени глаголов с основой на сонорные *n, l* особенно широко были распространены в *гошма*: *sanağam—sannam* 'буду считать', *dolanagam—dolannam* 'буду кружиться', *biläğäm—billäm* 'буду знать', *gylagam—gylalam* 'сделаю' и т. д. Данная фонетическая особенность, квалифицируемая иногда как диалектная<sup>4</sup>, на наш взгляд, скорее отражает специфику произношения живого разговорного языка, что подтверждается ее широким распространением в народно-поэтической речи.

Литературный язык XVIII века отличается нижеследующими морфологическими особенностями входящих в него диалектизм.

Отрицательный аффикс *-ma, -mä*, соединяясь с вспомогательным глаголом *bilmäk* 'знать', принимает форму *-amma, -ämmä*: вместо *silä bilmäz—silämmäz* 'не сможет вытерпеть', *g'älä bilmäz—g'älämmäz* 'не сможет прийти', *ola bilmäz—olammaz* 'не может быть' и т. д. Данная форма распространена в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка, а также в азербайджанских говорах Красносельского и Иджеванского районов Армянской ССР<sup>5</sup>.

В азербайджанском литературном языке настоящее время в основном выражается аффиксом *-yr (-ir, -ur, -ür)*. Однако в письменных памятниках эту функцию иногда выполняет аффикс *-er* (вместо *g'älir—g'äler* 'идет'). Эта форма характерна также для западной группы азербайджанских диалектов.

Слова, оканчивающиеся на гласные звуки, в винительном падеже наряду с аффиксом *-nu (-ni, -ni, -nü)* принимают и аффикс *-ju (-ji, -ju, -jü)*, характерный для западной группы диалектов азербайджанского языка и современного турецкого языка.

Некоторые грамматические формы, широко использовавшиеся в азербайджанском литературном языке в прошлом, со временем выпали из его действующей грамматической системы, хотя и сохранились в некоторых диалектах и говорах. Например, в XVIII веке в литературном языке наряду с отрицательной формой *-maz* были широко распространены ее сокращенные варианты настоящего-будущего времени: *-tam// -täm, -tan// -täp* (*istämäm* 'не захочу', *bilmäm* 'не узнаю', *demäm* 'не скажу', *ağultäm* 'не проснусь', *dirilmäm* 'не оживу', *g'ülmäm* 'не засмеюсь' и т. д.).

Аффикс *-tanam// -täpäm* представлен в шекинском, ордубадском кубинском и бакинском диалектах. М. Ш. Ширалиев отмечает, что эта форма встречается также в туркменских и турецких диалектах<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> М. Ш. Ширалиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962, стр. 247.

<sup>5</sup> Ш. М. Керимов. Азербайджанские говоры в Красносельском и Иджеванском районах Армянской ССР. Автореф. канд. дисс. Баку, 1972, стр. 25.

<sup>6</sup> М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 246.

Широко распространен в памятниках XIV—XVIII веков в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения глагола аффикс *-g'ilän* (*verg'ilän* 'дай', *deg'ilän* 'скажи', *sög'ilän* 'ругай' и т. д.). Этот аффикс в фонетических вариантах *-g'unan* / *-g'unan*, *-g'inän* / *-g'inän* встречается в ряде диалектов и говоров азербайджанского языка<sup>7</sup>.

Одной из классических диалектных форм является также деепричастие на *-uban*, встречающееся в основном в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII веков. В XVIII веке эта деепричастная форма была наиболее употребительной, как в поэзии классического стиля, так и в *гошма*.

Деепричастие на *-aly*, *-äli* было широко распространено в азербайджанском литературном языке XVIII века, особенно в произведениях Вагифа. В настоящее время оно употребляется преимущественно в разговорной речи.

Материалы азербайджанского письменного литературного языка XVIII века показывают, что определенные лексические, фонетические и грамматические явления, отсутствующие в современном азербайджанском литературном языке и расценивающиеся как особенности диалектов и говоров азербайджанского языка, в тот период были характерны не только для диалектов и говоров, но и для народно-разговорного языка, через посредство которого они проникли в свое время в письменный литературный язык. Этот процесс следует признать одним из наиболее существенных факторов, обусловивших самобытность азербайджанского языка, обеспечивших его жизнеспособность в развернувшейся на рубеже XIX—XX веков борьбе против засилья арабских и персидских элементов в письменном литературном языке.

---

<sup>7</sup> М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 196.

Т. БЕГЖАНОВ

## О ТЕРМИНАХ ШЕЛКОВОДСТВА В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В каракалпакском языкознании давно уже назрела необходимость в научной разработке профессиональной терминологии и подготовке терминологических словарей по различным отраслям сельского хозяйства — хлопководству, животноводству, рисоводству, шелководству и т. д.

В настоящей статье нами рассматриваются некоторые термины шелководства в каракалпакском языке, связанные с изготовлением тканей, одежды и других изделий из шелка, с орудиями труда в данной области производства, а также с существовавшими некогда трудовыми взаимоотношениями и трудовыми процессами в шелководстве.

**Термины, обозначающие названия шелковых тканей:** а) *атлас, атлас-шайы, хан-атлас*; в зависимости от цвета и окраски различают: *қызыл атлас, көк атлас, ақ атлас, сары атлас, қара атлас* и др.; б) *шайы*; в дореволюционное время, даже в первые годы Советской власти, имели хождение такие термины, как *хан шайы* 'ханский шелк', *ширван шайы* 'ширванский шелк', *бекасам* и др. В современном языке выделяют такие разновидности шелка, как *қоқан шайы* 'кокандский шелк', *марғулан шайы* 'маргеланский шелк' и др. В зависимости от окраски шелковые ткани именуются: *қара шайы, қызыл шайы, көк шайы, шайы* и т. д.; в) *парша* (СД)//*парча* (ЮД)<sup>1</sup> 'шелковая ткань переливчатой окраски'; г) *пашшайы* 'шелк алой, пурпурной окраски'.

**Термины, связанные с художественной вышивкой на шелке и изготовлением шелковой одежды.** Существует большое разнообразие замечательных каракалпакских национальных орнаментов, известных под названиями: *қошқар муйиз* 'бараний рог', *суў нағыс* 'волнообразные узоры', *оймақ айыз* 'глазок перстня', *қумырысқа бел* 'муравьиная талия', *солақ нағыс, ғарға туяқ* 'воробьиная лапа', *ай нағыс* 'лунный узор', *қун нағыс* 'солнечный узор' и т. д. Эти вышивки выполнялись шелками различных цветов: *сары гул* 'желтый цвет', *ақ гул* 'белый цвет'; *этир гул* 'благоухающий цвет', *шынар гул* (СД)//*чинор гул* (ЮД) 'чинаровый цвет', *бұдай гул* (СД)//*будой гул* (ЮД) 'пшеничный цвет', *ай гул* 'лунный цвет', *жұлдыз тамға* 'звездный цвет', *шахмат гул* 'цвет шахмат', *кәлем гул* 'цвет пера' и др. В прошлом (вплоть до 50-х годов нашего века) краски для окрашивания шелковых тканей изготовлялись примитивным способом: в большом котле долго варили *жйденің қабығы* 'кору джидового дерева', *анардың қабығы* или *нарпоз* 'кору граната',

<sup>1</sup> Здесь и далее названия диалектов каракалпакского языка приводятся в сокращении: СД — северный диалект, ЮД — южный диалект.

*боянның тамыры* 'солодковый корень', *туттың тамыры* 'корень тутового дерева' и получали красители следующих цветов: *сары, сарғылт, сарғыш* 'желтоватого', *қызығылт, қызығыш* 'красноватого', *көк, кегис, көкшил* 'небесно-голубого', *қоңыр* 'изжелта-красноватого', *мелле* 'рыжеватого'. Выкрашенные таким способом нитки использовались для вышивки на национальных женских и мужских одеждах и головных уборах: *жегде* 'безрукавка', *жипек шапан* 'шелковый чапан', *жипек көйлек* 'шелковое платье', 'шелковая рубаха', *узын шашақ* 'шелковый платок с длинной бахромой', *жеңсе* 'шелковый нарукавник, надевавшийся поверх рукава женского платья от кистей рук до локтя', *сайкеле* 'каракалпакский национальный женский головной убор с нашитыми драгоценными камнями' и т. д.

Шелк находил все возрастающее применение в быту, для украшения верховых лошадей. Почти все постельные принадлежности, занавесы и другие предметы украшения жилища изготовлялись из шелка: *шайы көрпе* 'шелковое одеяло', *шайы төсек* 'шелковая постель', *шайы көрпеше* 'шелковая домотканая подстилка', *шайы жапқыш* 'шелковое покрывало', *шайы перде* 'шелковый оконный занавес' и т. д.

В шелковом производстве, подобно другим отраслям хозяйства, различались *уста* 'мастер' и *шэкирт* 'подмастерье или ученик'.

*Уста* 'мастер' — так именовали носители южного диалекта каракалпакского языка ткача, тонкого знатока своего дела, владевшего искусством изготовления тканей и изделий из шелка. Мастер обучал своему ремеслу учеников-подмастерьев, передавал им свой опыт.

*Шэкирт* (СД)//*шагирт* (ЮД) 'подмастерье, ученик', обучавшийся у опытных *уста* ремеслу, в том числе и изготовлению тканей из шелка. Подмастерьями чаще всего становились мальчишки-подростки. Слово *шэкирт* 'подмастерье', или в некоторых местностях — *кэлпе*, обозначало в прошлом подмастерья, нанимавшегося к какому-нибудь мастеру для постижения его искусства, чтобы со временем тоже стать *уста*. В ряде мест ученик мастера именуется *симхор*.

*Найшакеш* (СД)//*найчакаш* (ЮД) 'намотчик шелковых нитей на шпульку'. Наматывание шелковых нитей на шпульку считалось делом особенно ответственным и поэтому, занимались им исключительно мужчины. При отсутствии *найшакеша* женщины всем обществом обращались к его жене с просьбой заменить мужа. Такие жены со временем стали порою именоваться *найшакеш қатын* 'женщина-намотчица' или *уста қатын* 'женщина-мастерица'.

*Дукан* (СД)//*дукон* (ЮД) 'место, где изготовляли ткани из шелка'. Владельца такого предприятия называли *дуканшы*//*дукончи*. Число работников *дукана* не превышало семи-восьми человек. Термин *дуканшы* стал употребляться наравне с термином *уста*. Термин *дукан* в некоторых местах обозначал ткачей и ткачих, работавших на *ормеке* и *қозақе* — старинных примитивных ткацких станках.

*Туте* (СД)//*тута* (ЮД) 'шпулька, специальное примитивное приспособление, на которое наматывались шелковые нити из клубка'. По своей форме эта шпулька напоминала катушку с нитками, хотя по размерам и намного превосходила ее. Существовали большие *туте*, на которые наматывался целый клубок ниток, а иногда даже два. Подобные шпульки в южном диалекте носили название *буғмок* (то есть «наматать нитки на шпульки»).

*Бас қазық*//*уллы қазық* (СД)//*катта козык* (ЮД) 'длинные вертикальные кольца с раздвоенными верхними концами, нижние концы которых вбивались в землю'. Эти кольца подпирали горизонтальную основу *ормека* и *қозақа*, придавая им необходимую устойчивость.

*Керги* (СД)//*карги* (ЮД) — плоские дощечки, служившие для натяжения и разделения продольных шелковых нитей от поперечных на примитивном ткацком станке. Они располагались рядом с *гуле* 'нитями, натянутыми вниз и вверх'.

*Илмек* (СД) 'специальная деревянная или железная палочка с крючком на верхнем конце'. Она всегда лежала возле ткачихи. Ею подхватывали с пола челнок, когда тот, случалось, выскакивал из станка и падал. Эта палочка в южном диалекте называлась *маки курак*.

*Алтын асық* (СД)//*олтин ошиқ* (ЮД). При работе на ткацком станке (*ормеке*) для того, чтобы натяжение шелковых нитей не ослабло и они не спутались, к станку с обеих сторон подвешивали на веревочках маленькие камни-грузила, которые и назывались *алтын асық* (букв. 'золотой биток').

*Қылыш* (СД)//*қилич* (ЮД) букв. 'меч', 'специальный деревянный инструмент с ручкой, напоминавший по форме меч, которым ткачихи подтягивали к себе при необходимости нити.

В южном диалекте каракалпакского языка бытуют некоторые термины, обозначающие детали ткацких станков — *ормек* и *қозақ*. К ним относятся *маки* 'челнок', *сазған*//*сазқан* и другие. *Маки* имел ряд разновидностей: *шахмаки* 'царский челнок', *полат маки* 'стальной челнок', *агач маки* 'деревянный челнок'.

В профессиональной шелководческой лексике каракалпакского языка существует множество терминов, терминологических сочетаний и названий, обозначающих трудовые процессы, связанные с производством шелка. Останемся на некоторых из них.

*Туртшылық* (СД)//*тутчилик* (ЮД) 'тутоводство'. До революции специально разведением шелковицы не занимались. Тутовых плантаций, как таковых, не существовало. Для выкормки шелкопряда использовались листья дикорастущих тутовых деревьев, прижившихся вдоль арыков, по обочинам дорог, у жилищ и т. д. Только после революции в Средней Азии, в том числе и в Каракалпакии, стали создаваться специальные тутовые плантации и питомники.

*Тутты вегетатив усылда көбейтiу* (СД)//*тутни вегетатив усулда кунпайтирув* (ЮД) 'вегетативное размножение шелковицы'. Вегетационное размножение тутовых деревьев производится путем скрещивания тутовых деревьев, прививкой саженцами.

Трудовые процессы по разведению тутовых плантаций обозначаются в шелководческой профессиональной лексике каракалпакского литературного языка такими терминологическими сочетаниями, как *нэл плантацияларын дузиу* 'закладка плантаций саженцев', *нэл плантациясында алмаслап егийу* 'севооборот на плантации саженцев', *тутзарларды дузиу* 'закладка тутовых плантаций' и т. д.

Наибольшее распространение получили термины и терминологические сочетания, связанные с процессом завивки коконов шелколичными червями и сбором коконов, например: *пилле орайу* (СД)//*пилла ураш* (ЮД) 'завивка коконов'; *пилле терийу* (СД)//*пилла терув* (ЮД) 'сбор коконов' и т. д.

Для каракалпакской шелководческой терминологии характерны нижеследующие словосочетания.

1. Термины-словосочетания, представляющие собой сочетание двух существительных. Такие термины-словосочетания обозначают: названия хозяйственных подразделений в шелководстве (*жипекшилик бригадасы* 'шелководческая бригада'), материал, из которого изготовлена какая-либо вещь [*жипек кийим* (СД), *йипек кийим* (ЮД) 'шелковая одежда'], вид насекомых (*жипек куртты* 'шелковичный червь'), определенный цикл



развития шелковичных червей (*вегетация дэуири* 'вегетационная стадия'), части организма тутового шелкопряда (*нерв системасы* 'нервная система') и т. д.

2. Термины-словосочетания, образованные сочетанием трех существительных. Этими терминами-словосочетаниями обозначаются экономические показатели в шелководстве (*жипекшилик мийнет өнімдарлығы* 'производительность труда в шелководстве', *жипекшилик рентабельлик дәрежеси* 'уровень рентабельности шелководства'), качество коконов (*пилле санаат сортлары* 'промышленные сорта коконов'), отрасли шелководческого хозяйства (*жипекшилик азық-ауқат базасы* 'кормовая база шелководства'), прогрессивные методы ведения шелководческого хозяйства (*жипекшилик хожалық есабы* 'хозяйственный расчет в шелководстве'), должности руководящих работников в шелковом производстве (*жипекшилик бригадасы баслығы* 'бригадир шелководческой бригады') и т. д.

3. Термины-словосочетания, образованные сочетанием отглагольного имени с существительным. Эти термины обозначают чаще всего названия различных шелководческих учреждений, ирригационных систем, стадий выращивания тутового шелкопряда. Например: *сынау станциясы* 'испытательная станция', *қабыллай пункти* 'приемный пункт', *суғғарыу системасы* 'оросительная система', *жанландырыу дэуири* 'стадия оживления (грен)' и т. д.

4. Термины-словосочетания, образованные сочетанием прилагательного с именем существительным. Они обозначают: а) фактуру или окраску шелковой ткани, из которой изготовлена одежда и ее детали, постельные принадлежности: *атлас көйлек* 'атласное платье', *жипек астар* 'шелковая подкладка', *шайы көрпе* 'шелковое одеяло'; б) цвет шелковой ткани: *лаплама шайы* 'ярко-пурпурный шелк', *сары шайы* 'желтый шелк', *көк шайы* 'голубой шелк', *ақ шайы* 'белый шелк', *көк атлас* 'голубой атлас', *ақ атлас* 'белый атлас', *қара атлас* 'черный или темный атлас'; в) окраску, величину и форму коконов: *ири пилле* 'крупный кокон', *майда пилле* 'мелкий кокон', *орташа пилле* 'средний кокон', *ақ пилле* 'белый кокон', *сары пилле* 'желтый кокон', *домалақ пилле* 'шаровидный кокон', *суйри пилле* 'продолговатый кокон', *жалпак пилле* 'плоский кокон'; г) виды плодов (ягод) шелковицы: *ақ тут* 'белый тут', *қара тут* 'черный тут'.

Иные из этих терминов-словосочетаний обозначают понятия, связанные с экономикой шелководства. Например: *мол табыс* 'богатый доход', *жыллық план* 'годовой план', *жыллық баланс* 'годовой баланс', *сапалық көрсеткіш* 'качественные показатели'. В данном случае с существительными сочетаются чаще всего относительные прилагательные.

5. Термины-словосочетания, образованные по модели существительное+прилагательное+существительное. Образованные по этой модели термины-словосочетания обозначают степень урожайности коконов (*пиллениң мол зурээти* 'высокий урожай коконов'), сортность коконов (*пилле агла сорты* 'высший сорт коконов'), стадии развития тутового шелкопряда (*туқымның инкубациялық дэуири* 'инкубационная стадия грен'), различные экономические показатели шелководства (*пиллениң сапалық көрсеткішлери* 'качественные показатели коконов') и др.

6. Термины-словосочетания, образованные по модели существительное+существительное+глагол. Эти термины обозначают трудовые процессы, действия, связанные с шелководством. Например: *жипек куртлары бағыу* 'выкормка шелковичных червей' *жипектен кийим тигиу* 'соткать одежду из шелка', *куртхананы дезинфекция етиу* 'дезинфицировать

червоводню', *пиллени сортларға ажыратыў* 'делить коконы на сорта', *курттың пилле орайы* 'завивка коконов шелкопрядом', *пилле сортларын районластырыў* 'районировать сорта коконов', *тут жапырағынан пайдаланай* 'использовать тутовые листья' и др.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Профессиональная шелководческая терминология составляет древний пласт лексики каракалпакского литературного языка и состоит преимущественно из исконных каракалпакских слов.

2. Большая часть терминов, употреблявшихся некогда в связи с изготовлением тканей, одежды и других шелковых изделий, с использованием старинных орудий труда, выпала из лексического состава современного каракалпакского языка. Эти термины представляют собой ценный материал для изучения этнографии и истории каракалпакского народа, а также для составления толковых терминологических словарей.

3. Шелководческая профессиональная лексика каракалпакского языка продолжает интенсивно пополняться и обогащаться терминами и терминологическими сочетаниями, отображающими преобразования в области шелководства, внедрение передовых методов ведения хозяйства и новой технологии.

---

И. Л. КЫЗЛАСОВ

## ТУГУТЮПСКАЯ СТЕЛА С ДРЕВНЕХАКАССКОЙ ЭПИТАФИЕЙ

В 1968 году в Красноярском краевом музее Л. Р. Кызласовым была осмотрена плита девонского песчаника (длина около 1,2 м, ширина около 0,5 м, толщина около 15 см). На боковых гладких, узких гранях плиты имелась четкая руническая надпись. Тогдашний директор музея З. К. Глусская сообщила, что плита была обнаружена в конце 50-х годов при сносе сарая, находившегося во дворе музея. Происхождение памятника в ту пору было неизвестно. Сделав прорисовку надписи (рис. 1А, 2А), Л. Р. Кызласов позднее установил, что музейная плита является частью стелы, привезенной в 1904 году в Красноярск А. В. Адриановым. В архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета сохранилась рукопись А. В. Адрианова «Писаницы (Отчет за 1904 год)», написанная им в Томске в 1906 году. В ней приведена прорисовка текста того же памятника (рис. 1Б, 2Б)<sup>1</sup>. Памятник нами публикуется впервые.

В отчете А. В. Адрианова каждый описанный им памятник получил римский порядковый номер, был эстампирован и сфотографирован. Интересующая нас надпись значится под номером XXII и именуется «Писаница Тугутюпская». Автор сообщает о ней следующее:

«Это совершенно новая писаница, о которой не только в литературе нет никаких сведений, а даже в опросных записях Минусинского музея и в разных сведениях и летучих заметках, какие делаются любителями археологии, собирающими чудские вещи, ничего не упоминается. Между тем, этот памятник замечателен в разных отношениях, и будь он открыт раньше, он имел бы популярность большую, нежели „камень Штраденберга“. До настоящего времени отдельные камни с руноподобными надписями севернее р. Теси не встречались; обычным местом их нахождения была Абаканско-Уйбатская степь и места к югу от нее, до подошвы Саянов, т. е. до 54 параллели.

Новая же руноподобная писаница найдена около 200 верст севернее, на 55 параллели, близ границы Минусинского и Ачинского уездов. В 1904 г. один из моих сотрудников-корреспондентов по собиранию материалов для археологической карты Енисейской губ., Б. Н. Туров сообщил первые сведения об этом камне, отысканном им на основании расспросов крестьян при его служебных поездках, дал описание его и копию с небольшой части надписи, не оставлявшую сомнения в том, что мы имеем здесь дело с новым памятником руноподобного письма. И летом того же 1904 г., отправляясь в Минусинский уезд для работы по исследованию писаницы, я решил непременно осмотреть и этот памятник, сделав нарочитую поездку, так как он находился вне района работ, намеченного для этого лета.

По дороге из дер. Янковой Новоселовской волости (что стоит на левом берегу Енисея, в 4 верстах выше с. Новоселовского) в Кугунек, в расстоянии около 10 в. от Янковой, раскидывается ровная степь, с севера и с востока отрезанная глубоким логом, известным под названием Сухой Борозды. Устье этого лога выходит по Енисею около дер. Кокоревой; в верхней части Сухая Борозда носит название Тугутюп. На 10-й, приб-

<sup>1</sup> Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, инв. № 55, рис. на стр. 145 и 146.

лизительно, версте от д. Яновой в направлении SO—235°, а от обрыва Сухой Борозды или Тугутюпа в 163 шагах в направлении NO—282°, влево от дороги и стояла однокладная плита, обращенная узкими боками на восток (по борозде) и на запад, а широкими на N (NO—345°) и S. Плита из красного, слоистого, волнистого, щелеватого песчаника. Она была вкопана в землю на глубину аршина и с широких боков укреплена в земле плитками. По стени и вообще в этой местности встречается много курганов, но в ближайшем от плиты расстоянии нет ни одного из них.

Интересуясь знать, где была добыта плита, я осмотрел Сухую Борозду, в крутых бортах которой виднелись выходы породы. В ближайшем расстоянии от плиты, по востoku, был очень крутой и высокий борт Борозды, сложенный из серого, довольно плотного песчаника, породы гораздо более прочной, чем плита. Шагах в 300 к северу от плиты, в левом борту и на дне Борозды находились выходы красного песчаника, точно такого же, как и плита, — очевидно, она здесь и была добыта. Почему было отдано предпочтение менее прочной породе и с более далекого расстояния? Может быть, решающее значение имело удобство добычи и вывозки плиты по более пологому и низкому правому борту Борозды, а, может быть, и цвет породы.

Осмотрев плиту и сделав необходимые записи, я не стал делать ни эстампажа, ни фотографий, а решил тотчас же выкопать ее и увезти на особой подводе до парходной пристани и привел это намерение в исполнение. К моему прискорбию, не все вышло так, как я хотел. Нам удалось благополучно выкопать и погрузить плиту на дроги и доставить ее на лошадях верст за 20 к пристани, которая находится ниже Новоселовой верст 5. Но пошедший дождь сделал очень скользкими и подвезд к пристани и самые дроги и те жерди, на которые пришлось опускать плиту с дрог на усыпанный галькой берег. Несмотря на принятые предосторожности, на то, что с одной стороны экипажа были сняты колеса, более тяжелый конец плиты соскользнул с подложенной жерди, упал на землю и плита переломилась пополам. Пароход доставил в Красноярск в Музей отдела Географического Общества две половины плиты.

Первоначально они были уложены перед входом в Музей на помосте парубинной (? — И. К.) галереи здания. Здесь ученики народных училищ, помещающихся в одном за музеем здании, одну половину плиты сбросили с галереи вниз и разбили ее на две части; по счастью, отломилась часть, находившаяся в земле на месте первоначальной установки плиты и не содержащая надписи. Во всяком случае, можно только пожалеть, что мы не сумели обойтись с этим драгоценным памятником древности с той бережливостью, к какой он обязывает. Теперь оба куска плиты внесены в одну из зал музея и надо желать, чтобы они не подвергались никаким случайностям.

Общая длина этой плиты 309 сантим., ширина внизу 70 стм., сверху 46 стм., толщина неодинаковая на всем протяжении плиты от 11 до 15 стм. На обоих узких боках плиты находится руноподобная надпись, тогда как на широких сторонах нет никаких следов выбивки. На узком ребре, обращенном к востоку, когда плита стояла вкопанной на месте, надпись состоит из 59 знаков, размещенных в одну строку, длиною в 2 метра. Буквы вырезаны особой манерой, ни разу мне не встречавшейся: они вырезаны очень неглубоко, но широким (до 4 миллим.) и глубокоим штрихом, с отвесными с обеих сторон бортиками, что делает буквы весьма отчетливыми; этой отчетливости способствует величина букв, высота которых от 3,5 до 5—6 сантим. Надпись с этого бока эстампирована под XXII<sub>1-2</sub> и фотографирована (№ 97), но неудачно. Поэтому, считаю не лишним привести и тот карандашный рисунок, который был сделан мною на глаз, когда плита была вынута, начиная снизу, от левой руки к правой (на рисунке в рукописи строка изображена вверх ногами, поэтому указано такое направление. Эта прорисовка — основа для рис. 1Б. — И. К.).

На противоположном узком ребре (западном), с наветренной стороны, находится другая надпись, также расположенная в одну строку в 205 стм. длиною и состоящая из 66 букв (и частей их). В этой строке буквы вырезаны менее тщательно, они тоньше, неодинакового роста, вырезаны неровно и расположены в строке менее симметрично; возможно, что писавший считался с щелеватостью породы. Весь этот бок был сплошь затянут лишайниками, которые пришлось удалять кислотой и щеткой. Здесь надпись также копировалась от руки, слева направо, с нижнего конца плиты. Она эстампирована на XXII<sub>3-4</sub><sup>2</sup>. (Далее следует прорисовка—основа рис. 2Б. — И. К.)

Таким образом, в зале Красноярского музея экспонируется только часть тугутюпского памятника<sup>3</sup>. Сопоставление ее текста с прорисовкой

<sup>2</sup> А. В. Адрианов. Писаницы (Отчет за 1904 год), стр. 142—146.

<sup>3</sup> Перевозку памятника в Красноярск подтверждает и письмо А. В. Адрианова в Археологическую комиссию от 10 сентября 1904 года: «Одиноко стоявшая плита на Сухой Борозде, в 15 верст. от с. Новоселовского с узких боков покрыта отлично вырезанною руническою надписью — это самый северный пункт, где найдены подобные надписи. Плита эта мною выкопана и увезена и в настоящее время находится в Красноярске, в музее Подъотдела Географического Общества...» (Архив Ленинградского отделения Института археологии, д. № 33, 1903, лист 28).

А. В. Адрианова (рис. 1 и 2) показывает, что это лишь третья часть стелы. Выясняется также и ошибочность утверждения, что на одной из отколовшихся в Красноярске частей плиты рунического текста не было (на первоначальной прорисовке строки продолжают в обе стороны экспонирующегося куска плиты).

Судя по инвентарной книге, в музее хранится и второй обломок стелы: в коллекции 8 («А. В. Адрианов. Минусинский уезд») под № 4 значится «руноподобная надпись с р. Тугутюпа (разбит на три части)», однако в месте хранения («под стелажом») отмечен только один кусок плиты<sup>4</sup>. Нижний обломок, согласно отчету самого А. В. Адрианова, вероятно, не был принят на хранение. Вторую часть памятника по независящим от нас причинам нам увидеть не удалось<sup>5</sup>.

Предварительный вариант прочтения и перевода тугутюпской надписи основан на имеющихся прорисовках. Выставленная в зале часть (в прорисовке Л. Р. Кызласова — рис. 1А и 2А) читается без труда. По причине некоторой неточности в передаче отдельных слов, допущенной А. В. Адриановым, написание ряда слов в начале и в конце надписи приходится реконструировать. Бесспорное прочтение начинающих текст знаков в обеих строках весьма затруднительно. Вероятно, в прорисовке А. В. Адрианова не нашли отражения плохо сохранившиеся или исчезнувшие совсем первые руны, и начальные слова поэтому переданы не полностью.

### Восточная сторона

#### Транскрипция:

...jyta (?) : qan budunyma : jyta : qalyn qadašymqa : bökmädim : ä sizä : oylumqa jutuzumqa (?) bö(kmädim)...

#### Перевод:

«...увы (?), имеющим хана моим народом, увы, многочисленными моими товарищами я не наслаждался. Вами, мои сыновья и жены (я не наслаждался)».

Первые три буквы в строке можно было бы прочесть как küñ 'рабыня, служанка'<sup>6</sup> — слово, встречающееся в енисейских эпитафиях в перечне тех, кого оставил умерший<sup>7</sup>. Однако упоминание о рабынях перед народом (budun) и товарищами (qadaš) умершего в подобного рода перечислениях еще не встречалось. Заметим, впрочем, что схема упоминания в енисейских эпитафиях тех, с кем расстается умерший, еще не исследована, и поэтому говорить о точной позиции каждого компонента такого перечня, равно как и о его общей логике и значении, преждевременно. В публикуемой надписи термины budun и qadaš, выражающие понятия социального плана, предшествуют oylu и jutuz, обозначающим членов семьи умершего. Уже это не позволяет видеть в самом начале

<sup>4</sup> Красноярский музей. Инвентарная книга «По описи коллекций археологии» (копия № 1).

<sup>5</sup> Учитывая труднодоступность хранящихся в Красноярском музее памятников, приведем полностью их перечень (по указанной инвентарной книге). Коллекция 8: № 2 — «Плита с руноподобной надписью на изломе (состоит из двух половин), г. Тепсей — 1 экз. — шк. 5»; № 3 — «Руноподобная надпись на изломе песчаника на утесе г. Тепсей, на прав. бер. р. Тубы в 5 вер. от устья ее — 1 экз. — шк. 5»; № 5 — «Руноподобная надпись с г. Тепсей (№ 3)» — кор. 127; №№ 9—12 — Эстампажи с руноподобных надписей на г. Тепсей, с утеса Турана, с плиты по Уйбату (близ ул. П. Чиркова) и с камня у д. Означенной (оригиналы двух последних в Минусинском музее. — И. К.); №№ 250 и 261 — Куски писаниц с Тепсей и устья Тубы. Голова изваяния с оз. Ачик-Куль — см.: И. Л. Кызласов, Н. В. Нащокин. Изваяние с енисейской надписью с оз. Ачик-Куль (Хакасия). — «Советская археология» (в печати).

<sup>6</sup> «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 328.

<sup>7</sup> С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 76, Е42.

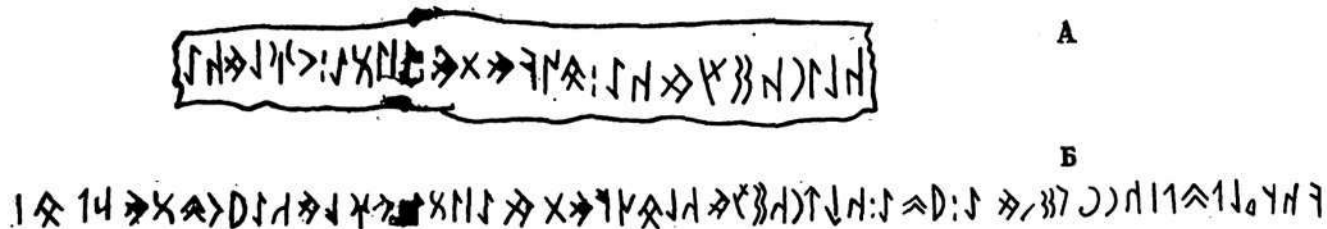


Рис. 1 — Тугутюпская стела. Надпись на восточной грани. Прорисовка Л. Р. Кызласова (А) и А. В. Адрианова (Б).

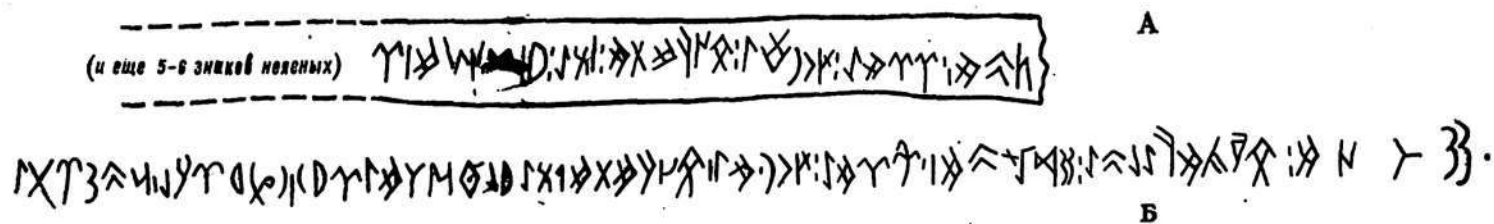


Рис. 2 — Тугутюпская стела. Надпись на западной грани. Прорисовка Л. Р. Кызласова (А) и А. В. Адрианова (Б).

текста слово *kīŋ*. Стоящие за этими тремя буквами руны в том виде, в каком они представлены на прорисовке, в данном контексте точно прочесть не удастся. Можно предположить, что здесь было начертано междоиме *jūta* 'увы'. Следующий за ним вертикальный штрих, возможно, соответствует в прорисовке словоразделительному двочетью (ср. такую же его передачу А. В. Адриановым на западной грани памятника — рис. 2Б).

Все остальное читается удовлетворительно. Словосочетание *qaŋ bidunup* переводится нами как «имеющий хана мой народ», то есть *qaŋ* выступает как определение к *bidunup*. Мы исходим здесь из того, что в древнехакасских эпитафиях во всех случаях слово, предшествующее *bidun*, служит определением к нему<sup>8</sup>. К тому же в данном тексте у *qaŋ* отсутствует показатель падежа, что не позволяет считать его самостоятельным компонентом в перечне слов, связанных с глаголом *bōk*. Обращает на себя внимание и наличие определения *qaŋup* у слова *qa-dašup*, выступающего в паре с *bidunup*. Просвет между рунами *m* и *a* в слове *bidunupa* позволяет предположить здесь написание аффикса дательного падежа не как *-a*, а как *-qa*. Хотя в большинстве енисейских памятников в подобных случаях (после аффикса *-ym/-im*) дательный падеж обозначается через *-a* (E11, E1012, E114, E422, E431, E491) известен и один случай с *bidunupqa* (E277)<sup>9</sup>.

В данном памятнике мы вновь встречаемся с довольно редким явлением — после глагола следует руна *a*: *bōkmādim ā* (рис. 1А, Б). До сих пор подобное использование этого знака было отмечено лишь в надписи на стеле с р. Бегире (E11)<sup>10</sup> (мы исключаем случаи, когда руна *a* служит словоразделителем или является междоимием и употребляется с именами существительными<sup>11</sup>). В позиции после глагола эта руна, вероятно, подчеркивала конец предложения, завершение мысли или ее самостоятельной части. Сравнение с диалектными особенностями современного хакасского языка убеждает в том, что в такой позиции знак имел и звуковое содержание<sup>12</sup>. Все это позволяет поставить здесь в переводе точку, начав следующую часть текста новым предложением и с большой буквы.

*Oŋlupqa jutuzupqa* можно перевести не только как «моими сыновьями и женами», но и в единственном числе — «моим сыном и женою». Тогда *sizā* 'вами' будет суммарно относиться к обоим этим словам. Термин *jutuz* (или *jotuz*) довольно редко встречается в енисейских текстах. Известен только еще один случай его употребления в первом памятнике из Кызыл-Чираа (E431), где он написан совершенно так же<sup>13</sup>. Однако там дательный падеж выражен аффиксом *-a*, а в тугутупской надписи, судя по прорисовке А. В. Адрианова (рис. 1Б), наиболее вероятно *-qa*. Дательный падеж в словах *oŋlupqa* и *jutuzupqa* позволяет предположить, что два последних знака строки — начало глагола *bōkmādim*.

<sup>8</sup> С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 105.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же, стр. 30—34.

<sup>11</sup> Там же, стр. 101; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 353; «Древнетюркский словарь», стр. 1.

<sup>12</sup> М. И. Боргояков. Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 185—186.

<sup>13</sup> С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 79.

## Западная сторона

Транскрипция:

...eb (?) ečimkā (?) jyta (?) : adyryltym : er er(dā)mā : ašunyma : bökmādim :  
sizä jalynuz (?) elimā er jayuz jerkā : (?) ar (?) at (?) anča (?) erdi.

Перевод:

«...от домочадцев (?) и моих старших братьев (?), увы (?), я отделился; геройской доблестью, моей земной жизнью я не наслаждался; вами — моим единственным (?) элем и ... бурой землей (я не наслаждался). Рыжих (?) коней (?) было столь много (?)».

Как и в предыдущей строке, начальные знаки прочесть не удалось. Прежде всего не ясно, полностью ли зафиксированы на прорисовке слова — между знаками оставлены просветы, а руны принадлежат к разным рядам. Предложенное прочтение и перевод знаков, заключенных между первыми словоразделительными знаками, следует считать лишь одной из возможных версий. Трудно сказать, каково звуковое значение второго (после  $b^2$ ) знака этой группы. Видимо, воспроизведение его неточно. Читая здесь jyta, мы исходим из предположения, что руна  $j^1$  также не зарисована полностью. Следует заметить, что в прорисовке этой строки А. В. Адриановым было вообще допущено значительно большее число отклонений от истинного начертания рун. Лишние штрихи в их начертании, вероятно, обязаны своим происхождением повреждениям поверхности камня.

Adyryltym восстанавливается уверенно. Читая er er(dā)mā, приходится допустить, что автор надписи пропустил руны  $d^2$ . И если настаивать на таком прочтении нельзя, то об отсутствии этого знака в тексте можно говорить уверенно (рис. 2А, Б). Впрочем, подобное написание слова erdām известно по ранее опубликованной эпитафии из Малиновки<sup>14</sup>.

Наибольшее внимания в тугутюпской эпитафии заслуживает слово ašup. Заимствованное тюркоязычными народами из согдийского языка, оно употреблялось в значении «мир, свет; земля» и «жизнь земная (в противоположность неземной)»<sup>15</sup>. (Буддийское содержание термина в этом случае нельзя учитывать, ибо оно противоречит контексту памятника и историческим данным о древнехакасском государстве). В древних тюркских языках наиболее распространенными формами слова были: ašup, azup, ažup. Вместе с тем употреблялась и более редкая форма ašup, то есть такая же, как в нашем памятнике<sup>16</sup>.

По нашим сведениям, в рунических памятниках этот термин до сих пор не встречался. Однако включение его в енисейский текст не удивляет. Здесь он служит подтверждением хорошо известного факта о принятии древнехакасскими феодалами манихейства, отразившегося и в лексике рунических памятников (tag, bag)<sup>17</sup>. Употребление термина в значении «земная жизнь» с несомненностью указывает на его религиозное содержание. Значение термина ašup состоит в данном случае и в том, что он позволяет относить тугутюпскую надпись к периоду позднее середины IX века, когда древними хакасами было принято манихейство<sup>18</sup>.

Окончание строки представлено лишь прорисовкой А. В. Адрианова, и ее прочтение вызывает ряд трудностей. Так, прочтение jalynuz elimā является лишь возможным вариантом трактовки этой части текста. В

<sup>14</sup> И. Л. Кызласов. Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува). — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 75, 77.

<sup>15</sup> «Древнетюркский словарь», стр. 6, 73, 74.

<sup>16</sup> Там же, стр. 64.

<sup>17</sup> Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 127—128.

<sup>18</sup> Там же



надписи Кули-Чура (строка 23) *jalunus* встречается в значении «только один»<sup>19</sup>. В качестве определения к слову *el* этот термин, насколько нам известно, в рунических текстах не встречается. Однако такое его употребление не противоречит общепринятому пониманию термина *el* в древних тюркоязычных памятниках<sup>20</sup>.

Прочтение следующего словосочетания *jaγuz jerkä* вполне вероятно. В рунических памятниках *jaγuz* уже встречалось в качестве определения к *jer* (памятник Кюль-Тегину, Большая надпись, первая строка)<sup>21</sup>. Это выражение обычно переводится как «бурая земля»<sup>22</sup>. В древнехакасских письменных памятниках *jaγuz* было отмечено лишь однажды в надписи второй половины IX века в составе имени *Jaγuz čur*<sup>23</sup>. Руны *z* (в слове *jaγuz*) и *j<sup>2</sup>, k, ä* (в слове *jerkä*) в прорисовке переданы не совсем ясно. Предложить удовлетворительное прочтение предшествующей этому словосочетанию руны *r<sup>2</sup>* нам не удалось. По всей видимости, она является частью сложного определения к слову *jerkä*.

После *jerkä* в оригинале надписи, вероятно, следует словоразделитель — двоеточие. В завершающих строку рунах совершенно определено различается *erdi* — форма прошедшего времени (в третьем лице единственного числа) глагола *er-* «быть, находиться»<sup>24</sup>. Обычное написание этого слова в енисейских надписях — *erti* (E26<sub>7</sub>, 8; E32<sub>3</sub>, 15, 16; E33<sub>3</sub>; E37<sub>2</sub>; E47<sub>6</sub>; см. также E1<sub>2</sub>, E47<sub>5</sub> и E48<sub>6</sub>), но известны и озвонченные варианты (E6<sub>3</sub> и E10<sub>8</sub>, 10)<sup>25</sup>. Предшествующие глаголу три руны надписи предположительно прочитаны нами как *ar at apča*, где *ar* «рыжий, бурый, красноватый»<sup>26</sup> и понимается как определение конской масти. Настаивать именно на таком прочтении мы не беремся. Можно сравнить последние слова строки с известной в очурском тексте фразой *jerdeki tamqaluy jylqu buγsy (z erti)* «находящийся на земле отмеченный там-гой скот был без числа»<sup>27</sup>.

Таким образом, Тугутюпская стела важна для науки не только как наиболее северная из известных древнехакасских эпитафий. Благодаря особенностям лексического состава надписи, указывающего на знание местным населением в IX—X веках согдийских по языку и манихейских по содержанию привозных книг, она еще раз подтверждает уже известные факты проникновения в Хакасско-Минусинскую котловину одного из религиозных учений средневекового Востока.

<sup>19</sup> С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 26, 28.

<sup>20</sup> «Древнетюркский словарь», стр. 168.

<sup>21</sup> С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности.

<sup>22</sup> «Древнетюркский словарь», стр. 225.

<sup>23</sup> В. М. Наделяев. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР. — «Бронзовый и железный век Сибири». Новосибирск, 1974, стр. 163—166 (этническое определение дано по тамге этого текста. — И. К.).

<sup>24</sup> «Древнетюркский словарь», стр. 175.

<sup>25</sup> С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. В публикуемой надписи это озвончение интересно сопоставить с употреблением глухого варианта аффикса в выражении *adyγultum* на той же западной грани. В указанной работе С. Е. Малова употребление глухого варианта аффикса с этим глаголом зафиксировано на десяти памятниках (E 3, 10, 15, 17, 19, 27, 42, 43, 44 и 49), звонкого — тоже на десяти (E 5—9, 11, 13, 14, 25, 44).

<sup>26</sup> «Древнетюркский словарь», стр. 50.

<sup>27</sup> С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 49.

Х. ХАМИДОВ

## ОБ ИЗУЧЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Изучение письменных памятников каракалпакского языка имеет сравнительно короткую историю.

Первые попытки собирания материалов по каракалпакскому языку, связанные с записями произведений устного народного творчества, их публикацией и последующим изучением, относятся к концу XIX и началу XX века. В 1895 году собирателем казахского фольклора А. Диваевым был записан арабским письмом каракалпакский героический эпос «Алпамыс-батыр», услышанный им от сказителя, жителя Турткульской волости Амударьинского отдела Джиямурада Бекмухаммедова, изданный впоследствии в Ташкенте<sup>1</sup>. В тот же период А. Диваев записал тем же письмом текст каракалпакского героического эпоса «Шура-батыр», опубликованный в переводе на русский язык уже после Октябрьской революции<sup>2</sup>.

Эпические произведения устного народного творчества, подобные «Алпамыс-батыр», с момента их записи и последующего опубликования становятся уже памятниками письменности, отражающими особенности языка времени их фиксации. Таким образом, текст записанного варианта каракалпакского эпоса «Алпамыс-батыр» является одним из важных письменных источников, содержащих ценные сведения по истории каракалпакского языка<sup>3</sup>.

При записи и особенно публикации текста эпоса А. Диваев обратил внимание на то, что его язык заметно отличается от современного казахского языка и изобилует значительным количеством арабских и персидских заимствований<sup>4</sup>, характерных для памятников старокаракалпакской письменности дооктябрьского периода<sup>5</sup>.

При подготовке текста к изданию А. Диваев снабдил его лексикограмматическими комментариями этимологического характера: исто-

<sup>1</sup> А. Диваев. «Алпамыс-батыр», киргизская поэма, записанная каракалпаком Турткульской волости Аму-Дарьинского отдела Джиямурадом Бекмухаммедовым. — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. X. Ташкент, 1902, стр. 1—88.

<sup>2</sup> А. Диваев. Шура сын Нарик-батыра, каракалпакская былина Аму-Дарьинского отдела. — «Труды Общества изучения Киргизского края», выпуск III. Оренбург, 1922, стр. 117—126.

<sup>3</sup> Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952, стр. 11; Қ. Аимбетов. Алпамыс дәстанының Жиемурат жырау варианты тууралы. — Журн. «Амударья», 1958, № 6. Некис, стр. 118.

<sup>4</sup> А. Диваев. «Алпамыс-батыр»... Указ. сборник, стр. 2.

<sup>5</sup> Н. А. Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слов. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», часть IV. Лексика. М., 1962, стр. 76.

рико-географическими толкованиями таких названий, как «Джидал-Байсун», разъяснением слов иноязычного происхождения, как, например, *پير* *пир* 'старик', *قلندر* *қаландар* и *خانہ قلندر خانہ* *қаландар-хана* 'место жительства дервишей', *غایب ایران* *гаиб эран*, *خضر* *хызыр*, *ارواح—ارواح* *арўаҳ* 'души святых', *سنی* *сүнни* и др. В своих комментариях к этим словам А. Диваев ссылается на известный словарь Л. З. Будагова.

Этого же принципа придерживался А. Диваев и при издании русского перевода текста каракалпакского эпоса «Шура-батыр».

Советские ученые, занимавшиеся изучением каракалпакского языка, его говоров и диалектов, а также фольклора и письменных памятников, были первыми исследователями указанных эпических произведений. Автор капитальных работ по каракалпакскому языку Н. А. Баскаков одним из первых отметил, что «опубликованные А. Диваевым тексты эпических сказаний в арабской транскрипции, несмотря на несовершенство арабской графики и традиции старого письменного языка его корреспондента каракалпака Джиямурада Бекмухаммедова, все же отражали некоторые характерные черты каракалпакского языка, например, чередование *й* и *дж* в начальной позиции: *يول* || *جول* 'дорога'; соответствия *ш* и *с*: *باش* || *باس* 'голова'; соответствия сочетаний „чагатайского *огь* и каракалпакского *ув*: *تودی* || *توغدی* 'он родился'"; аффикс исходного падежа староузбекского *-дин* и каракалпакского *-дан*: *دان* || *دين*; аффикс деепричастия прошедшего времени *-ул* и *-ыл*: *الب* || *الوب* 'взяв' и пр. Таким образом, тексты А. Диваева, в отличие от отдельных каракалпакских примеров Г. Вамбери и переводов Риза-Кули-Мирзы и А. Россиковой, позволяли уже в большей мере судить как об особенностях языка, так и о характере каракалпакского фольклора»<sup>6</sup>.

Тексты записей упомянутых эпических произведений стали в дальнейшем объектом исследования каракалпакских фольклористов К. Аимбетова, И. Сагитова, К. Максетова и др.

К. Аимбетов в своих работах<sup>7</sup>, занимавшийся литературоведческим анализом текстов, не оставил без внимания и их язык. Он высказал мнение, что язык их является исконно каракалпакским с некоторыми элементами староузбекского языка. В подтверждение этого им приводятся соответствия согласных *с ~ ш*, *ж ~ й* и т. д. в ряде слов.

И. Сагитов также отмечает, что язык текстов каракалпакский, однако испытавший влияние узбекского языка, на что указывает наличие в нем, по его выражению, «слов йокающего диалекта»<sup>8</sup>.

Обстоятельнее других язык каракалпакского эпоса исследовал К. Максетов. Он отмечает ряд фонетических особенностей языка дореволюционных записей «Алпамыс-батыр» и «Шура-батыр», ссылаясь в основном на факты, приведенные Н. А. Баскаковым. Однако утверждение К. Максетова о том, что арабский текст эпоса «Шура сын Нарик-батыра» был опубликован в четвертом томе сборника «Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» в Ашхабаде в 1922 году, неверно<sup>9</sup>. В действительности русский перевод текста поэмы «Шура сын Нарик-батыра» был опубли-

<sup>6</sup> Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 11.

<sup>7</sup> К. Аимбетов. Указ. раб.; его же. Халық даналығы. Нөкис, 1968, стр. 85—90.

<sup>8</sup> И. Т. Сагитов. Қарақалпақ халқының қағарманлық эпосы. Нөкис, 1963, стр. 199.

<sup>9</sup> К. Максетов. Қарақалпақ қағарманлық дастанларының поэтикасы. Тошкент, 1965, стр. 12—13.

дован не в Ашхабаде, а в Оренбурге, и не в четвертом томе «Протоколов», а в третьем выпуске сборника «Труды Общества изучения Киргизского края».

Одновременно эти произведения изучались и в лингвистическом плане<sup>10</sup>.

После А. Диваева сбором материалов по каракалпакскому языку стали заниматься и русские ученые. Как отмечает Н. А. Баскаков, «более точными по транскрипции из опубликованных до революции каракалпакских текстов, впрочем, также на арабской графике, являются образцы... эпоса и преданий каракалпаков с переводом на русский язык И. А. Беляева, студента факультета восточных языков Петербургского университета, изучавшего в 1903 г. каракалпакский язык непосредственно у каракалпаков в Нукусе и Чимбае»<sup>11</sup>.

К. Аимбетов и И. Сагитов отметили также явные следы влияния на язык текстов южного диалекта каракалпакского языка<sup>12</sup>.

К. Максетов, специально изучающий языковые особенности дореволюционных записей и изданий каракалпакского эпоса, главным образом текста эпоса «Ер Қоблан», записанного И. А. Беляевым в 1903 году, в качестве «особо интересных явлений» в языке последнего эпоса отмечает наличие в нем несвойственных современному каракалпакскому литературному языку и его орфографическим нормам соответствий звуков *ж~й, й~ж*, а также некоторых форм ладежных аффиксов и служебных слов, таких, как *-дан/-дэн, -дын/-дин, -ның/-ниң, билэн*<sup>13</sup>.

Языку каракалпакских эпических произведений К. Максетовым посвящается специальная глава, в которой делается им не совсем удачная попытка проанализировать их языковые особенности и принципы передачи каракалпакских звуков арабским алфавитом<sup>14</sup>. К. Максетовым рассматриваются отдельные вопросы графики и транскрипции, фонетические и грамматические особенности текста. Тем не менее и в этой работе отсутствует всесторонний лингвистический анализ текста. Имеются ошибки и в разборе особенностей арабского письма применительно к тюркским языкам, в том числе к каракалпакскому. Допущены отдельные неточности и в объяснении некоторых фонетических особенностей языка. Вызывают возражения и некоторые утверждения исследователя: правильнее считать, что соответствия *й~ж* и ряда других согласных — не только результат влияния других языков, но прежде всего фонетическая особенность самого каракалпакского языка<sup>15</sup>.

Сбором, изучением в историческом плане и публикацией памятников старокаракалпакской письменности систематически занимался С. К. Камалов<sup>16</sup>. Именно им были впервые выявлены в архивах Москвы,

<sup>10</sup> Д. С. Насыров, Х. Хамидов. Памятники дореволюционной каракалпакской письменности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1961, № 4, стр. 40—49.

<sup>11</sup> Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 11.

<sup>12</sup> К. Аимбетов. Халық даналығы, стр. 8—9; И. Т. Сагитов. Указ. раб., стр. 107.

<sup>13</sup> К. Максетов. Указ. раб., стр. 12—13.

<sup>14</sup> Там же, стр. 236.

<sup>15</sup> С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — «Каракалпакия» («Труды первой конференции по изучению производительных сил ККАССР»), т. II. Л., 1934, стр. 200; Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933, стр. 27; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 75—86.

<sup>16</sup> С. Камалов. Подлинные исторические документы о восстаниях каракалпаков 1855—1856 гг. против хивинских ханов. — «Вестник ККФАН Узбекской ССР». Нукус, 1964, № 4; его же. Новые данные о Кунградском восстании 1858—1859 гг. — «Вестник ККФАН Узбекской ССР». Нукус, 1965; его же. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968.

Ташкента и Оренбурга весьма ценные источники по истории и языку каракалпакского народа. Именно его находки положили начало специальному изучению памятников старокаракалпакской письменности.

Каракалпакскими учеными был обнаружен ряд рукописей произведений классиков каракалпакской литературы XIX века. Наряду с автором данной статьи собиранием и публикацией рукописного наследия дореволюционных каракалпакских поэтов занимались К. Мамбетназаров, К. Байниязов, К. Мамбетов, Н. Жапаков и др.

Однако следует признать, что дореволюционные каракалпакские письменные памятники все еще не стали объектом специального всестороннего лингвистического исследования.

Исключений из этого общего положения весьма немного<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> См., например: Х. Хамидов. Язык юридических документов XVIII—XIX веков и его отношение к современному каракалпакскому литературному языку. Канд. дисс. Ашхабад, 1966. Хранится в Фундаментальной библиотеке Академии наук Туркменской ССР; его же. Каракалпак тили тарийхының очерклери. Нөкис, 1974, стр. 295—339; Д. Саитов. Язык каракалпакских поэтов XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971.

РЕЦЕНЗИИ

Д. Г. ТУМАШЕВА. ДИАЛЕКТЫ СИБИРСКИХ ТАТАР  
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1977, 294 стр.

Рецензируемая монография Д. Г. Тумашевой является итогом ее многолетнего исследования диалектов сибирских татар, распространенных на обширной территории Западной Сибири.

Монография включает предисловие, введение, три основные главы, заключение, библиографию и схематическую территориальную карту татарских диалектов Сибири.

В предисловии автор отмечает, что исследование диалектов сибирских татар имеет важное значение для разрешения ряда проблем, связанных с языками сибирского ареала. Сибирские диалекты, относящиеся к смешанному типу, соединяют в себе ярко выраженные черты языков Алтая, испытавших большое влияние поволжско-татарского языка и воспринявших отдельные элементы пестрых по составу узбекских говоров (через выходцев из Средней Азии — так называемых сартов и бухарцев, с одной стороны, и узбеков времен Абдулхайра и Шейбани — с другой).

Во введении автор дает обзор истории изучения языка сибирских татар, отмечает значение работ И. Гиганова, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, В. А. Богородицкого, А. З. Залая, С. Амирова, А. П. Дульзона и др. Здесь же автором приводятся краткие исторические сведения о сибирских татарах.

История изучения языка сибирских татар делится в монографии на три периода: 1) *дорадловский*, когда европейцы главным образом знакомы с тюркскими языками Сибири и изучали их в чисто миссионерских целях; 2) период *научного* исследования татарских диалектов Сибири, начало которому было положено В. В. Радловым. Он опубликовал тексты по сибирским наречиям и использовал их фонетический материал при создании «Сравнительной грамматики тюркских языков». В. В. Радловым была разработана и первая научная классификация сибирских татарских диалектов, прочно вошедшая в научный обиход советских и зарубежных тюркологов. Выделение наречий ишимских и туринских татар, предложенное Н. Ф. Катановым, в его труде

«Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903), стало достоянием науки благодаря трудам В. А. Богородицкого, осуществившего фонетические исследования соответствующих диалектов; 3) период *становления и развития диалектологической науки* в Татарии. Так, в 1938 году Л. З. Залая впервые ввел, например, термин «восточный диалект татарского языка», тем самым выделив язык сибирских татар.

С 1956 года начали появляться работы, посвященные отдельным диалектам западносибирских татар. Особо следует отметить в этой области работы автора рецензируемой монографии.

Среди этнических групп сибирских татар Д. Г. Тумашева выделяет *бухарцев* (выходцы из Бухары, Ташкента, Ургенча, Коканда, Хивы и других городов Узбекистана) и *поволжских татар* (выходцы из бывших Казанской, Самарской, Пензенской, Нижегородской и других губерний европейской части России). Как указывает автор, по переписи 1897 года количество пришедших татар в Западной Сибири составляло 20929 человек при общей численности местных татар 42070 человек.

Татары-переселенцы, находившиеся на более высокой ступени культурного и социального развития, оказали большое влияние не только на язык, но и на весь хозяйственно-бытовой уклад и культуру местных татар.

Говоря о племенном составе этнических групп местных татар, Д. Г. Тумашева указывает, что исконные наименования сохранились у барабинских, тарских, тевризских и томских татар. Например, *барабинские татары* представляют собой этническую группу, в которую вошли племена *бараба* (или *барама*), *кълбб* (или *келема*), *ловга*, *терене* (или *тәрәнә*), *тары*, *лювей* (или *люба*), *каргалы*, смешавшиеся впоследствии с поволжскими татарами.

У *иртышских татар*, проживающих по течению Иртыша, от устья впадающей в него реки Ишим, сохранились племенные названия *курдак*, *саргат*, *аялы* и *туралы*. Прежде и их, всех относили к тарским та-

тарам по месту проживания в Тарском округе Тобольской губернии.

Не имевшие административной самостоятельности, одинаково удаленные от тогдашних торгово-экономических центров Тобольска и Тары, *теврискые татары* сохранили в течение XVII века улусно-племенную организацию и язычество. Это обусловило языковую и этническую самобытность населения этих мест, лишь в XIX веке нарушенную притоком переселенцев из Поволжья.

В отличие от теврискых татар, *тарские татары* приняли в свой состав бухарский компонент значительно раньше.

Самую многочисленную группу сибирских татар составляют *тобольские татары*. Племенных названий у этой группы татар сохранилось очень немного. В. В. Радлов приводит названия шести родов: *курдак, иштяк, токуз, чувальщик, яскалбы и нанга*. Из группы тобольских татар по этническому и языковому признакам выделяется группа *заболотных татар*. Этническое своеобразие этой группы; помимо фактора смешения с местными племенами финно-угорского происхождения, объясняется также отсутствием в её составе, в отличие от многих других групп, бухарцев и казанских татар. Это обстоятельство нашло отражение и в языке, сохранившем некоторые черты, утраченные татарами, проживающими на других территориях.

*Тюменских татар* считают первыми жителями Сибири, появившимися на реке Туре в XIII веке и основавшими здесь свое ханство. Тюменские татары раньше других сибирских татар перешли к оседлому образу жизни и назывались также *туралинскими*, а по названию реки Туры, в нижнем течении которой расположены их селения, — *туринскими*. Однако их не следует смешивать с этнической группой собственно *туринских татар*, до середины XVIII века проживавших по верхнему и среднему течению Туры. Что же касается *ишимских татар*, то они по племенной принадлежности являются куртаками, проживающими в устье реки Ишим и составляющими часть теврискых татар.

Следовательно, тюменские, тобольские, заболотные, теврискые и тарские татары по ряду существенных этнических и языковых признаков, сложившихся в результате формирования их из родственных племен и общности пришлых казанско-татарского и бухарского компонентов, а также их дальнейшего сближения, объединяются в одну группу *тоболо-иртышских татар* с собственным диалектом, образовавшимся в результате сложения основных признаков входящих в состав этой группы говоров более мелких этнических единиц.

В свою очередь, *томские татары* включают три этнические группы: *эуштинцев, чатяв* и *калмаков*, которые благодаря тесному общению образовали единый этнолингвистический комплекс.

Автор рассматривает также соотношение названий территориально-этнических и язы-

ковых групп сибирских татар, лингвистические критерии выделения диалектов; здесь же приведена таблица дифференциальных признаков диалектов и т. д.

На основе этнолингвистических признаков, исторических данных и территориального расселения сибирских татар Д. Г. Тумашева выделяет следующие диалектные единицы: 1) *тоболо-иртышский диалект*, включающий: а) тюменский говор, б) тобольский говор, в) восточнотобольский подговор, г) заболотный говор, д) теврискый диалект; 2) *тарский говор*; 3) *томский диалект*, включающий: а) эуштинско-чатский говор, орский подговор (чатов), б) калмакский говор.

Рассматривая отношение сибирско-тарских диалектов к другим тюркским языкам, автор выделяет их некоторые специфические, фонетические и грамматические признаки, определяет место сибирско-тарских диалектов в семье других тюркских языков, выявляет отношение сибирско-тарских диалектов к татарскому языку, анализирует проблему соотношения языка и диалекта, останавливается на характере языковых систем сибирских татар и т. д.

Общей особенностью вокализма сибирских диалектов исследователь считает его перемещенность от старотюркской системы гласных к поволжско-татарской. Исконный тюркский вокализм, насчитывающий восемь фонем, в наиболее «чистом» виде представлен в калмакском говоре томского диалекта.

Тоболо-иртышский диалект имеет девятифонемный состав гласных, причем поволжско-татарские черты нашли наиболее полное отражение в тюменском, тобольском и отчасти в заболотном говорах. В вокализме и других фонетических и грамматических признаках теврисккого и тарского говоров отмечаются некоторые барабинские и алтайские черты. Теврискый диалект, кроме того, имеет некоторые особенности, общие с хакасским языком. В барабинском диалекте насчитывается одиннадцать гласных фонем, что сближает его с вокализмом казахского и ногайского языков, особенно в отношении функционирования лабиализованных гласных типа широких *о, ө*, более долгих или дифтонгоидных узких *у, ү* и полужузких *о, ө*. В этом диалекте в основном еще сохраняются корневые широкие *о, ө*, тогда как корневые *у, ү* перешли соответственно в *о, ө*. Одновременно происходит расширение функций узких губных *у, ү* в аффиксальных морфемах, где они имеют большую длительность, соответствующую дифтонгоидному характеру данных гласных в казахском и некоторых других языках.

Д. Г. Тумашева считает, что эуштинско-чатский говор томского диалекта в своей традиционной системе был схолен с калмакским говором, сохраняющим восьмигласный состав вокализма.

Автор отмечает, что в отношении узких огубленных гласных в говорах тоболо-ир-

тышского диалекта не подтверждается вокализация, предложенная В. В. Радловым.

Гласный *э* имеется в говорах тоболо-иртышского и в зуштинско-чатском говоре томского диалектов, но во всех этих говорах он функционально адекватен татарскому *э*, который употребляется главным образом во втором слоге, а в первом — соответствует гласному *а* других тюркских языков.

Гласный *е* имеется в томском диалекте: наиболее последовательно употребляется он в его калмакском говоре, параллельно с *и* в зуштинско-чатском.

Отмечая переход *и* в *і*, автор указывает, что он произошел повсеместно в тоболо-иртышском и барабинском диалектах; только в томском диалекте встречается параллельное употребление *и/і*. Здесь налицо полная аналогия лабиализованным гласным: краткие лабиализованные гласные везде перешли в новые, несколько более расширенные звуки, а гласные полного образования имеют различную степень сохранности и колебаний.

Состояние гласных в сибирских диалектах в какой-то мере иллюстрирует процесс передвижения гласных и образования «смешанных» вокалических систем, характерных для кыпчакских языков.

Соответствия широких и узких гласных *о—у*, *ө—ү*, *е—и*, наблюдаемые в отдельных словах или группах слов, свойственны почти всем тюркским языкам и диалектам и относятся к типу межъязыковых и междиалектных соответствий.

В диалектах сибирских татар перебои гласных наблюдаются не только в отдельных лексикализованных случаях, неустойчивость и колебания отмечают во всей системе вокализма, что свидетельствует о продолжающемся процессе перехода. Этому в значительной степени способствует отсутствие единых речевых норм и протекания из этого подвижности языковых явлений.

Исследуя вопрос взаимодействия двух близких фонетических систем — исконной и поволжско-татарской, автор монографии отмечает, что в тоболо-иртышском диалекте возобладали поволжско-татарская система вокализма, в барабинском образовалась смешанная вокалическая система, а в томском продолжающийся процесс смешения еще не привел к стабилизации системы гласных, так что в одном и том же речевом потоке слова получают огласовку либо по традиционной системе говора, либо по поволжско-татарской.

Своеобразие системы консонантизма сибирских диалектов заключается в слабой противопоставленности согласных по глухости-звонкости и абсолютном преобладании глухих шумных над звонкими, например, в анлаутной позиции во всех диалектах возможен лишь полувзвонкий или звонкий согласный *б* с ослабленной смычкой. Его употребление в этой позиции несколько учащается в восточном направлении, становясь особенно значительным в том-

ском диалекте. В анлауте также преобладают глухие, за исключением согласных *б/в* < *б/п*, *з* < *к*, *ф* < *к*, встречающиеся параллельно с глухими. Инлаутное озвончение согласных *п*, *к*, *х* распространено в подавляющем большинстве тюркских языков и особенно в кыпчакских.

Спирантизация согласных наиболее ярко выражена в тевризском и заболотном говорах, где общетюркские *п/б*, *к/к* переходят соответственно в *ш/х*.

Озвончение согласных *с*, *ш*, *т*, характерное для алтайского, шорского, хакасского и тувинского языков, в сибирских татарских диалектах не наблюдается в той степени, в какой должно было бы наблюдаться согласно записям В. В. Радлова. Например, даже в барабинском диалекте абсолютно преобладает глухое произношение указанных согласных в инлауте, хотя отдельные случаи озвончения *с*, *ш* все же встречаются. Звук *т* всегда остается глухим. Лишь в томском диалекте и его калмакском говоре озвончение распространяется на согласные *с*, *ш*, *т* (иногда и на *ц*) и осуществляется регулярно. Следовательно, наибольшую устойчивость глухие шумные сохраняют в тюменском говоре, наибольшая степень озвончения в инлауте и употребление звонкого *б* в анлауте наблюдается в калмакском говоре. Между этими крайними точками располагаются другие диалекты и говоры с нарастанием озвончения с запада на восток.

Специфической особенностью сибирских диалектов является цоканье, заключающееся в произношении аффрикаты *ч* вместо общетюркского *ч*, арабского *ж* (через степень его оглушения — *ж* > *ч* > *ц*), согласного *ж* и даже вместо *с/з*: *кацэ/кэжэ* (< *коза*), *тирацэ/тэражэ*, *кинцэ* (< *кенже*), *куца* (< *хужа*). Островком среди цоканящих говоров является тевризский, где употребление *ч* регулярно. Цоканье характерно и для калмакского говора, а в зуштинско-чатском говоре и орском подговоре под влиянием тоболо-иртышского диалекта развилось цоканье.

Цоканье, распространенное в калмакском говоре томского диалекта, объединяет его с алтайским языком. К другим признакам тевризского говора, сходным с признаками хакасского языка, относятся: сужение гласных в ряде грамматических форм: *сойлир* < *сойлар* 'он расскажет', *китминчэ/китмин* 'не уходя'; использование аффикса

уподобления *-тах*, *-тақ/-тэк*: *онтах* 'как мука', *антақ* 'такой'; употребление *х* вместо общетюркского *қ*: *палых* 'рыба', *чыхтых* 'мы вышли' и др.

На основании исследования фонетических закономерностей автор приходит к заключению, что в барабинском диалекте существует тенденция к удлинению или нисходящедифтонгоидному произношению гласного первого слога.

Целому ряду татарских «дифтонгов» с полугласным *й* в барабинском диалекте соответствуют нисходящие дифтонги с неслоговым *у*, *ү*: *күү* (тат. *көү*) 'мелодия'; *-тауф*



-тау — аффикс уподобления (тат. *-тай*, тевриз. *-тақ*): *антау*, *пистау*, *орыстау*; *еүрән* (тат. *өйрән*, мишар. *үрән*) 'учиться' и др.

Д. Г. Тумашева справедливо пишет, что фонетические системы сибирских диалектов сохранили ряд древнетюркских черт, некоторые особенности, имеющие в тюркских языках сравнительно узкий ареал и признаки, общие для алтайско-хакасской подгруппы тюркских языков. Вместе с тем в них наблюдаются признаки, характерные для кыпчакских языков, а в вокализме отмечается сильное воздействие татарского языка. Некоторые говоры испытали влияние узбекского языка (а именно тевризский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта), выразившееся в появлении различных типов гласного *a* — от сильно лабиализованного до смягченного после согласных *к*, *р* в случаях нарушения сингармонизма, а также в употреблении согласных *ф*, *х* в заимствованиях. Распространителями узбекского языкового влияния были пришлые бухарцы (ооставлявшие на территории функционирования тарского говора почти половину тюркоязычного населения); новые явления в других диалектах возникли в результате маргинального контактирования с соседними угро-финскими диалектами. Определенное воздействие на сибирские диалекты оказали мишарские говоры татарского языка (хотя эта близость могла быть и более раннего происхождения).

В морфологическом отношении диалекты сибирских татар обнаруживают ярко выраженные кыпчакские особенности. Наиболее полно грамматические особенности кыпчакско-ногайской подгруппы тюркских языков нашли отражение в тоболо-иртышском диалекте, имеющем татаро-башкирские и отчасти узбекско-уйгурские черты.

Среди диалектов этого региона особо выделяется барабинский. Он также имеет кыпчакскую основу, однако при этом тяготеет к южным диалектам алтайского и к киргизскому языку и имеет ряд общих грамматических особенностей с хакасским, шорским, тувинским и чулымско-тюркским языками. Грамматическая система барабинского диалекта, безусловно, испытала также влияние казахского языка, что объясняется историческими условиями жизни барабинских татар и формирования их диалекта.

Томский диалект еще ближе к алтайскому и родственным с ним языкам, особенно его калмакский говор, носителями которого являются телеуты. Влияние татарского языка в эуштинско-чатском говоре привело к смешению двух языковых систем, появлению тенденции к постепенному вытеснению местных явлений новыми, заимствованными из литературного татарского языка. На томский диалект оказали также влияние соседние сибирские диалекты: с одной стороны, тоболо-иртышский и барабинский, с другой — чулымско-тюркский.

Высказанные автором монографии предположения о генетических связях и взаимодействии некоторых из диалектов сибирских

татар с теми или иными языками и диалектами подтверждаются данными фонетики и грамматики. Например, на территории распространения тоболо-иртышского диалекта полностью или частично сохранились формы трех временных основ с аффиксом *-ты* (<*-туруп*): *алатым* (настоящее время), *алыптым* (прошедшее субъективное), *алмастым* (отрицательная форма настоящего-будущего времени). Для восточнотобольского подговора характерны: широкое употребление глагола *ий-* (в восточнотюркских — *ыс-*, *ыт-*) в составе аналитического глагола, а также отрицательная форма будущего времени в 1-м лице — *алмастым*, встречающаяся в алтайском, шорском, хакасском и других языках.

К исконно татарским чертам, наиболее часто встречающимся в тюменском, тобольском говорах и в эуштинско-чатском говоре томского диалекта, автор относит: спряжение основы настоящего времени *ала* во всех лицах, включая третье (*ул ала*); спряжение перфекта с личными (полными) аффиксами первой группы (тогда как в тоболо-иртышском диалекте нормой является сочетание формы на *-ган* с личными местоимениями, а в барабинском диалекте глагол в перфекте спрягается по алтайскому типу); активизацию деепричастной формы на *-гац* вместо общераспространенной *-ган соң* и тобольской *-гансың*, а также отрицательной формы деепричастия на *-мыйца* вместо общераспространенных *-майыңца*, *-майың*, *-мыйың* и т. д.

К кыпчакским чертам диалектов Д. Г. Тумашева относит общие для всех диалектов: контаминированные формы настоящего и прошедшего субъективного времени, характерные для казахского, ногайского, каракалпакского, карачаево-балкарского языков, диалектов кумыкского, азербайджанского и узбекского языков (*ала-м*, *ала-сың*, *ала-ты*; *алып-мын*, *алып-сың*, *алып-ты*); развитие инфинитива на *-уға*, характерное для барабинского диалекта, тарского и тевризского говоров, относится к типичным явлениям казахского, каракалпакского, киргизского, ногайского языков, встречается в башкирских диалектах; желательный оборот *-ғы* (*-м*, *-ң*, *-сы*) *кил*, имеющийся во всех сибирских диалектах, широко распространен в тюркских языках: этот оборот характерен для казахского, ногайского, киргизского, башкирского, узбекского языков, диалектов татарского языка и др.; указательные местоимения *монау*, *анау*, отмеченные в ряде говоров, также характерны главным образом для кыпчакско-ногайской подгруппы тюркских языков и т. д.

К особенностям восточнотюркской группы и к алтайским и хакасским чертам Д. Г. Тумашева относит: употребление во всех диалектах аффикса *-ғы* (глагольное имя) и образованных от него вторичных форм на *-ғылык*, *-ғысыс*, *-ғытай*, встречающихся в различном фонетическом оформлении в староузбекском, древнейгурском, ал-

тайском, хакасском, шорском, новоуйгурском, узбекском языках; форму на *-ғалақ*, от которой сохранился местный падеж на *-ғалақта*, и лично-временные формы на *-ғалақ-мын*; *-ғалақ итім* (в барабинском и частично в томском диалектах), характерные для тувинского, шорского, хакасского и алтайского языков; аффикс исходного падежа *-даң*, *-таң*, *-наң*, характерный для алтайского, шорского и хакасского языков, встречающийся в калмакском говоре томского диалекта и в некоторых наречных образованиях (*анаң-мынаң*) в барабинском диалекте и др.

Факты, приведенные в монографии, свидетельствуют о чрезвычайно смешанном характере сибирских диалектов, грамматическая система которых сложилась в результате взаимодействия различных племенных диалектов, в основном кыпчакского типа. В восточных районах расселения сибирских татар заметную роль в формировании диалектов сыграли восточнотюркские племена, а в некоторых случаях генетические связи с ними прослеживаются и в говорах тоболо-иртышского диалекта на западе и т. п.

Автор справедливо считает, что сибирские татарские диалекты относятся к кыпчакской группе тюркских языков, в которой тоболо-иртышский диалект занимает промежуточное положение между татаро-башкирской и кыпчакско-ногайской подгруппами; барабинский диалект носит в себе следы смешения признаков той и другой группы с восточнотюркскими элементами, обнаруживая сходство с алтайским, киргизским, хакасским, шорским, чулымско-

тюркским и тувинским языками; томский диалект соединяет в себе черты северо-восточной группы с поволжско-татарской.

Анализ приведенных данных указывает на то, что сибирские диалекты образовались не в результате дифференциации некогда единого татарского языка, а, напротив, развиваются в сторону все большего сближения с ним.

Таким образом, язык сибирских татар представляет собой совокупность нескольких близкородственных диалектов, обслуживающих этнические группы сибирских татар, составляющие единое историко-этническое целое благодаря генетическому родству, общности исторического развития и этнического самосознания.

Как правильно указывает автор монографии, на определенном этапе развития эти диалекты консолидировались с татарским национальным языком. Литературный татарский язык является языком данной этнической общности в настоящее время. Благодаря взаимодействию с татарским языком в его литературной и народно-разговорной форме происходит дальнейшее сближение диалектов, в них вырабатываются общие черты, образуются смешанные диалекты и говоры.

Монография Д. Г. Тумашевой «Диалекты сибирских татар» благодаря своей новаторственности и высокому научному уровню является ценным вкладом в татарскую и в целом тюркскую диалектологию.

Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов,  
А. Б. Бекберген

## Р. БАРЛЫБАЕВ. ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ ЛЕКСИКА

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1978, 144 стр.

Книга ныне покойного казахского лингвиста Р. Барлыбаева представляет собой первое монографическое исследование, посвященное путям формирования и проблемам развития общественно-политической лексики современного казахского литературного языка.

Работа включает обширное введение и три главы. В конце книги даны списки основной литературы и сокращений.

Введение (стр. 3—58) состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие вопросы развития казахского литературного языка и его общественно-политической лексики в советскую эпоху. После победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда были созданы все условия для расцвета национальных культур народов нашей страны, казахский язык стал ин-

тенсивно развиваться, а сфера его функционирования расширилась. В этом большую благотворную роль сыграл и продолжает играть русский язык.

Наряду с успехами в развитии казахского языка в советское время автор показал также отдельные недостатки, имевшие место на ранней стадии этого процесса, в 20-е годы, выразившиеся в пуризмизме и арабско-персидско-турецкой ориентации казахской общественно-политической лексики того времени. Эти ошибки были отвергнуты самой жизнью, ибо они противоречили объективному закону развития казахского языка и культуры. Во введении дано описание основных характерных черт общего лексического фонда в языках народов СССР: близость фонетико-морфологической структуры слова, сохранение им свое-

го значения в большинстве языков, непрерывный рост этого фонда.

Вторая часть введения содержит обзор исследований общественно-политической лексики современного казахского языка. В определении этой категории лексики автор придерживается точки зрения и классификации Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко. К общественно-политической лексике Р. Барлыбаев относит, таким образом, слова-названия, охватывающие сферы партийной, советской, профсоюзной, комсомольской, пионерской жизни, а также идеологии и права.

В первой главе (стр. 59—107) рассматриваются номенклатурные типы общественно-политической лексики. В пяти ее разделах подробно исследованы соответственно: 1) понятия, относящиеся к организационной и идеологической деятельности Коммунистической партии Советского Союза; 2) слова, обозначающие некоторые идейно-правовые понятия; 3) названия, относящиеся к деятельности комсомола, молодежных организаций; 4) наименования, относящиеся к деятельности советских административно-хозяйственных органов, названия учреждений и профессий; 5) названия профсоюзов и различных добровольных обществ, организаций, творческих союзов.

В книге убедительно показано, что формирование социалистического общества, коренные преобразования, происшедшие во всех сферах жизни народа, активное участие трудящихся в общественной жизни республики и страны явились основой возникновения и интенсивного развития общественно-политической лексики казахского языка. Обширный пласт слов, связанных с понятиями марксистско-ленинского учения, образовался в послеоктябрьский период развития казахского языка. Сложносокращенные слова, употребляемые преимущественно в общественно-политической сфере языка — это новое явление в казахском языке. Автор подробно анализирует возникновение многих слов-названий.

Вторая глава (стр. 108—134) посвящена характеристике лексико-семантических, фонетических и грамматических особенностей общественно-политической лексики. Современная казахская общественно-политическая лексика включает в себя в основном исконно казахские слова, заимствования из русского языка и проникшие через посредство русского языка интернациональные слова. Эти слова в книге тщательно классифицированы по лексико-семантическим группам и приведены в соответст-

вующих параграфах. Автор связывает происхождение многих слов и словосочетаний с определенными периодами в истории советского общества.

Рассматривая вопрос об изменении значения слова, автор особое внимание обращает на причины возникновения нового значения и его развитие, связанное с экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Много понятий возникло в казахском языке в результате расширения значения слова, путем лексико-семантической его дифференциации, семантических калек, метафорического употребления слова и т. д. Вместе с тем некоторые названия общественно-политических реалий в настоящее время стали архаизмами. В книге отдельно говорится о фонетических особенностях общественно-политической лексики, отмечается появление новых, ранее не свойственных казахскому языку, фонетических сочетаний. При морфологической характеристике общественно-политической лексики анализу подвергается морфологическая структура слова: корневая морфема, производная, сложная, парная (парноповторная) и сложносокращенная основы. Автор выделяет также наиболее продуктивные аффиксы словообразования общественно-политической лексики, типы наименований, представляющие сложные синтаксические образования.

Третья глава (стр. 135—141) посвящена общему обзору современного состояния и перспективам дальнейшего развития общественно-политической лексики казахского языка. В ней указывается, что внутренние возможности казахского языка оказались достаточными для формирования обширного пласта общественно-политической лексики. Наряду со словообразовательными возможностями — развитием функций аффиксов и другими способами — определенную роль сыграла и диалектная лексика. Автор приходит к выводу, что современный казахский литературный язык обладает устойчивой общественно-политической лексикой, создающей хорошую основу для ее обогащения в будущем.

В советскую эпоху казахский язык пополнился тысячами новых слов, словосочетаний, понятий и достиг подлинного расцвета.

Исследование Р. Барлыбаева, проведенное на основе анализа большого фактического языкового материала, представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

*К. Мусаев*

## Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ. ЯЗЫК ЭПИТАФИЙ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

ИЗД-ВО «НАУКА». М., 1978, 206 стр.

Книга Ф. С. Хакимзянова является обобщающей работой, посвященной эпитафиям волжских болгар. Автор вносит существенные коррективы в данные книги Г. В. Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» (М., 1960), а также дает чтение и толкование новонайденных эпитафий.

Во «Введении» содержится обстоятельный обзор истории изучения болгарских эпиграфических памятников. Часть из них (из развалин г. Булгары) была списана по приказу Петра I еще в начале XVIII века. Начиная с XIX века, сбор эпитафий стал проводиться более систематически (почти все они находятся на территории Татарской АССР). Особые заслуги в исследовании этих своеобразных письменных памятников принадлежат Х. Фаезханову, Н. Ф. Катанову, Г. В. Юсупову, М. Р. Федотову, Б. А. Серебряникову, О. Прицаку и А. Рона-Ташу.

Книга включает главы: «Следы диалектов в языке надписей», «Графо-фонетика», «Морфология» и «Лексика».

Выявляя следы диалектного членения в языке эпитафий, Ф. С. Хакимзянов делает уместную оговорку, что употребление термина «диалект» в данном случае может быть только условным (стр. 19). Хотя известные нам слова с выраженными болгарскими особенностями позволяют предположить существование в период написания эпитафий, по крайней мере, двух наречий, тем не менее, как свидетельствует карта местонахождения эпитафий (стр. 21), для констатации каких-либо определенных территориальных диалектов оснований недостаточно. Поэтому автор справедливо выступает против высказывавшегося некоторыми историками мнения о том, что древние болгарский и суварский диалекты якобы соответствуют современным чувашским диалектам — верховому и низовому. У болгар (к ним мы не относим кыпчаков и других тюрков, проживавших в пределах древней Булгарии), несомненно, существовали какие-то диалекты. Однако упоминаемые древними авторами болгарский и суварский языки, возможно, и не соответствовали реальному языковому членению того времени. В связи с этим Ф. С. Хакимзянов приводит мнение О. Прицака, считавшего, что данные Махмуда Кашгари о «болгарских» и «суварских» словах, чрезвычайно скудные сами по себе, не могут быть признаны вполне достоверными, поскольку записаны они со слов вторых или даже третьих лиц.

Однако предположение Ф. С. Хакимзянова (опирающегося при этом на мнение А. Т. Тагирджанова), что болгарский язык использовался как язык эпитафий, уже будучи мертвым, нуждается в более убедительном обосновании, ибо преемник одного из диалектов болгарского языка — чувашский — существует по сей день.

В главе «Графо-фонетика» Ф. С. Хакимзянов описывает палеографические особенности эпитафий и приходит к выводу, что в языке исследуемых эпитафий (исключая явно кыпчакско-татарские) выступают общетюркские  $b, m, n$ , наблюдаются переходы  $d > t, s > \xi, t > \xi, q > x, x > h, d > r$  в начальной позиции и соответствия  $r$  и  $l$  общетюркским  $z$  и  $\xi$ . Все эти признаки (кроме сохранения  $b$ ) характеризуют и современный чувашский язык. Однако такие специфические особенности чувашского языка, как  $z > s'$  и выпадение  $q, k, \gamma, g$  в ауслауте, в языке болгарских эпитафий не отмечаются.

Объективно очень важным является установленный Ф. С. Хакимзяновым факт, что язык кыпчакского населения Булгарий XIII—XIV веков был языком йодящего типа («j-диалект» по терминологии автора).

Говоря о гласных болгарского языка, Ф. С. Хакимзянов указывает на его общетюркскую восьмигласную систему:  $a—e, y—i, o—\delta, u—\dot{u}$ , оговариваясь при этом, что вследствие крайней неточности передачи гласных в болгарской письменности определять вокализм приходится косвенными путями. Автору нельзя отказать в убедительности его суждений и доводов, однако в данном случае недостаточность опорных фактов может привести к взаимноисключающим реконструкциям, не уступающим друг другу в логичности.

Ф. С. Хакимзянов полагает, что у болгар передача тюркских гласных арабскими буквами осуществлялась теми же методами, которые использовались уйгурами в X—XI веках. В частности, по его мнению, начертания  $\text{يا}$  и  $\text{وا}$  передавали не сочетания звуков  $ia$  и  $wa$ , а звуки  $e$  и  $o$ . Не вдаваясь в полемику, заметим, что и старое чтение ( $ia/i\ddot{a}$  и  $wa/w\ddot{a}$ ) не противоречит известным данным и выводам сравнительно-исторической фонетики. По крайней мере, в одном случае можно указать почти полное тождество написания болгарского и современного чувашского слов: *булг. تواتم* ~ чув. *t\ddot{a}vat\ddot{a}m* 'четвертый' (см. в «Списке болгарских князей» — *тоутомъ*). Сомнительно также утверждение (со ссылкой на М. Р. Федотову), что чув. *кон* 'день' не могло возникнуть из звучания *كوان* 'день', ибо при веляризации звуков *ku\ddot{a}p* трансформировалось в *ku\ddot{a}p*, а последнее, как не соответствующее фонетическим законам чувашского языка (отсутствие дифтонгов), преобразовалось в коп. Вызывает недоуме-

<sup>1</sup> См.: М. Р. Федотов. Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских болгар, а также финно-угров. — «Советская тюркология», 1979, № 3, стр. 30.

ние прочтение слова *یواری* как *jōri*: если *وا* передает *o* (*ō*), то непонятна дамма над

*ر* (тем более, что, по свидетельству Ф. С. Хакимзянова, это слово происходит от *jaw āgi* 'воин', букв. 'муж войны'). Звукосочетание *ува*, *iwā* на месте общетюркского *o/ō* встречается (по неопубликованным данным татарского диалектолога Н. Б. Бургановой) в ряде говоров среднего диалекта татарского языка. Главным же обстоятельством, заставляющим сдержанно относиться к реконструкции Ф. С. Хакимзянова, является тот факт, что современные татарская и чувашская системы вокализма резко отличаются от общетюркской восьмигласной. Почему-то, многие языковеды и историки по существу обходят это важное обстоятельство, ограничиваясь предположением, что новые системы вокализма развились в языках Поволжья, начиная с (или после) XIV века. К сожалению, источники (письменные и другие) не позволяют точно датировать время передвижения гласных, однако известные факты противоречат теории позднего развития новых систем вокализма. Общий состав новых гласных в разных языках — в башкирском, татарском, чувашском и марийском (отчасти даже в казахском и ногайском), — распространенных на огромной территории, не мог не иметь общего источника (если бы причина была одна, а источники различные, сходные процессы затрагивали бы разные пласты лексики, в данном же случае идентичные изменения наблюдаются в одних и тех же, притом весьма многочисленных, словах). Казанско-татарско-башкирская и верхово-чувашская системы вокализма (характеризуются переходами  $a > a^o > o$ , общетюркских *o* и *ō* в *u*, *ū*, прежних *u*, *ū* в *ū*, *ū*, общетюркских *i* и *e* соответственно в *ī* и *ī*) имеют, безусловно, общее происхождение (все это вполне доказуемо). Но ведь столь глубокие общие процессы могли протекать только в условиях тесного контакта носителей указанных языков и диалектов. А условия для таких контактов не могли существовать после XIV века — начала беспрепятственных войн, и после XVI века, когда отдельные группы тюркоязычного населения Среднего Поволжья, в силу известных исторических причин, оказались изолированными друг от друга. По мнению Л. Т. Махмутовой, мишарский диалект оформился не позже XI—XII веков в бассейне реки Цна (притока Оки)<sup>2</sup>. Если это действительно так (а у нас нет оснований оспаривать данное мнение), то возникает вопрос: когда татары-мишари успели усвоить казанско-татарский чокализм (или наоборот)? Вряд ли короткий период относительно мирного общения (конец XIII—начало XIV века) мог ока-

заться достаточным для нивелирования вокализма всех тюркских наречий от Оки до Урала. Если даже допустить такую возможность, то причина этого «великого передвижения гласных» в языках Среднего Поволжья и Приуралья остается неясной.

Без научного освещения всех этих проблем никакие вопросы реконструкции не могут быть решены. Ф. С. Хакимзянов, вероятно, прав, полагая, что создатели болгарской письменности на основе арабской графики, копируя уйгурские образцы, «подгоняли» вокализм болгарского языка к тюркской восьмигласной системе. Однако автор не акцентирует внимания на этом обстоятельстве, стремясь согласовать свою реконструкцию с фактами татарского и чувашского языков, допуская порой и некоторые неточности. Так, например, он утверждает, что в татарских говорах Приуралья сохранился общетюркский *o* в словах *кой-ставить*, *богозлау* 'горло' (стр. 53). Но в диалектологическом словаре татарского языка (издания 1969 года), откуда Ф. С. Хакимзянов берет указанные примеры, буква *o* везде обозначает специфический татарско-башкирско-чувашский звук *ū*, который возник только пройдя через ступень *u*, и никак не иначе. В среднем (казанском) диалекте татарского языка (как и в башкирском) нет ни одного случая сохранения общетюркского *o* или *ō*.

Главы «Морфология», «Лексика», а также заключение книги не вызывают особых замечаний. Рассуждения и выводы Ф. С. Хакимзянова по этим разделам отличаются основательностью аргументации при лаконичности и четкости изложения.

В болгарских эпитафиях направительный падеж, как и в чувашском языке, оформлялся посредством аффикса *-a* (стр. 59—60), а исходный падеж — аффикса *-ran* (~чув. *-ran*). Чувашские особенности характерны как для фонетики, так и морфологии числительных. Глагольная форма на *-sa*, *-sar* в эпитафиях, как и в чувашском языке, употреблялась в качестве деепричастия (стр. 69—70).

В лексике эпитафий также имеется ряд болгарско-чувашских дистриктивных параллелей (*ārnā* ~чув. *erne* 'неделя', *žal* ~чув. *sol, su* 'год', *ajuh* ~чув. *oidax, uidax* 'месяц' и др.). Думается, в этот список можно было бы включить еще слова *bu, bū* ~чув. *nū* 'князь, царь' (в эпитафиях *Altup bu, Xaži bu*), *tu-n* 'делать, совершать' ~чув. *tu- id., išnā* ~чув. *šne* 'в, в течение'<sup>3</sup>.

Вместе с тем в языке болгарских эпитафий явственно проявляется кыпчакское влияние. В частности, сохранено древнекыпчакское слово *ālti, a'ci* 'госпожа' (стр. 91—92).

К рецензируемой книге дан ряд приложений: фотографии и тексты сорока двух памятников с комментариями, списки: личных

<sup>2</sup> Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978, стр. 262.

<sup>3</sup> См.: Н. П. Петров. Чуваш литература. Чёлхин историйё. Шупашкар, 1978, стр. 41.

имен (встречающихся в рассмотренных памятниках), мест находок или хранения памятников, использованной литературы.

В целом книга Ф. С. Хакимзянова «Язык

эпитафий волжских булгар» — хорошо подготовленное, ценное, подлинно научное издание.

Р. Г. Ахметьянов

## Т. ҚОРАЕВ, Р. ВОХИДОВ. АДАБИЙ ТАХАЛЛУСЛАР ҲАҚИДА

ТОШКЕНТ, 1978, 60 стр.

В исторической ономастике стран Востока псевдонимы занимают особое место. Наиболее широко распространены псевдонимы в тюркской и персидской классической литературе. Здесь, можно сказать, каждый писатель и поэт имел свой псевдоним (нередко не один). Об этом писал еще Алишер Навои в своей знаменитой поэме «Язык птиц»:

Если ж дело творят, уж положено так:  
У создавшего что-либо должен быть

знак.

Это — подпись его, доказательство права,  
Будет это печать ли, клеймо ли,

протрава.

Строй стихов, что начертан  
с искусством и вкусом,

Завершается знаком творца —  
тахаллусом!<sup>1</sup>

(Перевод С. Н. Иванова)

Литературные псевдонимы в узбекском литературоведении до сих пор не были объектом специального монографического исследования, и рецензируемая брошюра Т. Караева и Р. Вахидова — первая попытка восполнить этот пробел.

Брошюра состоит из двух частей: «Об истории литературных псевдонимов» (стр. 3—23) и «Словарь — пояснение псевдонимов» (стр. 24—58).

В первой части авторы кратко освещают историю изучения псевдонимов в русской и узбекской ономастике и литературоведении, подробно останавливаются на отличии псевдонимов от прозвищ, *нисб/унванов* (званий, должностей), от *куньи* — обращений к старшим по имени их детей и родителей (например, Абу Али ибн Сина «Отец Али сын Сины»). Работа содержит сведения о сферах и особенностях употребления каждого из псевдонимов, причинах их возникновения, принятия и распространения (стр. 5—13).

Второй раздел первой части целиком посвящен принципам выбора литературных псевдонимов, анализу их семантики. Приводятся высказывания Алишера Навои и Садриддина Айни о побудительных причинах выбора псевдонима в зависимости от

социального положения и мировоззрения писателя и его замены в соответствии с характером произведения. В конце раздела авторы перечисляют восемь принципов выбора писателями псевдонимов: 1) по должности или званию — *нисба* или *унван* становится псевдонимом (*Хос Ҳожиб 'Хас Хаджиб', Амирий 'эмир, правитель'*); 2) по месту рождения или проживания (*Ганжавий, Рудакий*); 3) по роду занятий или профессии (*Хайём 'мастер, изготовляющий палатки', Саккокий 'саккок — мастер, изготовляющий ножи'*); 4) по социальному положению, материальной обеспеченности (*Муфлсий — муфлис 'бедный', Вазир 'везир'*); 5) по собственному имени (*Мўминий, Солих*); 6) по соответствию чертам характера, психическим и иным особенностям (*Махмур 'хмельной', Жунуний 'сумасшедший', перен. 'безумно влюбленный'*); 7) образные псевдонимы (*Яшин 'молния', Ҳилолий 'лунный'*); 8) псевдонимы, принятые по совету учителей и наставников (стр. 21).

Т. Караев и Р. Вахидов не ограничиваются псевдонимами, известными по классической литературе, и анализируют псевдонимы современных узбекских писателей (*Яшин, Айбек, Айдин, Уйғун, Айни* и др.). Авторы отмечают широкое распространение в современной литературе нового типа псевдонима, состоящего из имени и именной части фамилии писателя (*Гафур Гулям, Хамид Гулям, Адхам Рахмат* и др.).

Вторая часть книги построена по типу восточных тезкире — антологий. Здесь особое внимание уделено причинам выбора и раскрытию лексического значения конкретных псевдонимов. Авторами в алфавитном порядке приводятся девяносто шесть псевдонимов узбекских, таджикских, азербайджанских поэтов и прозаиков. Каждый литературный псевдоним сопровождается указанием: полного имени поэта или прозаика (если оно известно); краткими биографическими данными о нем; списком основных произведений; примерами в несколько строк из его поэтического творчества.

Работа Т. Караева и Р. Вахидова, несомненно, является полезным пособием для литературоведов, особенно для преподавателей литературы в вузах и средней школе.

Х. Г. Нигматов

<sup>1</sup> Алишер Навои. Сочинения. Т. VIII. Ташкент, 1970, стр. 321.

## Х Р О Н И К А

### «КАТЕГОРИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ И ЕГО ФУНКЦИИ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ»



31 октября 1979 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР состоялась защита диссертации «Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте», представленной заведующим сектором истории и диалектологии названного института **Аннануровым Ата** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В диссертации А. Аннанурова на большом фактическом материале рассматриваются основные этапы исторического развития деепричастных форм и связанных с ними других грамматических категорий. Используя данные письменных памятников XII—XIX веков (в основном рукописных источников), диссертант проследил пути развития деепричастных форм на *-ып/-ип*, *-а/-е*, *-ынча/-инче*, *-дыкча/-дикче*, *-галы* > *-алы*, *-гач/-геч* и др. К исследованию диссертантом были привлечены данные многочисленных диалектов и говоров туркменского языка, по настоящее время сохранивших древние формы. В письменных памятниках туркменского языка встречается до-

вольно много аналитических форм, выражающих способ действия и модальность, а также сложных и парных глаголов, первыми компонентами которых выступают первичные формы деепричастия. Все эти материалы освещены и тщательно проанализированы автором.

Как видно из работы, большинство деепричастных форм, бывших в прошлом в фонетическом и морфологическом отношении многовариантными и полисемантическими, к нашему времени утратило значительную часть своих вариантов и сократило семантический объем.

А. Аннануров является автором ряда опубликованных работ (монографий, брошюр, статей) по теме диссертации, благожелательно встреченных специалистами-языковедами республики.

Официальные оппоненты — академик АН Туркменской ССР П. Азимов, д-р филол. наук, проф. С. Н. Иванов (Ленинград), д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов (Баку), а также выступившие на защите член-корреспондент АН Туркменской ССР З. Б. Мухамедова, д-р филол. наук, проф. Ф. Р. Зейналов (Баку), д-р филол. наук Т. Тачиуродов дали высокую оценку работе А. Аннанурова, признав, что она представляет интерес не только для туркменской лингвистики, но и для тюркологии в целом.

Члены специализированного совета единогласно высказались за присуждение А. Аннанурову ученой степени доктора филологических наук.

М. Соегов

СОДЕРЖАНИЕ

- Б. А. Серебренников* (Москва), *Н. И. Исанбаев* (Йошкар-Ола). Восточные финно-угорские языки и их значение для истории тюркских языков Поволжья . . . . . 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- И. Г. Добродомов* (Москва). Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках . . . . . 8  
*Л. Г. Тимонина* (Таганрог). Коттско-тюркские словарные сопоставления Карла Боуда . . . . . 20

ОНОМАСТИКА

- С. К. Караев* (Ташкент). О показателях множественности в топонимах Узбекистана . . . . . 26  
*А. Гусейнзаде* (Баку). Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Biläsuvār) . . . . . 30

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. А. Ганиев* (Казань). Об орфографии сложных слов в тюркских языках . . . . . 36  
*Н. Е. Петров* (Якутск). О стихотворной форме олонхо и ее связи с поэзией орхонских тюрков . . . . . 41

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Мамажанов* (с. Ушангузар Ферганской области Узбекской ССР). О периодах в современном узбекском литературном языке . . . . . 50  
*М. Ф. Чернов* (Чебоксары). Типы свободных и несвободных сочетаний слов (с глаголом tux) в современном чувашском языке . . . . . 55  
*В. И. Котлеев* (Чебоксары). Дифференциальные признаки и акустические характеристики чувашских гласных . . . . . 64  
*С. И. Ибрагимов* (Ош). О некоторых структурно-вероятностных параметрах киргизского научно-технического текста . . . . . 72  
*Р. Дж. Магеррамова, Э. И. Раева* (Баку). Взаимоотношения диалектов и говоров азербайджанского языка с письменным литературным языком XVIII века . . . . . 80  
*Т. Бегжанов* (Нукус). О терминах шелководства в каракалпакском языке . . . . . 85  
*И. Л. Кызласов* (Москва). Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией . . . . . 90  
*Х. Хамидов* (Нукус). Об изучении письменных памятников каракалпакского языка дореволюционного периода . . . . . 97

РЕЦЕНЗИИ

- Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов, А. Б. Бекберген* (Нукус). *Д. Г. Тумашева*. Диалекты сибирских татар . . . . . 101  
*К. Мусаев* (Москва). *Р. Барлыбаев*. Қазіргі қазақ тіліндегі қоғамдық-саяси лексика . . . . . 105  
*Р. Г. Ахметьянов* (Казань). *Ф. С. Хакимзянов*. Язык эпитафий волжских булгар . . . . . 107  
*Х. Г. Нигматов* (Бухара). *Т. Қораев, Р. Воҳидов*. Адабий тахаллуслар ҳақида . . . . . 109

ХРОНИКА

- «Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте» . . . . . 110



## CONTENTS

- B. A. Serebrennikov* (Moscow), *N. I. Isanbayev* (Yoshkar-Ola). Eastern Finno-Ugric languages and their role in the history of the Turkic languages of Povolzhie . . . . . 3

## LANGUAGES IN CONTACT

- I. G. Dobrodomov* (Moscow). Accentological characteristics of Bulgarisms in the Slav languages . . . . . 8  
*L. G. Timonina* (Taganrog). Kottish and Turkic lexical comparison by Karl Bouda . . . . . 20

## ONOMASTICS

- S. K. Karayev* (Tashkent). On plurality markers in toponyms of Uzbekistan . . . . . 26  
*A. Guseinzade* (Baku). On an ancient ethnotoponym in Azerbaijan (Billäsuvar) . . . . . 30

## DISCUSSIONS

- F. A. Ganiyev* (Kazan). On orthography of compound words in the Turkic languages . . . . . 36  
*N. E. Petrov* (Yakutsk). On the poetic structure of olonkho and its connections with the poetry of Orkhon Turks . . . . . 41

## REPORTS, SURVEYS

- A. Mamazhanov* (village Ushanguzar of Fergana province of the Uzbek Soviet Socialist Republic). On the periods in modern Uzbek literary language . . . . . 50  
*M. F. Chernov* (Cheboksari). Types of free and non-free word-combinations (with verb *tux*) in modern Chuvash language . . . . . 55  
*V. I. Kotleyev* (Cheboksari). Distinctive features and acoustic characteristics of Chuvash vowels . . . . . 64  
*S. I. Ibragimov* (Osh). On some structural and probability parameters of Kirghiz scientific technical text . . . . . 72  
*R. Dzh. Magerramova, Z. I. Rzayeva* (Baku). Interrelations of Azerbaijan dialects and subdialects with written literary language of the XVIII-th century . . . . . 80  
*T. Begzhanov* (Nukus). On terms of sericulture in the Karakalpak language . . . . . 85  
*I. L. Kyzlasov* (Moscow). Tugutoupskaya stela with ancient Khakass epitaph . . . . . 90  
*Kh. Khamidov* (Nukus). On study of Karakalpak written records in pre-revolutionary period . . . . . 97

## REVIEWS

- D. S. Nasyrov, U. D. Dospanov, A. B. Bekbergenov* (Nukus). Д. Г. Тумашева. Дialectы сибирских татар . . . . . 101  
*K. Musayev* (Moscow). Р. Барлыбаев. Қазіргі қазақ тіліндегі қоғамдық-саяси лексика . . . . . 105  
*R. G. Akhmetyanov* (Kazan). Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар . . . . . 107  
*Kh. G. Nigmatov* (Bukhara). Т. Қораев, Р. Воқидов. Адабий тахаллуслар ҳақида . . . . . 109

## CHRONICLE

- «The category of adverbial participle and its functions in the Turkmen language in historical aspect» . . . . . 110

6 м 130

1 руб.

Индекс  
70927